

Зима

СЕРИЯ
«ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА»

ФРЕНКИ РОУЗ

Девушка с темной историей... Эвери Бреслин, изменив имя, верит, что преодолела главное препятствие. Теперь она Эвери Паттерсон – и больше не дочь серийного маньяка. Незапуганная и подвергаемая нападкам старшеклассница. Новое имя, новый старт в Колумбийском университете означает, что Эвери оставляет все позади. Всего одна вещь омрачает ее мечту о безупречной репутации. Парень с его собственным прошлым... Люк Рид – сексуальный, татуированный задира с сумасшедшим музыкальным талантом. Несмотря на умение играть на гитаре, его истинное жизненное призвание – помогать и защищать. Коп полиции Нью-Йорка днем, солист рок - группы D.M.F вечером – со стороны кажется, он прекрасно все совмещает. Но влюбленность в девушку, чей отец был обвинен в ужасных преступлениях – причем Люк участвовал в этой опустошающей истории – неожиданно все усложняет. Части мозаики... Четыре символа, четыре способа все уничтожить. Торговля. Взятые взаймы крылья. Темные секреты, способные лишить жизни.

Френки Роуз

Зима

*Никогда не жалей о падении том,
О, Икар, что бесстрашно парил.
Но их величайшая трагедия в том,
Что не чувствовать им, как солнце палит.
Оскар Уайльд*

Ceilidh¹

Имена мужчин, убитых моим отцом, как заклинание переплетаются с ударами моего сердца, сопровождают его биение и каждый шаг, который я делаю по жизни. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт.

Вдыхаю — это Сэм. Выдыхаю — это Джефферсон, или Джефф, смотря насколько близко вы с ним знакомы. Адам существует где-то в промежутке между вдохами, в тех моментах, когда я забываю, что нужно дышать. Я знала Адама. Он был отцом Мэгги, баскетбольным тренером в школе Брейквотера. Его брат — мэр города, и все знали его в лицо.

Моя мечта — однажды убежать из Брейквотера, чтобы все изменить, чтобы все эти события не были такими тяжелыми, но нет никаких шансов. Моя фамилия — синоним боли и убийства, и так будет везде, куда бы я ни направилась, поэтому я ее сменила. Именно по этой причине я оставила свое прошлое в маленьком городке Вайоминга и уехала в колледж, где стала Эвери Паттерсон.

— Эвери! Эй, Эвери! Постой! — Морган Кэплер толкает меня локтем в коридоре, когда я выхожу с занятия по английскому.

Она узнает меня по выделяющимся из толпы белокурым волосам и по папке, за которую я хватаюсь, прижимая к груди, как всегда низко опустив голову. Я улыбаюсь ей и торопливо ухожу подальше от класса международных и общественных отношений, одного из скандально известных мест в Колумбийском университете. Морган по каким-то своим причинам решила помогать мне. Она сумасбродная и откровенная, какой я никогда не была. Возможно, я была бы как она, если бы мой отец не застрелил трех человек, когда мне было четырнадцать. Но опять же, кто знает. Морган пахнет мятной жвачкой и духами Issey Miyake. Она сверкает улыбкой, появляясь откуда-то сбоку, и задевает меня плечом, пытаясь привлечь внимание:

— Ты идешь на celidh сегодня?

Слово — похожее на «Кейли»² — мне не знакомо.

— Что это?

Она накручивает свои темно-рыжие волосы на указательный палец и усмехается.

— Ирландская вечеринка, видимо. Девчонки из Ипсилон выражаются сексуальными лепреконами. Сучки.

Я стону, прячась за своей папкой:

— Ни за что, Кэплер. — Сексуальные лепрекконы, мать их. Студенты сошли с ума. Я не буду тратить свой вечер, тусуясь с кучкой увлекающихся ксанаксом невротичек. Особенно в четверг, потому что с тех пор, как я последний раз проверяла, наши занятия не длились «до пятницы». — Я не собираюсь веселиться сегодня. У меня зачеты на следующей неделе.

— И у меня, — смеется Морган. — Но это не значит, что нельзя на один вечер на все забить.

Она оставляет в покое свои волосы и принимается за мои.

Я ловлю себя на мысли, что надо было уступить безрассудному порыву и постричь их

пару дней назад. Если бы они были короткими вместо свободно лежащих и вьющихся гораздо ниже плеч, ей бы было нечего хватать. И, что более существенно, парни не пялились бы на меня, пока я проходила мимо по коридору, и не делали предположения, основываясь на стереотипах о внешности. Блондинка равно пустышка. Блондинка равно тупая. Большинство девушек из Колумбийского с таким же цветом волос часто выпивают и являются старожилками всех вечеринок. Я подумываю стать брюнеткой.

Шлепнув Морган по руке, я слегка улыбаюсь:

— Я не очень хороша в зубрежке. И должна работать усерднее, чем ты, чтобы получить степень. В таком случае я облажаюсь, и никто не наймет меня на работу. И тогда мне придется переехать и жить с тобой всю оставшуюся жизнь. А ты всегда будешь жалеть, что не оставила меня одну, чтобы я могла сосредоточиться.

— Пффф... — откинув голову назад, стонет она. — Я тебя умоляю! Мы все равно собираемся вместе жить после колледжа. И, кроме того, тебя вечно не бывает дома. Вот станешь большой шишкой в журналистике, тебя обязательно будут приглашать на все изнуряющие звездные вечеринки длиной в ночь, чтобы отслеживать изнутри распадающиеся браки и пластику груди звезд.

У Морган абсолютно неправильное представление о том, каким журналистом я хочу стать. Заметки об общественной жизни и колонка о знаменитостях — последнее, чем я хочу заниматься.

— Мдааа. Действительно, забавно.

— Эвери! — Морган хватается мою руку и тащит прямо к библиотеке, вместо кампуса, куда я шла, по направлению к Морнингсайд-Хайтс, где мы обе живем. — Тебе нужно начать наслаждаться собой.

Ну да, она оставляет за собой право напоминать мне, что я снова себя теряю. Как-то случайно я рассказала ей о своем отце; она единственный человек в Колумбийском, который знает об этом. Однажды вечером мы так напились, что меня вырвало в урну на Бродвее и я разболтала целую историю — как мой отец покончил с собой, убив троих членов Брейквотерского сообщества, как я превратилась в социального изгоя с того дня, и как все шпыняли, гнобили и запугивали меня в последние четыре школьных года.

Я едва знала Морган в то время. Мне реально повезло, что она оказалась верным другом с самого начала. Я почти убила себя, создавая новую личность, и не знаю, что бы делала, если бы не смогла стать кем-то другим здесь. Эвери Паттерсон — обычная девчонка из Айдахо. Ее большая семья не отрекалась от нее из-за ошибок ее отца, а ее мать, конечно, не выбрасывала ее на порог дома лучшего друга отца, чтобы забыть о своей старой жизни и стать хладнокровным прокурором в городе.

Морган сводит брови вместе, пронзительно смотря на меня серыми глазами.

— Мы должны пойти, — говорит она.

— Но зачем? — опять стону я.

— Потому что я рыжая. И убийственно выгляжу в зеленом. А тебе надо потрахаться.

Я стучу по ее руке, она тянет меня ко входу в наш дом на 125-й улице, направляя на лестничную площадку первого этажа.

— Это последнее, что мне нужно. У меня не...

— Если ты скажешь, что у тебя нет времени на секс, я буквально завизжу!

Группа девчонок, спускающихся по лестнице, перестает разговаривать и бросает на нас непристойные взгляды.

— Ты заставляешь людей думать, что я практически шлюха, Морган.

— Ну и что? Жизнь была гораздо веселее, если бы ты была более раскрепощенной.

Я не реагирую на это. Она открывает дверь в квартиру, и я направилась напрямик в ее комнату, усаживаясь на кровать. Я живу тремя этажами выше, поэтому мы обычно тусуемся у нее между занятиями, чтобы меньше ходить. К сожалению, мы были не настолько везучими, чтобы стать соседями при распределении, и ни одна из нас не была достаточно смелой, чтобы поменяться.

— Ты не была ни на одном свидании после поступления в колледж. Ты понимаешь, что первый курс именно для этого и существует? Для встреч с парнями? Все это знают.

Морган начинает рыться в шмотках. Она из тех людей, кто выглядит опрятно и организовано на первый взгляд, но в реальности это далеко не так. Этим, конечно, и объясняется ряд пустых вешалок и возвышающаяся куча шуршащего сатина и кружева в шкафу. И под кроватью. Мне нравится беззаботность Морган, но иногда ее беспорядок напрягает. Моя квартира? Там нет ни единого пятнышка — за этим следит моя соседка Лесли.

— Я думала, первый год нужен для определения специализации. Выбора направления для достижения ученой степени, — говорю я Морган.

Она игнорирует меня, швыряясь выбранными наугад тряпками из зеленой ткани.

— Да, но ты уже сделала обе эти вещи. Ох! — ее голова появляется из проема гардеробной. — Знаешь, я могу и тебе что-нибудь подобрать, если хочешь?

— Иисус, Морган, я никуда не собираюсь!

— Нет, собираешься. Эй, твоя мама до сих пор высылает тебе до смешного огромные суммы каждый месяц, чтобы прикрыть тот факт, что она стерва?

Яжимаю плечами. О, мой Бог, девчонка такая откровенная. Это не первый раз, когда она использует «Американ Экспресс» моей матери, чтобы купить себе новый наряд.

— Мы не пойдем сейчас по магазинам.

Как обычно, дьявольскими и гнусными методами Морган добилась, чего хотела. Позже я обнаруживаю себя прижатой к рогатому лепрекону и парню без рубашки, чей торс выкрашен в зеленый цвет. От него несет виски. Когда они оба начинают заниматься чем-то, похожим на жесткий петтинг, я решаю, что с меня хватит. Морган разговаривает с Тейтом у бочонков с пивом и смеется, закрывая рот рукой, как обычно делает, когда флиртует. Она думает, что у нее некрасивая улыбка, так как нижние зубы немного кривые. Ей следует быть благодарной своей счастливой звезде, потому что ее не принуждали пройти через кошмары зубных скоб, как меня, когда я была ребенком, просто чтобы удовлетворить тщеславие матери в погоне за обладанием «идеальным» ребенком. Да, именно обладанием. Как будто я неодушевленный предмет или что-то типа того.

Морган и Тейт общаются около шести месяцев, и наблюдать за их плясками вокруг да около, притворством, что они слегка заинтересованы, становится реально скучно.

— Я ухожу, — заявляю я, протиснувшись к ним через толпу.

Морган убирает руку ото рта и хмурится.

— Ни за что, мы только пришли!

— Уже полвторого. Мы здесь три часа, и меня тошнит от случайных придурков с

зелеными рожами, которые ухмыляются мне и называют «дорогушей». Ни один из них даже не может изобразить приличный ирландский акцент.

— Здесь есть пара ирландцев. Я уверен, они могут, — вставляет Тейт.

Я изгибаю бровь.

— Невзирая на подлинность присутствующих здесь ирландцев, мне все равно пора домой.

Морган тычет в меня пальцем, не слишком больно, но достаточно, чтобы я поняла, что рушу ее шансы окрутить Тейта.

— Ты настоящая обломщица, юная леди.

— Не кипятись, ты можешь остаться. Я все равно хочу прогуляться пешком.

— Ни в коем случае. Ты разве не читала брошюру о безопасности? Не гулять по ночам одной.

Морган бросает на Тейта извиняющийся взгляд.

— Может, встретимся лучше завтра вечером?

— Конечно. Мы можем взять кино в прокате. Спокойной ночи, дамы.

Он разворачивается и исчезает в толпе, зажигая под звуки Jump Around группы House of pain. Морган показывает мне язык:

— Иногда мне хочется тебя удавить.

Хотя она все равно улыбается, говоря это. Стерва непостоянна. Она простит меня еще до того, как мы придем домой. Хм, далеко мы не уходим. На полпути, спускаясь по лестнице из студенческого общежития, видим припаркованную у тротуара полицейскую машину, с красно-синими огнями, которые освещают улицу. Девчонки в крошечных зеленых мини-юбках и на высоких каблуках курят снаружи, когда слышится сирена, и начинают визжать как полоумные.

— Черт! — Морган крутит жакет в руках. — Мы можем пройти так, чтобы они не заговорили с нами?

— Не психуй. Наверное, кто-то просто пожаловался на шум.

— Нет, Эв. Я не хочу попадаться этим ребятам на глаза сегодня.

У Морган точно не было здорового уважения к закону, но это не причина, чтобы переживать о тридцатисекундном разговоре.

— Не психуй, все будет нормально.

Я тут же жалею о своих словах. Это слишком часто случается в последнее время. Когда двери полицейской машины открываются, мой желудок ухает вниз.

— О боже!

— Что? Что? — Морган сжимает мою руку, ее ногти вонзаются в кожу. Она в ужасе.

— Ничего, это просто...

Люк Рид.

Это Люк Рид. Я не видела его в форме почти четыре года, но это мало что изменило. Он в ней все такой же соблазнительный. Люк был главной звездой Брейквотерской школы.

Девчонки падали к его ногам, как обмороченные барышни, в надежде, что он поймает и приведет их в чувство. Я была увлечена Люком так, как может быть увлечена четырнадцатилетка, покоренная богоподобным старшеклассником. Народ и правда был в отчаянии, когда он выпускался: и ученики, и преподаватели. Люк перешел в колледж на бесплатное отделение, получил футбольную стипендию и вступил в ряды полицейских. Была причина, по которой он поддерживал со мной связь после того, как уехал; всего одна

причина. Та, о которой в данный момент я не хочу думать. Причина, которую я пытаюсь забыть последние три месяца, переехав в Нью-Йорк и успешно избегая его задницы.

Его темные волосы короче, чем обычно, но все-таки немного длиннее, чем должны быть у полицейского. Те же глубокие карие глаза. Та же мужественная линия подбородка. Шок отражается на его лице, когда он встречается со мной глазами. Обходя машину, Люк на секунду останавливается, пытаюсь справиться с удивлением в виде меня, стоящей на ступеньках студенческого общежития в одном из невообразимо коротких платьев Морган. Я съеживаюсь, глядя в его лицо. Люк уже не выглядит слишком впечатленным.

— Айрис?

Все мое тело сжимается от ужаса при звуках этого имени. Я пялюсь на Морган и вижу удивление в ее глазах. Она знала мое настоящее имя, но никто не называл меня так при ней.

— Айрис? — шипит она. — Этот парень тебя знает?

— Объясню позже, — шепчу я. Сделав глубокий вдох, смотрю на Люка, пытаюсь выглядеть трезвой. Конечно, это провал. От меня исходит запах выпитого «Бад Лайт» и стакана теплого виски, который я час назад нашла на липкой стойке в кухне.

— Привет! — я посылаю ему слабую улыбку. — Давно не виделись.

— Да-а-а... — он быстро переводит взгляд с меня на Морган и обратно, явно пытаюсь выстроить цельную картинку происходящего в своей голове. Странно, но я сочувствую ему. Ирония судьбы, да? Из нас двоих именно я была бедным несчастным созданием в наших странных взаимоотношениях.

Люк криво улыбается:

— Я вернулся в Брейк пару месяцев назад. Заглянул к Брэндону, но он сказал, что мама отправила тебя в колледж. Пытался искать, куда ты поступила, но нигде не нашел.

Я мгновенно краснею. Не может быть, чтобы он правда предпринимал попытки поисков, когда сразу не обнаружил меня. Люди все время пытаются двигаться дальше. Уезжают из дома. Ищут новую работу и бегут от ужасного прошлого. Даже консерваторы так делают. Я как бы думала, что он пожмет плечам и спокойно будет жить дальше. Возможно, даже будет рад, что больше не надо за меня отвечать. Вместо этого он использовал полицейские базы данных, чтобы узнать, в какой колледж я поступила? Они содержат подобную информацию? Не знаю, что и думать об этом. Я дрожу и прижимаюсь ближе к подруге. Она стоит прямо, как доска, уставившись на Люка. Я киваю, облизывая губы:

— Да, все правильно. Я сменила имя. Не хотела, чтобы... Чтобы...

— Я понимаю, — избавляет он меня от необходимости продолжать.

Громкие крики и приветствия наполняют улицу, когда дверь неожиданно открывается, и три девчонки спускаются по лестнице мимо нас. Они резко застывают, их громкий смех обрывается, едва они замечают Люка и его напарника. Сначала я думаю, это из-за того, что они полицейские, но тут одна из них, самая высокая брюнетка с дымчатым и темным трахни-меня макияжем, пронзительно визжит и наклонившись вперед, укладывает свою наманикюренную руку на откровенное декольте:

— О боже, ты Люк Рид, да?

Кажется, Люку действительно неудобно. Как будто его застучали со спущенными штанами.

— Началось... — его напарник закатывает глаза.

Люк прочищает горло:

— Я на дежурстве, девушки. Вы пили сегодня что-нибудь?

Улыбка сходит с лица брюнетки. Блондинистые подружки с двух сторон хватают ее под руки и тащат вниз по лестнице:

— Нет! Нет, конечно, офицер! Мы просто здесь живем.

Судя по всему, девушка бы призналась в том, что пила, хотя является несовершеннолетней, только бы поговорить с ним еще минутку. Она уже открыла рот, но пьяные подружки тащили ее назад, и пришлось идти.

Я не могла промолчать. Просто должна была знать. Мое сердце слишком любопытно.

— Что, черт возьми, это было?

— Я пару раз выступал в барах. Люди иногда меня узнают, — Люк потирает подбородок, глядя в сторону.

Не то чтобы я действительно узнала что-то новое. Люк всегда играл на гитаре. Когда мы были в школе, нам, влюбленным подросткам, было достаточно просто сидеть и издали наблюдать за ним и его друзьями. Он всегда очень стеснялся играть. И делал это подальше от толпы. А сейчас играет в барах?

— Что, вроде как в группе?

Люк и рта не успевает открыть, когда его напарник отвечает:

— Да. Рид вроде как звезда. Они стали местными One Direction, черт возьми.

Люк стискивает зубы, его смущение вдруг прошло. Вообще-то он выглядит довольно озлобленно.

— Ты можешь, черт побери, просто заткнуться? Иди внутрь и вспугни пару подростков, хорошо? Твою мать!

Его напарник пожимает плечами, ни капли не задетый этими словами:

— Как скажешь, чувак.

И затем поднимается по лестнице, удерживая руку на дубинке, которую готов в любой момент использовать. Он входит внутрь, и снова слышатся громкие крики. Люк потирает затылок и смотрит на мои ступни.

— Ну, вы взорвали это место, знаете? Мы получили пять звонков о громкой музыке и нарушениях по этому адресу.

Я оглядываюсь на выкрашенный в зеленый цвет дом со всеми этими пьяными людьми, которые смеются и пьют пиво. Это не очень хорошо, что я задерживаюсь у здания, особенно потому, что те девчонки, которые ушли только что, были здесь не единственными, кому рано пить.

— На самом деле мы тоже уже уходили.

— Хм-м, — Люк с секунду смотрит на меня, потом его брови дергаются, будто он хочет нахмуриться. — Девочки, может, вы останетесь, пока мы здесь не закончим? Это не займет много времени. Я бы правда хотел поговорить с тобой, Айри... — он запинается, и я вижу что-то непонятное в его глазах. Боль? Определенно, он в замешательстве. И не знает, как меня назвать.

— Эвери, — спокойно произношу я.

— Эвери, — кивает он, — отлично, я запомню.

Я посылаю ему слабую примирительную улыбку и прочищаю горло:

— Мы спешим домой. Завтра рано вставать. Давай в другой раз?

Неожиданно в нагрудном кармане Люка срабатывает рация, заставив Морган подпрыгнуть. Секунду мы слышим только помехи, пока Люк не вытаскивает ее и начинает говорить:

— Двадцать третий, проверяем жалобу на шум. Прием, — кажется, он разрывается, позволяя еще паре девчонок быстро убежать по улице. Изнутри слышится звон бьющихся стаканов, и чем более буйными становятся крики, тем сильнее Люк хмурится. — Мне нужно разобраться со всем этим. Могу я позвонить тебе завтра?

Ногти Морган все еще впиваются в мою руку. Да что с ней такое, черт возьми?

— Завтра подходит. Мне нужно готовиться к экзаменам, но да...

— Хорошо, завтра. Напиши мне свой номер.

Он протягивает блокнот, в котором его номер полицейского и выбитый тисненый золотой значок на обороте. Я раскрываю его и пишу свой мобильный, пока Люк смотрит на меня. Отдаю его обратно, он поджимает губы:

— Спасибо.

Мы с Морган спускаемся по ступенькам, а Люк идет наверх. Заглянув ему в глаза, я вижу то, что всегда внушало мне страх. Жалость. Ненавижу, когда на меня так смотрят. Когда мы с Морган возвращаемся к себе в кампус, я жалею, что не сообразила сразу. Я жалею, что не была достаточно трезвой и умной, чтобы написать ему неправильный номер.

«У Розиты»

На следующее утро Морган будит меня для пробежки. Бег и я смутно знакомы, мы не стали лучшими друзьями. И только несколько серьезных угроз и обещанные шоколадные вафли заставляют меня выйти за дверь в шесть утра. На улице ужасно холодно, и утренний воздух решительно настроен заморозить мои легкие изнутри. Проходит двадцать минут, прежде чем температура повышается, и мы направляемся в «Завтрак и обед у Джеки».

— Ты отдаешь себе отчет, — говорю я, скользя в кабинку напротив Морган, — что из-за блинчиков с тонной кленового сиропа твоя задница станет более жирной?

— Да пошла ты.

— Сама пошла ты.

Женщина в кабинке напротив нашей свирепо на нас смотрит, но Морган не замечает.

— Ну, мы все еще откладываем это на потом?

Я искоса смотрю на нее, пытаюсь определить, есть ли смысл притвориться, что я не понимаю, о чем она говорит. Она далеко не каждое утро появляется на моем пороге, требуя пойти побегать. Это предлог, и я знаю, что последует дальше. Ее челюсть напряжена, что означает — мне сильно не повезет. Люк. Она хочет знать о Люке.

— Он просто парень, которого я знала дома, — говорю я.

— И?

— И все.

— Айрис, нет, — едко говорит Морган. — Есть прекрасный источник сплетен, а ты собираешься все скрывать от меня?

Мое лицо бледнеет, когда она использует это имя. Я не слышала его месяцами. Сейчас только мама меня так называет. Хотя если она представит, что я не дочь Максвелла Бреслина, а кто-то другой, то, в свою очередь, сможет притвориться, что была замужем за другим парнем, Паттерсоном, который не был хладнокровным убийцей.

Я смотрю вниз и вижу, что мои руки крепко сжаты в кулаки. Морган замечает это. На ее лице отражается раскаяние.

— Черт. Прости, Эв. Временами я не слишком умна.

— Все нормально. Я просто... Я больше не она.

Иногда я сама все порчу. Пребывая в уверенности, что стала сильной, но когда кто-то говорит что-то подобное, становлюсь чертовски слабой и подумываю о самоубийстве. Не потому, что я грустная или устала от всего этого, а скорее потому, что стала озлобленной и опустошенной. Но я считаю самоубийство уделом слабаков.

— Я знаю, — произносит Морган. — И больше не буду тебя так называть, обещаю.

Я принимаю ее виноватую улыбку, но часть меня все еще находится в смятении. Кажется, что, несмотря на то, что Морган моя подруга, иногда ей нравится говорить неуместные вещи. От этого она чувствует себя лучше, сильнее или что-то в этом роде.

— Спасибо.

Подходит официантка и принимает наш заказ; мы обе выбираем бельгийские вафли с шоколадом. К тому времени, как приносят кофе, Морган переключается с мягкого

притворного смущения оттого, что расстроила меня, в режим испанской инквизиции.

— Так откуда ты его знаешь?

Судя по блеску в глазах, она настроена на горячую историю про отношения. Да, придется ее разочаровать.

— Мы ходили в одну школу. Потом он был копом в моем родном городе пару лет, пока не переехал.

— Угу... — она кивает и делает глоток кофе, не отрывая от меня взгляда.

— Все.

— Все?

— Ага.

Она оглядывается вокруг, как будто не поверив в то, что только что услышала.

— Ты знала этого парня и не заявила на него права немедленно? Девочка, что с тобой не так? Ты понимаешь, что он чертовски офигителен?

Я делаю глубокий вдох и роняю голову на стол.

— Да, я знаю, насколько он горяч. Но ему было двадцать, когда он уехал, а мне шестнадцать. К тому же у него была девушка, Кейси Фишер. Они встречались все старшие классы. Вместе переехали и все прочее. Так что...

— Ничего из этого не должно быть проблемой.

Я просто пялюсь на нее. Если бы мы поменялись местами, и я сказала слишком неуместные вещи, Морган бы закатил глаза. Мама запрещала мне это делать в детстве, и я не делала, даже если сильно хотелось.

— Хорошо, это было довольно сложно. И незаконно. Кроме того, у меня были неприятности. Мой отец...

Ужас отражается на лице Морган:

— Блин... Этот парень не был... Он был в полиции, когда твой отец, когда...

Убил троих человек. У людей всегда возникают проблемы с тем, чтобы сказать это вслух. Я фокусируюсь на пейзаже за окном, пытаюсь заблокировать воспоминания о Люке Риде, стоящем на пороге моего дома и рассказывающем матери о смерти отца. Мои щеки краснеют — это еще один из тех моментов, когда мне кажется, что Морган говорит неуместные вещи специально. Я не могу накричать на нее за это. Она подумает, что я сумасшедшая. Вместо этого я произношу:

— Люк и его напарник занимались этим делом. Тогда он был только четвертый день на службе. Ничего подобного раньше в Брейквотере не случалось. Его вырвало в розовые кусты моей мамы.

— Блин, извини, подружка. Иногда я безнадежна. Просто мне показалось, что между вами что-то было, и я подумала...

— В этом что-то есть. Люк всегда сочувствовал мне. Это он нашел моего отца, и это засело у него в голову, и он не может ничего изменить. Мы привыкли встречаться, когда Люк приезжал в город. В основном пили кофе, пока он мне что-нибудь рассказывал.

Мы прерываем разговор, когда подходит официантка с едой. Я пристально пялюсь на вафли, жалея, что не заказала что-то другое: я ведь пыталась стать Нью-Йоркской черной-кофе-и-рогалик девушкой и забыться. Поэтому, оставив тарелку, снова смотрю в окно.

Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт.

— Второйкоп сказал, что он играет в группе. Интересно, где они выступают? Эй, если

ты дашь мне трубку, когда он будет звонить, я могу у него спросить, чтобы ты не казалась слишком нетерпеливой.

Она точно ни слова не слышала из всего, что я сказала: последние пять лет Люк Рид для меня был связан со смертью отца. У девчонки очень избирательный слух. Взглядом я метаю в нее ножи, и Морган сникает на своем месте.

— Или я могу сказать, что у тебя птичий грипп. Ты никогда его больше не увидишь. Без проблем. Я мастер обмана.

Я позволяю себе небольшую улыбку и пинаю ее под столом. Может, немного сильнее, чем нужно.

— Все в порядке. Я возьму дело в свои руки.

Но, честно говоря, не знаю, смогу ли. Иметь Люка в моей здешней жизни — значит привнести частичку Брейквотера в мою тихую гавань, счастливый мир, выстраиваемый в Колумбии. Это может все разрушить. Я знаю, что скажу ему при разговоре. Правду. Он должен понять, что я хочу оставить прошлое позади. Потому что, и это естественно, ни один в мире человек не мог бы мне позавидовать.

Последнее занятие дня — «Право и этика СМИ», мой любимый предмет, но, как только профессор Лэнг нас отпускает, я выбегаю из здания. Обычно я остаюсь, чтобы подойти к нему после урока. Он не возражает, что у меня вечно есть нескончаемый список вопросов, на которые нужны ответы. Я как заноза в заднице, которая сидит за первой партой и никак не заткнется. Хотя сегодня я просто хочу вернуться домой и проверить телефон — узнать, звонил ли Люк. Нужно покончить с этим. Покой, который я обрела здесь, мое тихое неприметное существование рушится, и так будет продолжаться, пока я не скажу, что не хочу больше с ним встречаться. Что не хочу больше его видеть.

Медленно шагая, я захожу в подъезд, делаю рывок и в четыре шага взлетаю по лестнице в квартиру, надеясь, что Лесли там нет. Моя соседка льет на себя слишком много духов. Обычно она много занимается в библиотеке, особенно после уроков, поэтому, вполне возможно, я получу немного уединения. Сердце обрывается, когда я захлопываю за собой дверь. Лесли сидит на диване в наушниках, голыми ногами отбивая ритм, и печатает что-то на ноутбуке. Она поднимает глаза — темные короткие волосы, как обычно, повсюду — и посылает мне полуулыбку, вытаскивая один наушник. Лесли активный слушатель: из тех, кто улыбается и кивает, почти не слушая, что ей говорят. Это выводит меня из себя, правда не так, как Морган, которая просто постоянно ничего не слушает.

— Хорошо сегодня побегала?

Похоже, не меня одну Морган разбудила в шесть тридцать, грохнув входной дверью утром. Я делаю кислое лицо и кладу сумку на стол.

— Прости за это. Иногда она ужасно бесцеремонна.

Лесли пожимает плечами:

— Да все нормально. Я встала сразу после тебя и успела хорошо позаниматься. Все, что ни делается, делается к лучшему.

Лесли — жительница Нью-Йорка до мозга костей. Ее родители — гении интернет-бизнеса, основавшие интернет-компанию в девяностых. Пять лет назад они ее продали и живут с тех пор за счет заработанного состояния. Лесли учится, чтобы получить степень по

бизнесу в надежде заработать свое собственное состояние, но сейчас прекрасно себя чувствует, получая существенные суммы наличными от мамы с папой. Иногда она похожа на меня: ее банковский счет внушительен, но родители едва знают, что она из себя представляет. По крайней мере, у нее оба родителя. И один из них не Макс Бреслин.

Сбрасываю туфли, плюхаюсь на диван и тянусь за телефоном, который оставила на кофейном столике перед уходом на занятия. Обычно беру его с собой, но сегодня проверяла бы каждые пять минут, если бы имела при себе. Не хотела отвлекаться.

Сердце начинает ускоренно биться, стоит мне нажать кнопку включения. Ничего. Ни эсэмэс. Ни звонков. Ничего. Держа телефон в руках, я выдыхаю и бросаю его на подушку позади себя.

— Ждёшь звонка? — спрашивает Лесли.

Я пялюсь в потолок. На нем липкие следы в виде точек — когда мы переезжали, он был обклеен светящимися звёздочками. Я собиралась их оставить, но Лесли предложила убрать.

— Скорее, боюсь, — бормочу я.

Она усмехается, будто знает, что я имею в виду, но не задает вопросов.

Я сажусь за стол, положив телефон рядом с клавиатурой, чтобы тут же ответить, если Люк все-таки позвонит. Наверное, он знает, что у меня занятия весь день, и ждет вечера. Эта мысль заставляет мой желудок сжаться. Полчаса я пытаюсь перепечатать конспект, нацарапанный на лекции, но это оказывается бесполезно. Наконец, сдаюсь. Вместо этого залезаю в свой электронный ящик и решаю почистить входящие. Меня ждут два новых сообщения.

Первое от Аманды Френч. Это моя мама. Она подала документы на возвращение девичьей фамилии в тот момент, когда яма для могилы моего отца ещё даже не полностью была вырыта. Она не пошла на похороны. Там были Брэндон и я. Священник двадцать минут распинался о грехах, совершенных людьми в этой жизни, и о необходимости покаяния, если мы хотим попасть в рай. Когда я была младше, это пугало меня. Мой отец не был верующим, и годами меня посещала мысль, что он горит в аду, так как не имел возможности покаяться. Потом долгое время я надеялась, что он действительно горит в аду из-за всего, что наделал. Что разрушил мою жизнь. Сейчас... Сейчас я не знаю, что и думать.

Содержание её е-мейла привычное, как под копирку. В начале месяца она всегда присылает подобное, написанное по одному и тому же сценарию, повествуя, что положила на мой счёт денег. При этом выставляет все так, будто я неблагодарная особа: мол, мне плевать на то, что она оплачивает колледж. Плевать, что она, в конце концов, помогла мне сбежать из Брейквотера раз и навсегда, хотя на самом деле была той, кто бросил меня здесь.

«Эвеари,

В приложении копия перевода твоего пособия. Убедись, что этого хватит на все счета. Я увеличила сумму в этом месяце в свете приближающихся праздников. Может, ты захочешь отметить Рождество с друзьями. Я собираюсь на Гавайи с сестрой. У неё какие-то проблемы с новым мужем, и она хочет заняться подводным плаванием, чтобы выбросить это из головы. Я полагаю, ты отправишься к Брэндону на День благодарения?

Надеюсь, ты в порядке.

Аманда».

Эвеари? Я подавляю смехок. Она даже не может правильно написать моё новое имя.

Эту ошибку можно было бы простить, учитывая, что оно новое для нее, и она все ещё учится его использовать, если бы не другие ранящие душу вещи в письме, которые заставили мою кровь вскипеть. Напыщенная речь робота — звучит так, будто она разговаривает с совершенно посторонним человеком, а не с тем, кто вышел из её вагины. И она собирается на Гавайи с сестрой? О, у меня не было иллюзий на тот счёт, чтобы провести Рождество с матерью, несмотря на то, что сейчас мы живём в одном городе. Нет, я больше ошарашена тем, что она сказала «моя сестра», а не «твоя тётя Клэр». И собираюсь ли я к Брэндону на День благодарения? А гвоздь представления — в конце письма. Аманда. Раньше она, по крайней мере, признавала себя моей матерью. Теперь, оказывается, её сестра больше не моя тётя, и она с этого момента собирается быть для меня Амандой. Глаза щиплет от слез, пока я смотрю в монитор, отказываясь моргать до тех пор, пока текст не начинает расплываться. Я не часто плачу, но обычно это происходит из-за матери.

Прочищаю горло и на минуту закрываю глаза. Когда открываю, нажимаю клавишу «удалить». Я сильнее этого. И больше не позволю ей влиять на меня. Следующее письмо от Брэндона. Устало его открываю, и мой гнев оживает. Мама отправила ему копию письма, которое мне прислала, видимо, таким образом оповещая, что всучивает меня ему на очередные праздники.

Брэндон был лучшим другом отца с младших классов. Они вместе играли в футбол в колледже, вместе влюбились и женились на сестрах. Жена Брэндона, Мелани — младшая сестра матери, умерла от рака, когда мне было два года, и с тех пор мама не может общаться с Брэндоном. Говорит, что он напоминает ей о Мел, поэтому она держится от него подальше. Наверное, это повторяющийся шаблон для неё — аккуратно собирать вместе вещи, которые хотелось бы забыть.

«Привет, Эвери!

Похоже, твоя мама будет занята на праздники. Хочешь приехать и присоединиться ко мне в анти-праздники Ты же знаешь, я больше не увлекаюсь всем этим, но было бы здорово тебя повидать. Мы могли бы сжечь тыквенный пирог и покурить крэк, как в старые добрые времена. Дай мне знать, если тебе что-то нужно, малышка. Я всегда на другом конце провода.

С любовью, Брэндон».

Я никогда не курила крэк, оставаясь с дядей Брэндоном, но у него испорченный отцовский юмор. Он убежден, что администрация колледжа следит за нашими переписками. И думает, что это забавно — отпускать такие шуточки о тревожных сигналах время от времени. Понятия не имею, следит ли колледж за нашей перепиской и является ли курение тревожным сигналом, но он опять заставляет меня улыбаться. А я не очень часто улыбаюсь, и Брэндон всегда является причиной моей улыбки. Я скучаю по нему. Но не так сильно, чтобы вернуться в Брейквотер, конечно. Я никогда туда не вернусь.

Я выключаю компьютер и обещаю себе завтра ответить Брэндону, когда в дверь стучат. Морган слишком ленива, чтобы подняться ко мне, другие же посетители обычно приходят к Лесли. Из-за наушников соседка ничего не слышит, и мне не остается иного, как пойти ответить. Правда, я совсем не ожидала увидеть того, кто стоит за дверью.

— Люк? Что ты здесь делаешь?

Люк не в форме, он одет в простую черную тенниску и выцветшие джинсы. Его

внешний вид до сих пор немного напоминает стиль скейтера, которого он придерживался в школе, но сейчас более роковый и грубый. Всегда удивительно видеть его в такой модной одежде. Прямо сейчас я удивлена. Он вытаскивает руки из карманов, привлекая мое внимание к тому факту, что на них свежие татуировки. Черные кривые линии выглядывают из-под рукавов. Если он в форме, этого никогда не видно, но сейчас заметно, что он немного горбится.

— Извини. Нужно было позвонить, но вчера мне показалось, что ты хочешь от меня отделаться и...

Лесли дергает дверь, открывая ее шире передо мной, и вытаскивает наушники из ушей:

— Привет! — произносит она, слегка улыбаясь. — Ты друг Эвери?

Ответная улыбка Люка выглядит осторожной, выражение лица печальное.

— Да, я друг Эвери.

Это второй раз, когда он произнес мое имя. Из его уст оно звучит странно. Я смотрю на него, пытаюсь понять, какого черта он делает в моей квартире.

— Ты собираешься пригласить своего друга войти, Эвери? — спрашивает Лесли. В ее голосе слышно предложение «если хочешь, я уйду».

Я вздыхаю и смотрю на Люка, надеясь, что по моему лицу нетрудно прочесть ответ. Морган всегда говорит, что я слишком явно выражаю свои эмоции, поэтому сейчас есть отличный шанс, что он поймет, что я злюсь.

— Нет. Мы собираемся пойти выпить кофе, — я направляюсь в комнату за пальто и кошельком, а когда возвращаюсь в гостиную, Лесли все еще стоит в дверном проеме, накручивая свои короткие волосы на палец. Это неловко — смотреть, как она пожирает его глазами. Хотя я привыкла к этому. В отличие от самого Люка, который не прекращает смущаться из-за того, что приковывает к себе хищные женские взгляды, несмотря на то, что это случается довольно часто.

Я несусь мимо него в прихожую и шагаю вперед, не проверяя, следует ли он за мной. После всех наших встреч и неуклюжих, странных разговоров я все еще недостаточно хорошо его знаю, чтобы открыто показывать раздражение перед ним. Ему стоит принять тот факт, что мне нужно немного свободного пространства, поэтому нам придется уйти отсюда, если он хочет мне что-то рассказать.

— Эй, извини, ладно? Знаю, я все испортил. Эвери? Эвери! — Он хватается меня за руку и разворачивает к себе. Я сжимаю челюсти, чтобы не сказать того, о чем потом пожалею.

— Послушай, насчет... Я бы не стал этого делать, но мне нужно рассказать. Тебе следует быть в курсе. Я хотел рассказать еще тогда, когда вернулся в Брейквотер в сентябре, но ты уже уехала. Это важно.

Я все еще стою с пальто в руках, собираясь надеть его, потому что сильно дрожу, но слишком отвлечена на Люка, чтобы двигаться. Пребывая в гневе, делаю глубокий вдох и устремляю взгляд на свою обувь. Рука Люка на секунду касается моей, он берет пальто и накидывает мне на плечи.

— Уже ноябрь, Эвери. — шепчет он. — Ты подхватишь воспаление.

Я прихожу в себя, и у меня получается правильно просунуть руки в рукава.

— Ладно. Так что ты хочешь мне рассказать? Может, уже сделаешь это, чтобы я могла вернуться к учебе? У меня экзамены, я тебе говорила об этом вчера, помнишь?

— Давай зайдем, перекусим где-нибудь? Я только с дежурства, умираю от голода.

Я скрещиваю руки на груди и свирепо на него смотрю:

— Откуда ты узнал, где я живу?

— А ты как думаешь? Узнал у одной цыпочки в коридоре за пятьдесят баксов.

Еще одна причина, чтобы закатить глаза.

— Прекрасно. Теперь люди думают, что ко мне ходят случайные парни на пару часов.

— Эвери, черт.

От его дыхания идет пар, пока он говорит. Люк снова прячет руки в карманы, напрягая плечи от холода. Какая ирония, он без куртки, хотя только что выговаривал мне за то же самое.

Я встряхиваю головой и хмурюсь:

— Где твоя машина?

— Возле парка.

Он кивает головой в сторону и медленно идет по улице, убедившись, что я иду следом. Я сжимаю кулаки в карманах, желая развернуться и уйти. Но нет. Плетусь за ним, всю дорогу чувствуя бурю внутри.

Люк паркуется неподалеку от ресторана «У Розиты» и обходит свой «Форд Фастбэк» шестьдесят седьмого года, чтобы открыть мне дверь до того, как я сама это сделаю. Дорога до ресторана прошла в тишине. Было даже слишком тихо. Не знаю, о чем Люк хочет рассказать, но сейчас он на грани, как и я. Кажется, он правда думает, что это важно? У нас всего пара общих тем для разговора, и все они касаются Брейквотера. Я чертовски уверена, что не хочу говорить об этом городе, но Люк выглядит решительным. Он всегда был упрямым. И не слишком изменился со времен школы, если честно. Ну, может, стал немного выше и определенно взрослее, а в целом его двадцатитрехлетняя версия так же привлекательна, как и восемнадцатилетняя.

Я выхожу из машины, одаривая его благодарной улыбкой, и, уворачиваясь от него, подхожу к двери ресторана. Мы оба слегка вздыхаем, когда я открываю дверь, и взрыв горячего воздуха атакует нас теплой стеной. По крайней мере, морозный холод уже можно исключить из списка причин, по которым я чувствую себя неуютно.

Официантка в ортопедической обуви и с бейджиком «Добро пожаловать! Я — Роза!» провожает нас к столику с глупой улыбкой, которая говорит о том, что, скорее всего, она работает здесь много лет и уже даже не замечает, что улыбается. Она предлагает нам меню и винную карту, а затем удаляется.

— Будешь есть? — спрашивает Люк, листая меню.

— Думаю, да. — Я просматриваю меню, выбираю утку и тарелку равиоли, которые выглядят очень аппетитно, и убираю руки под стол. Люк берет мое меню и вместе со своим убирает на край стола, давая знак, что мы готовы сделать заказ. Я смотрю на него в ожидании, когда он что-нибудь скажет. Люк молчит, и это раздражает, так как именно он притащил меня сюда, в конце концов.

Если мы просидим весь обед, и он не перейдет к делу, мои нервы взорвутся и нанесут непоправимый вред. Нам нужно о чем-нибудь поговорить. Это слишком соблазнительно — просто сидеть здесь и оценивать, какие у него безумно длинные ресницы, в то время как он сканирует взглядом зал. Угольно-темные. Я встряхиваю головой. Не стоит думать о вещах, вроде его ресниц, бицепсов или идеально прямых зубах и улыбке, из-за которой мой желудок

просто переворачивается. Я не из тех, кто думает о таких дурацких вещах.

— Ну... — я стараюсь, чтобы голос звучал легко, — ты до сих пор с Кейси?

Уголок рта Люка кривится. Он барабанит пальцами по белой накрахмаленной скатерти на столе.

— Уже год, как нет.

Мои брови взлетают вверх. Я рассказывала Морган, что у него есть девушка, чтобы она от меня отстала, ни капли не сомневаясь, что они с Кейси до сих пор вместе. Они были незыблемой скалой, самой сладкой парочкой школы. Приторно-сладкой. На самом деле мы с Люком до этого никогда не обсуждали отношения. Если он расстался с Кейси год назад, значит, уже был одинок, когда мы последний раз пили кофе в Брейквотере. Хотя почему Люк должен был говорить об этом? Он никогда не рассказывал о своей жизни. Просто хотел знать о моей.

— О. Извини, — говорю я только потому, что это вроде как соответствует ситуации.

Люк пожимает плечами:

— Не стоит. Я не жалею. Это было обоюдное желание, — он берет солонку и начинает крутить в руках. — А ты как? Все еще встречаешься с тем парнем, как там его?

— Джастин. Нет. Наши отношения длились недолго. Он узнал о моем папе, так что... Ты понимаешь.

Люк закусывает губу.

— Люди просто сволочи, Айрис. Хотя среди них есть неплохие.

Он не осознает, что забыл мое новое имя. Я неловко ерзаю на сидении, собираясь напомнить ему и едко рассмеяться, над тем, что будто существует вероятность, что в этом мире есть парень, готовый по своей воле со мной встречаться, зная, какое дерьмо произошло в моей семье, но не успеваю, потому что возвращается Роза с небольшим блокнотом в руке. Люк заказывает Болонье. Почему парни всегда выбирают эту пасту? Всегда Болонье и пиво. Я прошу равиоли и ухмыляюсь, тоже добавляя пиво в конце. Люк даже и глазом с этими длинными черными ресницами не моргает, услышав мой заказ. Роза тоже. Она раскладывает приборы и безмолвно испаряется, что превращает ее в самую лучшую официантку в мире. Наше пиво прибывает, и я делаю длинный глоток, прежде чем поставить его и приготовиться к нападению на Люка.

— Ты понимаешь, почему я злюсь?

Он заменяет солонку пивом, которое теперь вертит в руках, свирепо изучая бутылку.

— Да, я не слепой. И, наверное, последний человек, которого ты хочешь видеть. Я в курсе этого дерьма в твоей жизни. Полагаю, ты хочешь двигаться дальше. Я был слишком эгоистичным последние пару лет, постоянно говоря с тобой об этом, но я пытался справиться с собственными... — он поднимает глаза на потолок и делает глубокий вдох, — плохими воспоминаниями, наверное. Я пойму, если после сегодняшнего вечера ты никогда не захочешь снова меня видеть. Но есть кое-что, о чем ты должна знать, и лучше узнать эту новость от того, кто хорошо к тебе относится, чтобы иметь время подготовиться.

У меня крутит желудок. Звучит хреново. Лицо Люка не выглядит дружелюбным, скорее помятым и обеспокоенным.

— Может, поедим сначала?

Если он будет ждать еще хоть секунду, чтобы объяснить мне, что происходит, горячий шар сдерживаемого гнева и паранойи в моей груди взорвется, и от меня останется только след на стуле.

— Пожалуйста, прос... — прикрываю глаза, пытаюсь вспомнить, кто я сейчас. Эвери Паттерсон. Эвери Паттерсон. Все. Под. Контролем.

— Ты слышала о Вайомингском Потрошителе? — резко спрашивает Люк.

— Нет. А должна?

Карие глаза смотрят прямо на меня, вызывая дрожь. Его брови сходятся на переносице.

— Нет, думаю, нет. Ты была еще маленькой. Наверное, взрослые ограждали тебя от таких новостей.

Я сжимаю бутылку в руках и делаю еще глоток, не отводя от него глаз. Он пытался что-то сформулировать, и я чувствовала, добром это не кончится.

— Вайомингским Потрошителем пресса прозвала серийного убийцу, который убил несколько девочек-подростков в Вайоминге пять лет назад. Это были, — Люк вздрагивает и срывает этикетку с бутылки, — это были зверские убийства, Айрис. — Он тут же осознает свою оплошность и сжимает челюсть. — Прости. Эвери. Я запомню, клянусь. В любом случае, убийства резко прекратились. Не было никаких следов преступника. Поговаривали, что, может быть, он умер или что-то в этом роде, — Люк сглатывает. — Колби Брайт написал книгу, в которой заявил, что твой отец — Вайомингский Потрошитель. А причиной того, почему убийства прекратились, было то, что твой отец покончил с собой. Книга выходит через пару месяцев. Мне кажется, ты должна знать об этом. Журналисты, пресса — они снова будут копаться во всем.

Бутылка с пивом дрожит в моей руке. Я ставлю ее на стол и немигающим взглядом смотрю на кривую грань стакана. Разум отключается, а тело, кажется, получает сильнейший удар. Слишком знакомое ощущение. Я начинаю дрожать, каждая частичка меня вибрирует, словно я разбиваюсь на молекулы, разлетающиеся в разных направлениях, готовая бежать.

— Эвери?

Я поднимаю взгляд на Люка и открываю рот, чтобы что-то сказать, очень часто дыша при этом. Как будто воздух в груди состоит из тысячи лезвий, разрывающих мою трахею.

— Колби Брайт? Брат Адама Брайта? — шепчу я с недоверием в голосе.

— Да. Он снова баллотируется в мэры. Это чисто рекламный трюк. Они никогда не докажут, что это твой отец убил тех девочек.

— Рекламный? — повторяю я случайное слово, но не могу сформулировать ясную мысль. Поднимаюсь, и комната вращается под пьяным углом. — Прости, я...

Люк встает, когда я выхожу из-за стола, и его рука слегка касается моего позвоночника, в то время как я спешу в туалет. Распахиваю качающуюся дверь и врываюсь в кабинку, прежде чем меня выворачивает наизнанку на месте: в основном, на пол туалетной комнаты. Мой желудок опустошается во второй раз, и на это раз большая часть попадает в унитаз. Раньше подобное случалось со мной постоянно, но не в последнее время. Сейчас же, сидя на полу пахнущей химией туалетной комнаты с вышедшими наружу блинчиками, расплесканными вокруг, я понимаю, как много времени прошло с тех пор. Откидываюсь назад и сползаю по двери кабинки, уставившись на шероховатую структуру противоположной стены. Через десять минут холод кафеля на полу просачивается в мои кости. Поднимаюсь на ноги, полощу рот и прилагаю все усилия, чтобы привести в порядок потекшую тушь.

Когда я выхожу из туалета, Люк ждет меня, прислонившись к стене напротив. Он выглядит обеспокоенным.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

Я оцепенело отступаю к нашему столику и сажусь.

— Да, но... Думаю, мне просто нужна еще минута. Дай мне немного времени, хорошо?

— Конечно.

Он садится обратно на свой стул и начинает сжимать кулаки.

— Прости меня. Я долго думал, как об этом рассказать, но...

— Думаешь, это был он?

Люк застывает.

— Нет. Нет, конечно. Я знал твоего отца. Он был...

Любящим? Добрым? Вечно улыбающимся? Понимающим?

Я снова чувствую желчь в горле и отхлебываю пива. Бутылка опустошена в три глотка.

— Мне нужно что-нибудь покрепче.

— Не думаю, что это хорошая идея.

В этот момент Роза несет нашу еду, и мой желудок сжимается. Она расставляет тарелки, но Люк вздыхает, останавливая ее рукой.

— Можем мы взять все с собой?

Даже если Роза это беспокоит или причиняет какие-то трудности, она чертовски хорошо выполняет свою работу, скрывая это.

— Без проблем, детки.

Она исчезает с нашей едой и возвращается минутой позже с двумя пластиковыми контейнерами. Люк расплывается, и мы уходим. Снаружи он останавливается у машины со стороны пассажирского сиденья.

— Что ты будешь делать, если я сейчас отвезу тебя домой?

Я обхватываю себя ладонями: слишком пустая, чтобы дрожать или даже реагировать на плохую погоду. Внутри меня арктический холод — холоднее, чем Нью-Йорк в ноябре.

— Позвоню Морган, и она восстановит меня с помощью бутылки Джека, — говорю я, зная, что она так и сделает. Она моя лучшая подруга, кроме того, у нее такой запас спиртного, который смутил бы и винный магазин. Ее зависимость от алкоголя почти на уровне с моей. С той разницей, что я никогда его не покупаю, особенно когда знаю, что просто могу пить все, что у нее есть.

Люк в ярости.

— Если я отвезу тебя в бар и напою шотом, обещаешь вернуться домой и пойти в постель?

Я встречаю его пристальный взгляд и замечаю обеспокоенное выражение лица.

— Нет.

Он откидывается на капот и запускает руки в волосы.

— Понятно. Значит, ты едешь со мной.

— Люк, нет! Со мной все будет в порядке, я...

— Ты чертовски красивая девушка, Эвери. И я не отставлю тебя одну в Нью-Йорке, где любой богатенький подонок может воспользоваться тобой.

Он открывает дверь машины, подталкивает внутрь, и я без суеты сажусь, решая игнорировать тот факт, что он только что назвал меня красивой. Слишком уж взвинчена, чтобы чувствовать странность происходящего сейчас. Понятия не имею, куда Люк меня везет, но если там не будет бутылки чего-нибудь по-настоящему крепкого, я уйду. Полчаса спустя мы останавливаемся у трехэтажного кирпичного здания. Похоже, это бывший завод или вроде того, некоторое время назад переделанный под жилой дом. Люк ведет нас внутрь

и направляет меня к лифту в вестибюле, но я качаю головой. У меня уже затрудненное дыхание. Последняя вещь, в которой я сейчас нуждаюсь — закрытое пространство. Кажется, он понимает, и мы поднимаемся по лестнице все три этажа. Там только одна дверь, кроме обшарпанной металлической, ведущей к лифту. Люк достает связку ключей из кармана и открывает ее. Квартира с открытой планировкой просто огромна. Я слишком опустошена, чтобы оглядеться вокруг, но замечаю много черной мебели и несколько гитар, прислоненных к стенам. Люк ведет меня к барной стойке, где сгребает карандаши, ручки и стопку нотных листов в беспорядочную кучу, очищая столешницу, усаживает меня на мягкий стул и начинает шарить по шкафчикам. Через секунду достает два граненых стакана и ставит их на стойку.

— Что ты обычно пьешь?

Я смотрю на стаканы, затем поднимаю глаза на него.

— Ты понимаешь, что я сейчас не совсем адекватная? — говорю я. Всегда что-нибудь вытворяю, когда пью. Были дни, когда только так я со всем и справлялась.

— Я знаю. — Он достает пачку сигарет из ящика и зажигает конфорку на плите, чтобы наклониться и прикурить. — Но если тебе нужно напиться, лучше сделай это здесь, чтобы я мог присмотреть за тобой. Это просто я, Эвери. Я не собираюсь осуждать тебя. Я никогда не буду осуждать тебя.

Он протягивает мне сигарету, и я беру, хотя не курю. Она обжигает все внутри, когда я затягиваюсь, и голова снова начинает кружиться. Протягиваю обратно, борясь с желанием повторить процесс рвоты, который был ранее.

— Нет? — спрашивает он.

— Нет.

— Ладно.

Он стряхивает пепел и курит сигарету в одиночестве, перед тем как затушить и выбросить окурок в мусорку. Возвращаясь к стойке, держит в руках непечатую бутылку виски. Наливает нам по рюмке и выпивает содержимое своей. Я слежу за тем, как его горло сжимается, когда он глотает, но свою держу в руке, уставившись на столешницу в течение долгого мгновения, перед тем как поднести рюмку к губам и опрокинуть в себя.

Ожог от алкоголя намного лучше, чем от сигареты.

— Сколько их было? — спрашиваю я.

Люк молчит, пока наполняет наши рюмки. Возвращает мне полную, и я немедленно выпиваю ее содержимое.

— Пятнадцать, — спокойно отвечает он. — Всем от тринадцати до восемнадцати лет.

Пятнадцать молодых девушек. Пять лет назад кто-то убил пятнадцать молодых девушек, и сейчас Колби Брайт расскажет миру, что это был мой отец. Запишет их в список к своему брату Адаму, Сэму и Джеффу, и Максвелл Бреслин за пару недель будет объявлен серийным убийцей. Я кусаю щеку изнутри и принуждаю себя не плакать. Пока управляю собой, но это ложная победа. Я смогла убедить себя, что стала сильнее, чем была в Брейквотере, но правда в том, что я просто хрупкая, склонная к саморазрушению. К тому времени, как бутылка виски пустеет, я уже не могу реветь, но хрупкая оболочка, которой была Эвери Паттерсон, рушится на тысячи осколков.

Похмелье

Какое-то движение будит меня.

— Привет.

Люк присаживается на край громадной кровати. Не моей кровати. Протягивает стакан воды и упаковку «Тайленола», но когда я не беру их, ставит на небольшой столик рядом. Я хмурюсь и приподнимаюсь на локтях, пытаюсь понять, почему комната кружится.

— Где...? — еле выдавливаю из себя. Иногда я просыпаюсь в странных местах, и обычно это мой первый вопрос.

— У меня. Я собираюсь на работу и до последней минуты хотел, чтобы ты спала. Но у меня есть время, чтобы подбросить тебя домой, если мы выйдем сейчас же. Ты справишься?

Он не в рабочей форме.

— Ты еще даже не готов, — стону я, пряча лицо под подушкой.

— Я не надеваю форму, когда иду на работу или возвращаюсь обратно. Некоторые люди преследуют меня, когда видят ее. Копы могут попасть под расправу из-за этого, — он тянет подушку, освобождая ее из моей ошеломляюще жалкой хватки. — Можешь остаться и еще поспать, если хочешь. Просто захлопнешь дверь, когда будешь уходить.

Я раздумываю над этим. Остаться спать в этой большой, удобной постели — это так соблазнительно. Но мысль о том, что придется тащиться по Нью-Йорку на общественном транспорте, мучаясь с сильнейшего похмелья, которое у меня когда-либо было, — достаточно серьезный противовес. Казалось бы, я должна быть профи в этом. Но правда в том, что похмельные синдромы убивают меня. И чем я старше, тем они хуже.

— Дай мне минуту. Я буду в норме.

— Ладно. Не хочу быть засранцем, но тебе надо поторопиться. Мне нельзя опаздывать.

Я приоткрываю глаз и осматриваю Люка с головы до ног. Он одет в безразмерную серую толстовку поверх простой черной тенниски и снова в выцветших джинсах, протертых на карманах.

Люк потихоньку выходит из комнаты, и я выпрямляюсь на кровати, прижимая ладонь к виску, когда в голове начинает стучать. Я чертовски замерзла. Глотаю «Тайленол» и вдруг понимаю, что до сих пор полностью одета, тут же натягиваю ботинки — они нашлись разбросанными в полном беспорядке под кроватью. Полагаю, полбутылки виски и не такое творят с людьми. Люк ждет у двери с большой толстовкой в руке, когда я выхожу из комнаты. Он и наполовину не выглядит так, как я себя чувствую.

— Сколько ты вчера выпил? — хриплю я.

Он надувает щеки и трясет головой:

— Наравне с тобой.

— А выглядишь вполне нормально.

— Ага, но если это тебя утешит, чувствую себя как дерьмо.

Я приближаюсь и беру толстовку из его рук, надевая через голову и молча благодаря за тепло. В поле зрения показывается куча смятых одеял на черном кожаном диване — там он, скорее всего, спал.

— Да, мне и правда стало легче.
Он устало выдыхает и улыбается:
— Конечно, говорят, в компании мучиться не так печально.

Я страдаю весь день, но слава всем Богам, хотя бы не приходится ни с кем иметь дело. Люк подбросил меня домой — еще одна поездка в тишине; и когда я зашла в квартиру, Лесли уже не было. Я завалилась обратно в постель, зная, что ни за какие коврижки сегодня не пойду на учебу. У меня не было ни единого пропуска с начала семестра, а сейчас идеальная цепочка разрушена, потому что... Не хочу думать, почему. Чертов Колби Брайт. Мудак.

Просьпаюсь я часов шесть спустя. Лесли стоит у моей кровати и морщится от отвращения.

— Здесь воняет как на пивоварне. Ну и почему вся наша квартира воняет, как пивзавод?

Я стону и натягиваю покрывало на голову. Она стаскивает его, пресекая мои жалкие попытки вцепиться и ни за что не отпустить, и указывает на дверь:

— Душ. Сейчас же.

Лесли открывает окна, пока я беру полотенце и банные принадлежности. Комната уже ледяная к тому времени, когда я возвращаюсь благоухающей и чистой. Чувствую себя гораздо лучше: по крайней мере, исчезло ощущение, что кто-то заполз мне в рот и умер там, пока я спала.

— Твой телефон звонил, — говорит Лесли, указывая на трубку.

Он лежит на кровати, с которой Лесли сняла белье и сменила его на чистое.

— Хреновенько, да?

Она ухмыляется и закрывает окно.

— Хуже.

Четыре пропущенных от Морган. Почему-то я думала, что они от Люка, но от него нет ничего. Я пишу Морган, что слишком больна для того, чтобы встретиться с ней за кофе. Она отвечает почти мгновенно:

«Я знаю, что какой-то парень заплатил Мелиссе Коллинз пятьдесят баксов, чтобы найти твою квартиру. В твоих же интересах позвонить мне прямо сейчас. Требую подробностей».

Я выключаю телефон и прячу его обратно под подушку.

Остаток вечера проходит в переживаниях насчет того, многое ли я пропустила на занятиях. В конце концов, берусь писать ответ Брэндону, при этом не зная с чего начать. Я вроде бы собираюсь не затрагивать тему того, что Люк рассказал мне о Вайомингском Потрошителе и обвинениях Колби Брайта, но эта решимость длится секунд пять.

«Привет, дядя Б,

Спасибо за приглашение, но не думаю, что уже могу туда вернуться. Может, у тебя получится приехать в город? Мы можем снять квартиру и сходить на каток, ну или что-то в этом роде. Знаю, ты ненавидишь это, но оно все же лучше, чем сидеть дома и

хандрить. Я даже посмотрю с тобой игру!

Слушай, мне нужно кое-что узнать от тебя. Я встретила Люка Рида прошлым вечером, и он рассказал, что снова происходит в Брейке. Это правда? Все думают, что папа убил тех девочек? Я знаю, мы так и не сможем понять, что же тогда случилось между ним и теми мужчинами, но он бы никогда не тронул девочек-подростков. Они же моего возраста! Без вариантов. Пожалуйста, скажи, что никто не слушает мэра Брайта. С любовью, Эвери».

Мне стоило приложить больше усилий, чтобы успокоить Брэндона; знаю, он обо мне беспокоится. Нужно было написать, как классно в колледже и о моих новых друзьях, но совсем нет сил. Ночной кошмар, который преследует меня четыре с половиной года, до сих пор проигрывается в голове, но теперь в еще более ярких красках моей жизни, и я не могу сбежать от этого. Я иду спать с камнем на сердце, неспособная сбежать от ощущения чего-то ужасного, что маячит на горизонте и грозит разрушить все, над чем я так упорно трудилась, выстраивая себя заново.

Проваливаясь в сон, вспоминаю, что так и не произнесла перед Люком свою «я-никогда-не-хочу-тебя-больше-видеть» речь.

Ноа

— Ноа — студент по обмену. Это не старшая школа. Я понимаю, что едва ли могу наказать вас за поведение в колледже, мисс Паттерсон. Все зависит от вас. Но думаю, вы сможете все наверстать, если свой выходной проведете, помогая нашему гостю приспособиться к жизни в Колумбийском. Не так-то легко присоединяться к курсу в середине семестра. Ему нужна любая помощь, которую он может получить, — профессор Лэнг выглядит строже, чем когда-либо. На самом деле легкость и счастье присутствуют в нем только тогда, когда он рассказывает о теме занятия. — Вы же не собираетесь рассказывать мне о неожиданном похищении или ретроградной амнезии, мисс Паттерсон?

Я пинаю ножку стола и пожимаю плечами, пытаюсь не выдать тот факт, что меня не волнует отработка прогула. Я много раз делала это в школе. Угрюмый и не реагирующий вид — мой фирменный, никогда не подводил. Ты заслуживаешь немного снисходительности, имея папочку-психа. Люди всегда более осторожны с тобой, словно ждут, что однажды ты взорвешься. Но не в колледже. Значит, нужно подобрать слова и извиниться за прогул.

— У меня было похмелье.

Тишина.

Я медленно поднимаю взгляд с пола на лицо профессора, задерживая дыхание. Не знаю, чего ожидала. Может, что он найдет мою честность очаровательной и отправит в счастливый путь с аккуратно исписанными листами конспектов? Не так уж много я и прошу. Он выглядит разочарованным, что является худшим вариантом развития событий для меня в данный момент. Я прижимаю папку ближе к груди и снова смотрю в пол.

— Вы намерены серьезно работать на моих занятиях, мисс Паттерсон?

— Да. Я напортила на этой неделе, но клянусь, это в первый и в последний раз.

— Вы потеряли баллы, и сейчас самое время сконцентрироваться. Вы ведь знаете, что должны сдать эти экзамены, если хотите войти в нашу программу для журналистов?

— Да.

— И я знаю, что это профессия, которую вы для себя выбрали. Я думал, вы действительно решили что-то построить для себя здесь. Я ошибался?

Я чувствую себя полным дерьмом. Как будто мне снова двенадцать, и папа застукал меня воруемой двадцатку из бумажника. Для нынешних дней крайне редкое событие, когда мне хочется кого-то умаслить. Я понимаю, что обижена на Лэнга за то, что он заставляет меня быть такой жалкой.

— Вы не ошиблись, мистер Лэнг. Я усвою материал, который пропустила. И хорошо сдам экзамены. Я справлюсь.

Еще ничего не потеряно.

Профессор Лэнг отвлекается от изучения парт и шагает к окну. Скрещивает руки на груди и вздыхает.

— Почему вы хотите быть журналистом? Что привлекает вас в этой исключительной профессии?

Мне не хочется обсуждать это с ним, но, как и в случае с пропуском, я все еще слишком

слаба, чтобы придумать убедительную ложь. Двухдневное похмелье будет ответственно за все, что я собираюсь произнести.

— С одной моей подругой кое-что произошло, когда я была младше, и пресса... Они были как стервятники. Публиковали всякую чушь и превратили жизнь ее семьи в ад. Я хочу стать журналистом, чтобы хоть один человек из них писал правду. Фиксировал происходящее.

Плечи профессора Лэнга напрягаются:

— Именно поэтому вам так нравится мой предмет. Немногие сегодня ставят закон и этику на первое место при подготовке новостей. Каждый слишком занят тем, чтобы выдать очередную великую новость, не заботясь о том, правда это или нет, — он отходит от окна и направляется к двери. — Я рекомендую вам двигаться вперед и не отступать, мисс Паттерсон. Но следует помнить... Есть существенная разница между тем, чтобы желать преуспеть в чем-то, даже из праведных побуждений, и хотеть изменить то, что произошло в прошлом. Вы не добьетесь справедливости для вашей подруги и ее семьи, если будете преследовать эту цель. Вы же это понимаете, я надеюсь?

Я проглатываю комок в горле и выхожу за дверь, которую профессор придерживает передо мной, борясь с желанием вернуться и сказать, что я не настолько глупа. Я знаю, что уже ничего не могу изменить в своем прошлом.

— Извините, мистер Лэнг. Этого больше не повторится.

Профессор смотрит на меня поверх очков — линзы поцарапались в тех местах, на которые он по привычке неправильно их клал.

— Уверен, что не повторится. Вы слишком упрямы для этого.

Ноа Ричардс — звучит совсем не по-ирландски. Да он и не выглядит как ирландец: ни тебе рыжих волос, ни единой веснушки на виду. Слегка выющиеся локоны темно-каштановых волос выглядывают из-под вязаной шапочки, крепко натянутой на уши. Светло-серые глаза и хитрая улыбка. Он выглядит зажатым, когда усаживается за парту: видимо, слишком высокий для нее. Я понимаю, что двое парней из класса оживленно общаются с ним, усевшись на парты, в тот момент, когда неохотно тащусь к ним. Ноа замолкает, увидев меня, направляющуюся к ним, и остальные моментально прослеживают за его взглядом. Я знаю, как парни временами на меня смотрят, но обычно стараюсь этого избегать. Чувствую себя маленькой девочкой, пока они так глазят. Как будто мне снова восемь и это реально неуместно, что парни фантазируют обо мне. Потому что они делают это. Фантазируют, да. Мои сиськи круче, чем у большинства девушек. А соблазнительно изогнутые губы, как однажды сказал мне мертвецки пьяный парень в метро, идеальны для минетов. Остальные части в виде скелета и мышц, кажется, не имеют значения. В основном парни смотрят на меня в коридорах, но я опускаю голову и делаю вид, что не замечаю. Игнорировать их сложнее, когда приходится проходить рядом или непосредственно говорить с ними, тем не менее...

Ноа садится ровнее, когда я подхожу, и натягивает шапочку сильнее. Я смотрю на тех двух парней, переживая, что они, вероятно, собираются сидеть там же, хотя видят, что я хочу поговорить с Ноа. Точно, так и есть.

— Хм... — я сглатываю, с трудом переводя взгляд на Ноа. — Ты студент по обмену, да?

— Аха... — его акцент не такой, как я ожидала. Не сильный и явный, а скорее певучий. Ноа вспыхивает озорной, распутной улыбкой, но глаза кажутся добрыми. Он не держится от меня в стороне, как те два парня. — Я Ноа, это Фредди и Кайл. Везучие ублюдки, приютившие меня в этом семестре.

Я знаю, кто они. Видела на той вечеринке с Морган. Сидящий слева, Фредди, — тот самый разукрашенный парень, который жался ко мне на вечеринке, а я предпочла его оттолкнуть.

— Понятно. Вы из того же братства, что и Тейт, — говорю я, — и были на ирландской вечеринке.

Теперь все ирландские штучки на вечеринке приобретают смысл. Видимо, ее устроили в честь Ноа.

Глаза Ноа светятся, а улыбка становится шире.

— Хорошее произношение, — он протягивает мне руку, — а ты?

— Эвери. Я Эвери Паттерсон. — Ноа сжимает руку в крепком рукопожатии — мило, учитывая, что обычно парни думают, что поломают тебе кости, если надавят чуть сильнее. Папа всегда говорил, что не нужно доверять парням с хлипким рукопожатием. Он бы одобрил Ноа, если бы был рядом.

— Приятно познакомиться, Эвери.

— Аналогично. — Переходи к делу. Переходи к делу, Эвери. — Э-э-э, профессор Лэнг сказал, что тебе, возможно, нужна компания. Просто хотела предложить свои услуги.

Кайл и Фредди открыто хихикают. Слишком поздно до меня доходит, что то, что я сказала, звучит пошловато. Особенно если ты придурковатый девятнадцатилетний парень. Идиоты.

— Парни, разве вам не нужно быть в другом месте?

Это мне нужно быть в другом месте — где угодно, только не здесь — но тогда у меня будут проблемы с профессором, который, я просто уверена, наблюдает за разговором с новичком. Фредди и Кайл смотрят на меня с таким удивлением, с которым люди обычно смотрят на раненое животное, которое вдруг поднимается и кусает их, когда в него тычут палкой. Но при этом остаются на месте. Ноа смотрит на профессора, на которого я взглянула, оборачивается и грызет колпачок шариковой ручки. Его глаза сужаются.

— Это наказание, да?

— Нет. Наверное. Я имею в виду, мне знакомо, каково это... никого не знать...

— Ха! — Кайл подходит ближе и хлопает Ноа по руке. — Ты шутишь? Да этот парень уже знаком с половиной женского населения Колумбийского. — Ирландец поднимает глаза к потолку. — Черт, я бы все отдал за ирландский акцент!

— Заткнись, Кайл! — смеется Ноа. Это шуточный приказ, но Кайл подчиняется. — У меня нет проблем с обустройством на новом месте, спасибо, Эвери Паттерсон, но если ты хочешь позаниматься вместе или позависать где-нибудь, я с удовольствием.

И Кайл, и Фредди пытаются не засмеяться во время его речи, что их практически уничтожает. Я правда не ожидала такого от Ноа. Казалось, он отмахнется от меня и поднимет на смех из-за странного предложения, как только я успею отвернуться. Но он выглядит безукоризненно вежливым.

— Хорошо, отлично, прекрасно, — посылаю ему свою лучшую «клянусь-я-в-порядке» улыбку и ухожу. Никакого смеха за спиной, когда я удаляюсь и сажусь на свое место. Или, по крайней мере, мне не слышно. Когда аудитория заполняется, я украдкой оборачиваюсь на

них: перешептываются ли? Кайл и Фредди старательно делают записи. Ноа смотрит в окно, все еще грызя колпачок от ручки.

Аромат чистого секса

Две недели спустя от Люка по-прежнему ни слуха, ни духа. Я наверстала упущенное и успешно сдала экзамены, несмотря на то, что постоянно отвлекалась и раздражалась. Брэндон присоединится ко мне на День благодарения, что само по себе удивительно, поскольку он крайне редко выезжает из города, в котором вырос. Я сняла нам квартиру в Верхнем Ист-Сайде, поэтому для готовки у нас будет собственная кухня, не то что в гостиничных номерах. Она стоила целое состояние, но мамочка не шутила, когда сказала, что увеличила сумму на мое содержание. Разницы более чем достаточно для покрытия расходов на жилье, еду и выпивку, пока Брэндон будет в городе. Еще три дня, и я могу уехать из колледжа и расслабиться.

— Я буду скучать, детка, — говорит Морган, когда мы выходим из класса.

Выпал снег, покрывая землю десятисантиметровым слоем и образуя грязную снежную кашу. Сначала я думала, что выйти на улицу, пока лежит снег — плохая идея, но ошибалась. Оказывается, народ в Колумбийском университете слишком крут для того, чтобы устраивать бои в снежки. Мне это нравится. Чувствую себя окруженной взрослыми людьми.

Взяв Морган под руку, я кутаю подбородок в шарф, пытаюсь согреться теплым дыханием через шерстяную ткань.

— Я тоже буду по тебе скучать. Точно не хочешь побыть со мной и Брэндоном? Мы собираемся просто пить пиво, есть вредные вкусняшки и смотреть дерьмовые фильмы.

Морган корчит рожицу, топнув по снегу.

— Ты понятия не имеешь, КАК бы я хотела этого. Но моя мамочка — праздничный маньяк. Она взбесится, если я не приеду.

Дом Морган в девяти часах езды отсюда, в Чарлстоне, Западная Вирджиния. Нью-Йорк — самое отдаленное место, куда мама позволила ей уехать. Очевидно, для Морган это недостаточно далеко.

— Ты всегда можешь что-нибудь придумать и не ехать. Это сэкономит время, к тому же у нас с тобой будет пара свободных дней после Дня благодарения, когда Брэндон уедет обратно. Ему нужно на работу.

Морган заводит нас в дом и стряхивает снег с ботинок в холле. Пол тут грязный, в разводах, со следами уличного снега. Табличка «Влажный пол» валяется в стороне под лестницей. Наверняка какой-нибудь придурок из братства стащит ее еще до конца дня.

— Я бы с удовольствием, Эв. Посмотрим, попробую договориться с домашними. Но знаешь, иногда мне жалко оставлять отца одного терпеть все это безумие.

Мы заходим к Морган, но оказывается, что ее соседка пригласила приятеля, о чем свидетельствует определенный шум, поэтому мы поднимаемся по лестнице ко мне и располагаемся уже с комфортом. Лесли еще в библиотеке, но она оставила небольшой сверток и записку на кухонном столе.

— Святое дерьмо, это горячий шоколад? Пожалуйста, скажи, что это горячий шоколад! — щебечет Морган, усаживаясь на диван.

Тем временем я читаю записку:

«Шаг первый: Выпей меня.

Шаг второй: Предотврати замерзание женских прелестей.

Шаг третий: Спаси мир.

Л., О-хо-хо-хо».

Жаль, что мы с Морган не делим квартиру, но мне реально повезло с Лесли. Если не брать в расчет толпу людей, которая вечно здесь околачивается, чтобы увидеть ее, она такая заботливая. Более заботливая, чем я заслуживаю. Я убираю ноги Морган подальше от обивки и открываю банку горячего шоколада.

— Убери свою грязную обувь с мебели, Кэплер. Думаю, тогда ты получишь немного вот этого, как и хочешь.

— Если это не доставит тебе трудностей. — Она мило улыбается. Но меня не проведешь. — И мне нужно что-нибудь теплое, чтобы переодеться, если, конечно, ты не согласна, чтоб я забралась в твою кровать.

— Даже не думай об этом. Если у меня нет парня, это не значит, что ты будешь тем человеком, с которым я буду впервые резвиться на этих простынях.

Морган выглядит обиженной все три секунды, что я иду в свою комнату рыться в ящиках, чтобы найти кофту для нее. Я бросаю ей первое, что попало под руку, и иду делать нам напитки, согревая молоко на плите.

— Что это? — Морган держит передо мной огромную толстовку, и я вдруг понимаю, что дала ей толстовку Люка, которую он одолжил мне, когда огорошил новостями почти месяц назад. Она надевает ее, и мне становится видна надпись большими печатными буквами на передней части — ДПНЙ. — Черт, хорошо пахнет, Эвери. Почему она пахнет сексом?

Мгновенно на моих щеках появляется краска. Я не девственница, но говорить о сексе не очень удобно. Возможно, потому, что мой опыт с мужчинами до сих пор был неуклюжим и скорее неприятным.

— Она не пахнет сексом.

— О, да, это так. Или так пахнет парень, за секс с которым я определенно могла бы убить. Она что, того чувака из полиции, да?

— Ву! Отличная наблюдательность, Шерлок. С чего ты взяла? Может быть, там красуется огромный логотип на груди «Департамент полиции Нью-Йорка»? — Я подхожу к ней и тяну толстовку за рукав. — Снимай. Я найду тебе что-нибудь другое.

— Ни в коем случае! — она хватается переднюю часть толстовки и подносит к лицу, глубоко вдыхая. — Это самое лучшее, что случилось со мной за весь день. Как, черт возьми, она у тебя оказалась?

Я вроде как не хотела говорить Морган о ночи в квартире Люка. Мне не нравится намеренно держать что-то в секрете от нее, но рассказать ей о той ночи — значит просветить и насчет книги Колби Брайта о моем отце. А это не то, что я готова сделать.

— Он одолжил ее мне давным-давно. Просто не было возможности вернуть.

Морган подозрительно смотрит на меня.

— И ты говоришь, что между тобой и этим парнем ничего не происходило?

— Нет. Нет, ничего не происходило между мной и этим парнем.

Я отворачиваюсь от нее и занимаюсь приготовлением напитков, яростно их помешивая.

— В таком случае, я думаю, что ты должна вернуть эту толстовку нашему прекрасному хранителю мира немедленно и позволить мне пойти с тобой. Это преступление, что такой красавчик пропадает впустую. Понимаешь? Преступление?

Она смеется противным смехом над своей хромой шуткой, я притворяюсь, что не слышу, передаю ей кружку и шлепаюсь на свой вращающийся стул, глядя на жидкость внутри чашки.

— Не игнорируй меня, Паттерсон. Я серьезно. Я хочу подцепить этого парня, если ты не собираешься.

— Я говорила, у него есть девушка.

Я натягиваю на лицо безэмоциональную маску, когда знаю, что лгу ей. Она до невозможности горяча. Парни сходят с ума от ее шикарных каштановых волос. Нет причин, почему Люк не захотел бы быть с ней, и последнее, что мне нужно, чтобы он околачивался возле моего дома. Я стараюсь представить, что сказала бы ему, если бы столкнулась в коридоре после того, как он был у нее. Одна только мысль об этом заставляет меня содрогнуться.

— Что насчет Тейта, а? — спрашиваю я. — Я думала, у вас все налаживается?

Морган поджимает губы и хмурится.

— Не слышала от него ничего в течение пяти дней. Я заснула с ним в воскресенье ночью. Думаю, он все еще злится на меня.

— Почему он злится на тебя за то, что ты заснула? Ты часто остаешься у него.

Легкая улыбка трогает уголки ее губ. Она поднимает бровь и многозначительно смотрит. И тут до меня доходит.

— Ах, так ты заснула с ним. Пока вы...?

— Да. Видимо, это был верх грубости, тем более что он был на пике в это время.

— О боже, Морган, — смеюсь я, пытаясь подавить кашель. — Из всех, кого я знаю, ты, наверное, единственный человек, который мог заснуть во время секса.

— У меня такое уже бывало, — объявляет она. — И, наверное, будет снова. В любом случае, это его вина. Он слишком долго возился.

Пока она говорит, я делаю глоток и теперь близка к расплескиванию горячего шоколада на всю стену гостиной. Мы смеемся, как злые сучки, и приходим в себя только тогда, когда звонит мой сотовый. Морган вытирает глаза, наклоняется, чтобы взять его с журнального столика, и бросает мне.

Неизвестный номер.

Я хмурюсь, глядя на экран. Один удар сердца. Два. Три. Пока Морган не бросает в меня подушку.

— Ответь, женщина. Вызов без ответа — упущенная возможность.

Обычно такие возможности я рада упустить. Морган не понимает, почему я никогда не отвечаю на звонки с неизвестных номеров. В средней школе одним из любимых занятий одноклассников было позвонить и крикнуть: «Отродье убийцы», прежде чем повесить трубку. Просто еще одна вещь, которую я не хочу объяснять. В этот раз лучше просто ответить на телефонный звонок и покончим с этим.

— Алло?

— Эвери Паттерсон? — бросает мне смутно знакомый голос.

— Да?

— Это Ноа Ричардс. Я взял номер у твоей подруги, Марии, кажется?

Я чувствую, что напряжена. Оборачиваюсь и смотрю на девушку, с невозмутимым видом сидящую справа от меня.

— Нет, я думаю, ты имеешь в виду Морган.

Она невинно и вопросительно улыбается, изучая свой безупречный лак для ногтей.

— Да, точно, Морган. Я видел, как вы гуляли вместе. Твое предложение еще в силе?

Я буквально слышу усмешку в его голосе, но она не звучит как издевка. Вздыхаю, бью Морган по ноге сжатым кулаком.

— Что такое? Фредди и Кайл переехали из штата?

Ноа смеется:

— Нет, но они уезжают домой на праздники. Это означает, что я буду бедным одиноким иностранцем в большом городе и мне совершенно не с кем общаться. Я слышал, ты собираешься остаться здесь. Есть шанс, что ты хотела бы сходить в кино или что-то вроде того? Чисто в интересах держать меня подальше от неприятностей, сама понимаешь.

Я отчаянно пытаюсь придумать причину, что может помешать мне идти в кино с горячим, самым популярным студентом по обмену в Колумбийском университете. Ничего. Морган продвигается вперед, оказываясь почти на краю своего места, и когда видит, что я колеблюсь, делает предупреждающее выражение лица. Сжимает кулак на меня, угрожая физическим насилием, если я не скажу «да». Она, очевидно, знает, почему он звонит. Я показываю ей средний палец и вращаюсь вокруг на своем офисном стуле.

— Конечно, Ноа. Звучит здорово. Пару дней я буду с семьей, но после этого свободна. Напишешь мне, и мы что-нибудь придумаем.

— Договорились!

Он вешает трубку, а я бросаю телефон на журнальный столик, изо всех сил пытаюсь не наброситься на Морган.

— Кто это был? — беззаботно спрашивает она, и я не могу сдержаться: бросаюсь на диван и без пощады луплю ее подушкой.

— Ведьма, ты чертовски прекрасно знаешь, кто это был!

— А-а-а-а-а-а! Стоп, стоп, хорошо, хорошо! Я признаю это. Стоп! — она визжит. Я наклоняюсь и роняю подушку. — Мне очень жаль, Эвери. Он просто так мило просил, и этот акцент... Я ничего не могла с собой поделать!

— Все равно. — Я ударяю ее в последний раз и протяжно выдыхаю. — И я серьезно — снимай толстовку. Не хочу, чтобы она пропахла твоими вышедшими из-под контроля феромонами. И не собираюсь стирать перед тем, как отдавать.

Брейквотер

Пять лет назад.

Люк

Машина тормозит у тротуара. Я все еще не могу повернуться и посмотреть на дом. Хлоя расстегивает ремень безопасности, с мрачным видом прочищает горло, но я не могу сдвинуться с места. Моя рука все еще на оружии, как будто в этом есть смысл, как и в тех ужасающих событиях, свидетелем которых я стал. Как будто это способ предотвратить их.

Каждый раз, когда моргаю, все еще вижу тела, разбросанные во все стороны на земле. Каждый раз, когда закрываю глаза, все еще вижу Макса, дергающегося на голом бетоне и захлебывающегося собственной кровью. Бог мой, я не могу дышать.

— Ты прострелишь себе член этой штукой, если не будешь осторожен, — мягко говорит Хлоя, выключая двигатель. Мы сидим в молчании: она смотрит на меня, я смотрю на приборную панель. — Это всего на пару дней, Люк. Я знаю, тебе это не понравится, но придет время, когда такого рода вещи не будут смущать тебя. Просто в этот раз труднее. Сложнее, потому что ты знал парня.

Я закрываю глаза. А вдруг я допустил огромную ошибку? Может быть, не нужно было становиться полицейским? Может быть, я должен был пойти в колледж, как все и ожидали? Взять стипендию и стать долбаным воротилой бизнеса или что-то типа того? Отпускаю кобуру, сжимая кулаки так, что костяшки белеют.

— Я в порядке. Я буду в порядке.

Хлоя грустно улыбается.

— Я знаю, что будешь, парень. Ну же. Давай покончим с этим.

Однако, когда я выхожу из автомобиля, мир будто сжимается вокруг. Смотрю на дом и первое, что вижу, — детское лицо в окне. Дочь Макса, Айрис. Всего четырнадцать лет, черт возьми. Она выглядит, как гребаный призрак.

— Я думаю, она оставалась неподвижной, — говорит Хлоя, кивая в сторону окна. Айрис не замечает моего напарника. Она смотрит прямо на меня, и я знаю, что не могу этого сделать. Я, мать его, не могу сделать это. Обрушиваюсь спиной на капот авто, качая головой.

— Они еще не вставили окно, — замечает Хлоя. Когда пять дней назад мы пришли сюда, чтобы сказать, что осталось от семьи Бреслин, и что Макс мертв, Айрис бросила стул через огромную стеклянную панель на нижнем этаже гостиной. Там по-прежнему уродливая деревянная плита, вся в пятнах и потеках. Звук крика Айрис все еще звучит в моих ушах, даже сейчас.

— Это слишком, — говорю я, слыша собственные слова и зная, что это правда. Макс для меня был больше, чем друг. Он заботился обо мне. Он присматривал за мной, когда никто больше не мог. Как мне смотреть в глаза его четырнадцатилетней дочери и держать все дерьмо в себе?

— Все в порядке, — говорит Хлоя, положив руку мне на плечо. — Посиди здесь. Мне

нужно только уточнить у жены несколько деталей. Просто останься здесь, ладно?

Она идет в дом, и я чувствую себя чертовски жалким. Впервые с тех пор, как мы нашли Макса на том складе, позволяю себе заплакать, поворачиваясь спиной к его дому. Мне почти двадцать гребанных лет. Я обученный полицейский и не должен быть в гребанных слезах на лужайке одной из моих жертв, но все же я здесь и слезы текут по лицу. Это худший момент худшего дня худшей недели в моей жизни.

Дыхание перехватывает в горле, когда я чувствую что-то на моей руке — другую руку, утешающую меня. И вот она — девочка, встречи с которой я хотел бы избежать. Четырнадцатилетняя Айрис. Я так не хотел с ней сталкиваться. Похоже, в настоящее время у меня нет особого выбора. Она бесцветная как призрак, и выглядит обессиленной в своей белой пижаме. Ее кожа совершенно белого цвета. И кипа очень-очень обесцвеченных светлых волос с золотыми нитями довершает картину. Девочка выглядит так, словно стоит на пороге смерти.

— Почему ты плачешь? — шепчет Айрис. Ее голос ломается, как будто она не использовала его несколько дней. Судя по газетам, так и было. Средства массовой информации писали, что она практически в коматозном состоянии.

Я не доверяю себе настолько, чтобы заговорить, вместо этого поднимая глаза над бескрайними деревьями, которые простираются вечностью между владениями Бреслинов и городом, и размышляя о том, что это первый раз, когда я должным образом встретил Айрис. Это кажется мне таким неправильным. Макс так сильно любил ее. Я всегда хотел с ней встретиться. Просто казалось неудобным подходить к ней в школе. Она всегда была окружена друзьями, таскалась повсюду с той девочкой, Мэгги Брайт. Я был старше. Это не было бы нормальным. Люди бы шептались.

Айрис кладет голову мне на плечо, и я чувствую, как ее начинает трясти. Она плачет. Мои собственные слезы немедленно прекращаются. Я застываю, вдруг не зная, что, черт возьми, мне делать.

— Пожалуйста, — рыдает она. — Скажи мне, почему ты грустишь?

Она так умоляет меня, будто узнав, почему я страдаю, остановит собственную боль.

— Ты действительно хочешь знать? — Я беру ее за руку. Кажется, вот что правильно сейчас сделать.

Она смотрит на меня глазами, полными слез, ее лицо выражает горе, и я полон желания принять это от нее. Для того, чтобы все это исчезло.

Я говорю ей, что ее отец был со мной. Говорю ей, что он сделал для меня.

Она плачет в мою куртку, когда я уношу ее наверх в кровать. За все это время ее мать ни разу на нее не смотрит.

Super 8

— СЮРПРИЗ!

Брэндон появляется на пороге нелепо большой арендованной квартиры с красной лентой вокруг головы в комплекте с огромным бантом на макушке. Раскинув руки и улыбаясь мне, он ждет, когда я упаду в его объятия. По-прежнему думает, что мне двенадцать, и я собираюсь смеяться над этой фигней. И я смеюсь, но только потому, что это делает его счастливым. Брэндон — единственный человек на планете, ради которого я это сделаю. Я люблю этого изворотливого чудака. Позволяю сгрести себя в объятия, сжимая его в ответ, пока он не начинает притворяться, что хрипит и задыхается.

— Что с тобой, детка? Пытаешься задавить старика до смерти?

У меня есть договоренность с Морган: она не выпрашивает у меня комплименты, но мне так и не удалось убедить Брэндона последовать этому примеру. Он неисправим. Я показываю ему квартиру, помогая занести чемоданы внутри.

— Тебе сорок шесть, Брэнд. Ты еще не старик. Не похоже, что ты собираешься падать замертво.

Он роняет сумку на пол кухни и проводит руками по густым каштановым волосам.

— Ты видишь это дерьмо? — Тычет пальцем в макушку. — Это залысины. Я теряю больше волос в день, чем могу, возможно, отрастить. Я подсчитал, что если они и дальше будут продолжать выпадать, то к этому времени в следующем году мне не нужна будет расческа.

У него вообще нет залысины, и он это знает. Просто дурачится. Я пихаю другую сумку, которую несла, ему в грудь:

— Проходи уже, старче.

Показываю ему три другие комнаты, и он бросает свои вещи в одной из них — той, которая напротив моей, а потом открывает пиво.

— Вкусно пахнет. Чем ты занималась?

— Как обычно. — Я забираю у него банку и ставлю обратно в холодильник. — Еще даже не одиннадцать. Ты уснешь, пока готовится еда, а я не хочу слушать твой храп, пока буду есть.

Брэндон проходит в жилую часть квартиры и опускается на диван, дуясь.

— Ты превращаешься в свою мать, ты знаешь?

Это самое обидное оскорбление, которое кто-то может мне сказать.

— Отлично! Пошел ты, приятель. Можешь выпить все пиво и заснуть. Мне все равно. Я буду смотреть «Двойную жизнь Чарли Сан-Клауда» и потягивать вино. Лучше так, чем слушать тебя!

Брэндон морщится и кладет ноги на стеклянный журнальный столик.

— Ни за что. Эфрона в этой квартире не будет. Я на это не подписывался.

Брэндон считает Зака Эфрона генетически модифицированным. Когда я последний раз пыталась смотреть этот фильм, он закатил истерику. Я улыбаюсь и устраиваюсь рядом с ним, попутно убирая его ноги с арендованной мебели.

— Что нового, старик? — по правде говоря, я не хочу знать, что ежедневно происходит в Брейквотере, но после смерти моего отца Брэндон фактически заменил его. Заботился обо мне. Я плохо себя чувствую из-за того, что он там один, сам по себе большую часть времени. Брэндон слегка грубоват, и в таком городе, как Брейквотер, это точно не обеспечит его друзьями.

— Я сейчас кое-что расскажу, — говорит он, — и ты не сразу поверишь.

Я сижу, терпеливо ожидая, когда он прольет свет на свою тайну. Проходит десять секунд, но он просто сидит, смотря на меня и ухмыляясь.

— Ну, начинай! Что?

— Я, — говорит Брэндон, вытягивая пачку сигарет из кармана и улыбаясь при этом, — ходил на свидание. — Его брови комично изгибаются, когда он засовывает сигарету в рот.

— Что? Ты, старый пес! С кем? — Брэндон не ходил ни на одно свидание все время, что я жила с ним. Он, наверное, не был ни на одном и до этого. С тех пор, как умерла тетя Мел.

Я, наконец, соображаю, что Брэндон собирается делать, и когда он наклоняется вперед, чтобы прикурить, вырываю сигарету у него изо рта:

— Не ты снимал это место. Когда будешь отвечать за депозит, можешь курить в помещении. Есть балкон. Теперь скажи мне, с кем ты ходил на свидание?

Он стонет и откидывает голову на спинку дивана.

— Я водил Монику Симпсон в то шикарное тайское местечко, которое тебе нравится, и она была ску-у-учной, — Брэндон растягивает слово так, что оно звучит как два, и я глотаю смешок.

— Монику Симпсон? Маму Кэндис Симпсон?

— Именно.

— Ту, что с... — я обрисовываю руками грудь. Моника — миниатюрная женщина, но у нее огромная грудь, которую почти все мужчины в Брейквотере мечтают держать в своих руках. Она уже пережила две операции по ее уменьшению, когда я окончила среднюю школу.

— Точно.

В этот момент я не могу удержаться от смеха.

— С чего ты вдруг пригласил ее? Я имею в виду, она кажется достаточно милой женщиной, но...

— Я не приглашал. Она меня пригласила.

Это делает ситуацию еще забавнее. Я предполагаю, что слишком привыкла к нему после всех лет, которые провела, пока росла с ним, а ведь Брэндон, вероятно, все еще считается красивым парнем среди некоторых людей. Людей постарше. Очень, очень старше. Я смеюсь так сильно, что аж фыркаю.

— Эй! Я надеюсь, ты не находишь смешным, что женщина пригласила меня на свидание? Сейчас новые времена, понимаешь? Это совершенно нормально для общества — женщине пригласить парня. Может быть, ты должна это учитывать, а?

Я шлепаю его по руке и прислоняю голову к его плечу.

— Ага, я обязательно учту это.

— Не слишком устраивайся, малышка. Я не курил много времени, а у меня осталась целая пачка. Я намерен полностью опустошить ее. На балконе! — добавляет он, прежде чем я начинаю возражать. — Плюс, у меня есть кое-что для тебя.

— Подарок? — Я выпрямляюсь и хватаю его за руку. — С каких это пор мы делаем

подарки на День благодарения?

— Это ранний рождественский подарок. Я думал, что неплохо подарить тебе что-нибудь сейчас за то, ты готовишь для меня, пока я здесь, и все такое.

Я смотрю на него с подозрением.

— Но на Рождество мы тоже будем открывать подарки вместе?

— Да, — смеется он. — Клянусь. Я вернусь в город, если это сделает тебя счастливой. Мы могли бы даже арендовать этот шикарный дворец снова. Ну а теперь — ты хочешь подарок или нет?

— Конечно, да.

Брэндон спешит к себе в комнату и возвращается тридцать секунд спустя с большой коробкой в руках. Она завернута в подарочную бумагу с трансформерами.

— Оу, трансформеры. Не стоило.

Он передает коробку, и я встряхиваю, пытаюсь понять, что там.

— Ты же не украл это из-под рождественской елки у какого-нибудь бедного ребенка?

— Слово скаута.

Я разрываю бумагу и смотрю на коробку, лежащую на коленях. Это видеокамера, модель которой я всегда хотела в детстве. Super 8. Я и забыла о своей мечте когда-нибудь стать режиссером фильма, но Брэндон явно нет. Он собирает бумагу с разорванными трансформерами и мнет ее в руках.

— Я подумал, что ты могла бы, знаешь, практиковаться снимать, когда станешь тележурналистом или кем-то подобным.

Я смотрю на него, ошеломленная.

— Она, вероятно, стоит целое состояние. Работающая Super 8? Их почти невозможно достать сейчас.

— Да, хорошо, мне хотелось бы притворяться, что я много потратил, но это была бы ложь. Она валялась на чердаке в течение многих лет. Я снимал на нее еще до твоего рождения. Твой отец тоже. Он подкупал меня пивом, так что я позволял ей пользоваться.

Есть так мало вещей, которые сегодня связывают меня с покойным отцом. Знание, что он пользовался камерой, которая сейчас в коробке передо мной, заставляет наворачиваться слезы на глаза. Я засовываю руку в коробку и достаю камеру, удивляясь тому, насколько она тяжелая. Она похожа на оружие копа — небольшой квадратный объектив, черный металлический корпус и ручка. Я навожу ее на Брэндона, закрыв один глаз, будто прицеливаюсь, и он грустно улыбается.

— Твоя тетя раньше снимала наши игры этой вещичкой. Позже я покажу тебе, как ею пользоваться. Но сначала... — Брэндон держит сигарету и ухмыляется, понемногу его меланхолия отходит. — Я должен покурить.

Свидание

День благодарения проходит, не успеваю я и глазом моргнуть, и Брэндон уезжает. Радости бытия владельца бизнеса. Я провожу большую часть следующего дня за возней с моей новой Super 8. в гостиной квартиры с окнами от потолка до пола, отображающими драматический горизонт Нью-Йорка в виде головоломки из бетонных зубов, оскаленных на зимнее небо. Брэндон показал мне, как использовать камеру, или, по крайней мере, научил азам, как наводить и снимать, чтобы не запутаться с другими кнопками. Как только он уезжает, пытаюсь разобраться в настройках и функциях. Еще два дня до возвращения в колледж, и я твердо намерена потратить это время на освоение моей новой игрушки. Не то чтобы я забываю о приглашении Ноа, но нервно вздрагиваю, когда в ночь на пятницу вижу, что его имя мигает на телефоне.

— Эй, Эвери Паттерсон. Как прошел День благодарения? Ты жила на бутербродах с индейкой или как?

Смешно, потому что так и было.

— Если я больше никогда не увижу ни кусочка индейки, то буду самой счастливой девушкой. Что насчет тебя, Ноа Ричардс? Ты переел и выпил достаточно, как и положено в самый заветный американской праздник?

— Эй-эй-эй. Ты только что назвала меня полным именем? — Ноа душит смех на другом конце провода. — Думаю, что заслуживаю этого после использования твоего, но я выгляжу как Ноа Ричардс. А ты не похожа на Эвери Паттерсон. Я полагаюсь на позитивное мышление и произношу твое имя каждый раз, когда мы разговариваем, просто чтобы убедиться, что не называю тебя как-нибудь иначе.

Обида вспыхивает в груди. Это не очень приятное чувство. Я прилагала чертовски много усилий, чтобы убедиться, что люди думают обо мне, как о скучной, старой доброй Эвери Паттерсон, и легкомысленное заявление Ноа, что я не похожа на Эвери Паттерсон, заставляет мои щеки мгновенно вспыхнуть. Он что-то знает? Хотя как это возможно? Я имею в виду, только четыре человека во всем мире знают о смене мной имени — Морган, Брэндон, Люк и моя мать. Ни один из них не мог проболтаться.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

Короткое молчание на другом конце телефона, прежде чем Ноа тихо хихикает.

— Прости. Я не имею в виду, что ты не была... Запоминающейся. Как раз наоборот. Просто... Иногда люди просто не хотят быть в собственной шкуре. Ну, когда называются Сэмом вместо Харви и чувствуют себя более самостоятельными. Я не знаю. Как ты, к примеру. Ты похожа на Эви или Шарлотту. Из-за светлых волос и милого носа пуговкой. Мне пора прекратить говорить?

Иногда люди просто не хотят быть в собственной шкуре. Ноа не подозревает, насколько он прав. С четырнадцати лет я не чувствую, что вписываюсь в свое тело. Никогда не думала, что я та, кем должна быть. Я пыталась в течение многих лет убедить себя и других людей, что маска, которую я ношу, — на самом деле мое истинное лицо, в то время как... У меня нет истинного лица. Та, кем я должна была стать, умерла много лет назад,

когда узнала, что человек, которого она боготворила — убийца.

Хотя Ноа ничего об этом не знает. Он просто пытается быть милым.

— Все нормально. Я могу заверить тебя, меня зовут Эвери. Скучная, старая добрая Эвери.

У него может быть свое позитивное мышление, а у меня — свой запатентованный метод управления сознанием. Если я буду часто говорить, в том числе и ему, что я никто, может быть, он на самом деле в это поверит. Иногда такие вещи работают.

— Я думаю, ты умаляешь свои достоинства, дорогая. Ты произвела на меня хорошее впечатление, — говорит Ноа. — В любом случае, я не хотел тебя обидеть. Я звоню, чтобы узнать, пойдешь ли ты со мной на фильм с рейтингом R³? Я видел обзор в Gore Fest Magazine.

Я откидываюсь на спинку стула, слова застревают в горле. Не знаю, что сказать; требуется больше времени, чтобы оформить мысль. Это действительно начинает походить на свидание.

— Я не знаю. Это звучит довольно кроваво. Я обычно предпочитаю комедии. Сколько же баллов Gore Fest Magazine получил этот фильм?

Ноа задерживает дыхание: похоже, курит.

— Пять из пяти — за отрубленные головы. — Я слышу рев автомобилей на другом конце трубки, а затем Ноа начинает отчаянно ругаться. — Боже, что это с вами, кровожадные жители Нью-Йорка, зачем вы пытаетесь убить тех, кто переходит дорогу?

— Ты идешь по пешеходному переходу?

— Нет.

— Значит, это твоя проблема. Пешеходы-разини будут подмяты под колесами американской промышленности. Промышленность, в данном случае, выражается в виде чудовищного флота желто-черных такси.

Ага, могу себе представить. Сотни машин, простирающихся настолько, насколько видно глазу, двигаются вплотную друг к другу и, не задумываясь, давят людей, чтобы вовремя довезти своего клиента на встречу. Отвезти модель на фотосессию раньше, чем она допьет кофе. Такая фигня.

— Да. Просто еще одна вещь, которая мне нравится в США, понимаешь. Граждане самой могущественной страны не могут безопасно пересечь дорогу, не направившись при этом на пешеходный переход. Разве вы, люди, не доверяете друг другу, чтобы посмотреть в обе стороны и просто пересечь дорогу, как и все остальные?

Образ Ноа, стоящего на углу улицы где-нибудь в Нью-Йорке и говорящего это вслух, забавен; скорее всего, его прибудут на месте, если он скажет еще хоть слово. Я опираюсь локтями на стойку в кухне и перебираю варианты: погулять с, казалось бы, хорошим, горячим парнем из группы или остаться в квартире одной, читая инструкцию. Руководство по б/у Super 8 на самом деле очень интересное, но все-таки...

— Эй, ты тут, Эвери Паттерсон? Так ты собираешься со мной посмотреть, как куча людей будут разорваны на кусочки, или как?

Восхитительные образы. Я никогда не была фанаткой крови и кишок, но, возможно, это именно то, что мне нужно, — немного ужастиков, чтобы моя жизнь стала цельной.

— Ладно, Ноа Ричардс. Ты меня убедил.

— Отлично. Тащи свою задницу к кинотеатру Бикманн на Второй улице. Я возьму билеты и попкорн. Ты любишь шоколадный?

Я улыбаюсь, вопреки себе.

— Я люблю шоколадный.

Это может быть на самом деле весело, особенно слушать, как Ноа говорит с этим его акцентом.

— Э-э-эм, Ноа, — говорю я, потянувшись за пальто. — Как называется фильм?

— «Убийца из Вайоминга». О каком-то психе, который убил кучу девушек. Видимо, он основан на реальных событиях. Мы можем пойти на что-то другое, если хочешь. Есть новый фильм с Адамом Сэндлером, если любишь комедии. У тебя есть какие-то предпочтения?

Моя рука сжимается на телефоне. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт. Сэм О'Брэйди. Джефферсон Кайл. Адам Брайт.

— Эвери?

— Э-э... Извини, Ноа, я... — горло настолько пересохло, что я не могу сглотнуть. — Что ты сказал?

— Я спросил, у тебя есть предпочтения? Адам Сэндлер?

Я смотрю на электронные часы на духовке, сосредоточившись на дыхании.

— Нет, мне все равно, на самом деле. Просто выбери что-нибудь. Но не тот ужастик. Не про убийцу из Вайоминга.

Ноа не обращает внимание на мой надломившийся голос, а смеется и говорит:

— Черт, вы, девушки, такие впечатлительные, — затем вешает трубку.

Я не сразу выхожу из квартиры. Перебираюсь из кухни в гостиную, где врубаю ноутбук и усаживаюсь с ним, раздавая Wi-Fi с сотового. После того, как мой ноутбук подключается к Wi-Fi, захожу в YouTube и набираю «Убийца из Вайоминга трейлер». Комментарии в верхней части страницы ужасны. Они о том, какой фильм отвратительный. Как чья-то мама, сестра, подруга блевала после него. Игрет громкая рок-музыка, и трейлер, наконец, загружается. Следующую минуту и тридцать секунд я, не мигая, смотрю на экран.

«Когда в Вайоминге без вести пропадают девочки-подростки, полицейские и не подозревают, что имеют дело с серийным убийцей. Нет никакого мотива. Нет профиля. Нет почерка. А для жертв убийцы нет надежды на спасение».

Далее идут сцены: молодых девушек преследуют в лесу, что на экране сопровождается безумными звуками, кто-то задыхаясь, бежит, опасаясь за свою жизнь. В конце трейлера возникает образ с человеком в маске, размахивающим ржавым мачете, и высокий крик прорывается сквозь музыку, заканчивая клип на драматической ноте. Я хлопаю крышкой ноутбука и откидываюсь назад, прикусив большой палец и пытаюсь не вывернуть наизнанку содержимое желудка. Они сняли фильм о нем. Гребаный фильм. Все в стране будут говорить об этом, тем более что выглядит он как один из самых ужасных, что я когда-либо видела. Это значит, что они будут говорить о моем отце, если кто-то заметит выход книги мэра Брайта. А так и случится. Потому что я везунчик по жизни.

Ноа не шутил, когда сказал, что захватил нам закуски. Я появляюсь как раз вовремя, чтобы поймать коробку карамелек Milk Duds, пока он пытается удержать ее на вершине самого большого ведра попкорна, которое я видела в своей жизни.

— Оу, хорошая реакция!

— Спасибо. — Я посылаю ему улыбку и кладу упаковку в карман.

— Эй, я все видел! — Ноа качает головой, усмехаясь. — Мы знакомы пять минут, а она уже попала на краже моих сладостей!

Мои губы растягиваются в улыбке. Я надеюсь, что он отнесет покраснение щек к суровым морозам на улице, а не поймет, что я боролась со слезами по пути через Верхний Ист-Сайд. Щеки Ноа немного отливают естественным румянцем; он, вероятно, не обратит внимание. На нем новая шапочка — по-моему, никогда не видела его без головного убора. Он остановился на подходящей версии повседневной одежды: тонкий черный свитер поверх рубашки на пуговицах и джинсы с разводами. Свитер выглядит очень мягким; я представляю, каким он будет на ощупь на моей коже.

Ноа светит ухмылкой.

— Я взял нам билеты. Ты в порядке? Выглядишь слегка вялой.

Я не вялая. Меня тошнит после просмотра того трейлера, а сейчас, похоже, я задумалась об удачном выборе свитера парнем, с которым у меня вроде как свидание, и о том, какой он будет на ощупь, если я потрюсь о него щекой.

— Извини. Я просто иногда отключаюсь от действительности. Идем?

Что если режиссеры пронюхали об обвинениях мэра Брайта, когда снимали фильм? Они использовали в нем имя моего отца? Они называют Вайомингским Потрошителем Максвелла Бреслина в своем новейшем кассовом хите?

Эти вопросы крутятся у меня в голове, пока Ноа ведет нас в зал. Морган всегда ходит на свидания с парнями в кино. Она дает мне подробный отчет о каждом из них, как только возвращается в свою квартиру, решая, увидится ли с ними снова. Многое из этого, часть «увиджусь-ли-я-с-ним-снова», зависит от мест, которые выбирает парень. Слишком близко к экрану — чересчур заинтересован в фильме. Последние ряды — все, что он хочет, засунуть язык ей в горло. Есть, видимо, разные степени ботаника или извращенца: в зависимости от близости к середине зала, и Морган дала мне краткое изложение, ряд за рядом.

Ноа выбирает пару мест три четверти расстояния от экрана — недостаточно близко к первым рядам, чтобы предположить, что он о них думал, но все же на почтительном расстоянии от поцелуйных мест. Если бы он был на свидании с моей лучшей подругой вместо меня, то, вероятно, уже выбрал бы второй вариант.

Ноа пропускает меня вперед на наши места, затем садится и предлагает попкорн.

— Ты хочешь украсть и это тоже, судя по тому, что уже конфисковала у меня Milk Duds?

— Я думала, что это были наши Milk Duds?

Выражение лица Ноа слегка меняется из-за тени в тусклом свете кинотеатра.

— Мне нравится, как это звучит, — тихо говорит он.

Я хмурюсь.

— Как что звучит?

— Неважно, — ухмыляется он, тряся попкорном у меня под носом, пока я не беру немного. — Что ты делаешь на Рождество, мисс Паттерсон? Возвращаешься в... Откуда ты?

— Айдахо, — вру я.

— Айдахо... — Ноа сужает глаза и смотрит куда-то вдаль. — Я ничего не знаю об Айдахо.

Я тоже, поэтому, пожалуйста, не спрашивай меня об этом.

Я пожимаю плечами и засовываю несколько штук попкорна в рот, а когда медленно его прожевываю, занавес открывается, и экран начинает светиться.

— Из какой части Ирландии ты? — шепотом спрашиваю его.

Серые глаза Ноа блестят в темноте. Он наклоняется ближе, чтобы я могла услышать его.

— Белфаст, но я провел много времени в Лондоне, когда был ребенком.

— Ох. Я не думала, что ирландцы любят англичан.

Улыбка медленно появляется в уголках его губ.

— Некоторые из нас нет. Других это не волнует. Мама отправила меня туда в конце девяностых, чтобы я получил образование. Она не хочет, чтобы я рос среди всего этого оружия.

Мне, как ребенку, выросшему среди пушек, кажется странным, что некоторые родители хотели бы оградить своих детей от них. Ирония этой мысли поражает меня. Мой отец всегда учил, что его пистолет — не игрушка, и я не должна его трогать. У него была лицензия на оружие. Полицейские нашли пистолет с пустой обоймой рядом с его телом на том складе в Брейквотере.

— В Ирландии все еще много преступлений, связанных с применением оружия? — спрашиваю я, вздрагивая от этой мысли.

Кока-кола практически выходит из носа Ноа. Он кашляет так сильно, что дама с короткой стрижкой перед нами оборачивается, чтобы бросить на нас раздраженный взгляд.

— О, успокойтесь, женщина, это еще реклама! — Ноа закатывает глаза и оборачивается ко мне. — Ты реально спрашиваешь меня, много ли в Ирландии преступлений, связанных с применением оружия?

Я краснею под его недоверчивым взглядом.

— Да? Я думала, там теперь мирно, — у меня такое впечатление, что я выставила себя идиоткой.

— Вот это да. — Он делает глубокий вдох. — Да, есть немного таких преступлений, особенно там, откуда я, — в Северной Ирландии. Но не так много, как раньше. Думаю, ты в чем-то права: мы больше не источник ежедневных новостей. Серьезный конфликт был, когда я был маленьким. Лоялисты и республиканцы, протестанты и католики... Все были под прицелом в той или иной форме. Моя семья думала, что мне лучше быть подальше

— А ты... Ты кто?

Глаза Ноа снова сужаются.

— Что ты имеешь в виду?

— Лоялист или республиканец?

— Я должен быть одним из них?

Я склоняю голову набок, изучая его.

— Большинство людей принимают ту или иную сторону, когда растут в такой обстановке.

Взять меня, к примеру. Есть люди, члены семей которых сделали действительно дерьмовые вещи. Они справляются с мерзкими деяниями, совершенными их родственниками, одним из трех способов. Вариант один: отрицают какую-либо возможность того, что их любимый сын, брат, муж, жена, и т.д. могли быть ответственными за такие ужасные преступления. Вариант два: делают вид, что расстроены и преступника, которого они так хорошо знали, просто не существует. (Доходит до того, что остальные друзья и члены семьи в конце концов остаются с разбитыми челюстями: «Не говорите со мной о нем! Никогда не произносите его чертово имя при мне!») И есть третий вариант: люди принимают то, что случилось, и живут с этим. Внутри они становятся другими, чтобы

создать дистанцию как механизм преодоления стресса. Это вроде механизма выживания — из-за того, что люди ненавидят то, что их любимые сделали? Может быть. Но в основном, чтобы облегчить вину от преступления, потому что люди чувствуют, что их осуждают. Если они были связаны с убийцей, то, конечно, могли что-то делать со всем этим, не так ли? Я номер три. Моему терапевту в Брейквотере не нужно было говорить мне об этом.

— Я стараюсь не лезть в те вещи, которые меня не касаются, — легко говорит Ноа, но в глазах осторожность. — Я, мать и отец — католики, хотя ты не увидишь меня в церкви по воскресеньям.

У меня не получается задать ему еще один вопрос. Начинается фильм. После предупреждающего взгляда от женщины перед нами мы устраиваемся в тишине, чтобы посмотреть его. Ноа долго и упорно смеется в течение следующих полутора часов, и я пару раз тоже, даже несмотря на все остальное, что заполняет мое сознание. Мы приканчиваем половину попкорна и Milk Duds, когда идут титры, но мой желудок странно пуст. Ноа сваливает мусор на выходе, и мы моргаем, поскольку выходим в освещенный холл. Место гудит людьми, стоящими в очереди за билетами на ночной сеанс.

— Все эти ребята собираются на фильм об убийстве. Ты моя должница, — жалуется Ноа, хватаясь за рукав моего пальто, чтобы провести через море людей, которые болтают и толкаются друг с другом, стараясь опередить в очереди. Когда он тащит меня по улице, холод, царящий там, поражает. Опять идет снег: на этот раз гораздо сильнее, чем те порывы, которые город пережил в течение предыдущих недель. Движение по Второй плохое — как обычно, таксисты гудят клаксонами, несмотря на то, что это не помогает ехать быстрее.

На кончиках кучерявых волос Ноа собираются хлопья снега. Они опускаются и на шапочку, тая практически мгновенно. Он вдруг смущается, засовывая руки в карманы джинсов.

— Так, знаю, мы договаривались только на кино, но, может быть, поднимем ставки и перекусим, а? Я знаю местечко неподалеку с хорошей живой музыкой.

Мой желудок урчит прямо на середине реплики, предавая меня. Наверное, было бы разумным вернуться в квартиру, но после этого неловкого урчания точно не получится сказать ему, что я не голодна. Обвожу улицу взглядом, как будто глазами Ноа, — мы окружены толпой нормальных людей. Людей, которые, вероятно, не слышали ничего про какой-то новый фильм. Они просто выбрались поужинать, наслаждаясь праздниками. Я вдруг дико завидую им, их простым, несложным жизням. Оглядываюсь на Ноа и вижу надежду в его глазах.

— Давай, — говорит он, улыбаясь, — никакой индейки, я обещаю.

— Никакой индейки, да? Это серьезно. — Я вздыхаю. — Знаешь что? Хорошо. Давай перекусим.

Ноа не скрывает радости. Он предлагает мне руку. Я секунду колеблюсь и вкладываю свою. Это очень ново для меня. Я не знаю, как себя вести. До этого я была на свидании только с ребятами из Брейквотера, и там были более формальные встречи на публике, прежде чем они пытались залезть ко мне в трусики. В основном неудачно.

Легкая улыбка играет на губах Ноа, когда мы продвигаемся вниз по Второй улице. Краешком глаз я ловлю его взгляд на мне. Мы снова проходим один квартал и поворачиваем на первую, где Ноа направляет меня к дверям бара с метким названием «У О'Фланагана».

— Ты шутишь?

Он широко улыбается.

— Эй, я ирландец, помнишь? И скучаю по дому.

Он ведет меня внутрь, где мы слышим аплодисменты и возгласы, по крайней мере, ста человек, прижатых друг к другу, как сардины. Они стоят спинами к нам, наблюдая, как в дальнем углу кто-то играет на инструменте. Бог знает, про что песня, но место пахнет удивительно. Мой желудок снова урчит, вызывая у Ноа смешок.

— Садись, дорогая. Я принесу нам меню.

Он указывает на единственный пустой столик. Я снимаю пальто и шарф, потирая руки, чтобы согреть их.

— Последняя песня! Давайте предложим немного воды нашему истощенному музыканту, — объявляет голос по акустической системе. Серия стонов и криков проносится в толпе.

— К черту воду, дайте ему пиво! — кричит женщина.

Свист другой женщины:

— Текилу!

Музыкант явно вызывает ажиотаж. Мы с Ноа выбираем, что хотим поесть. Он дает мне денег на его часть и направляется к туалету, в то время как я иду в бар, чтобы огласить наш заказ. А когда достаю деньги, слышу знакомый голос позади.

— Я заплачу, Клэр. Запиши на мой счет.

Люк Рид, стоя рядом со мной, подносит бутылку воды к губам, и бисеринки пота видны на его лбу. Мои колени подгибаются, как будто кто-то просто опустил на них кувалду. Его темные волосы влажные и потные, взъерошенные в стиле «трахни меня».

— Люк?

Его губы изгибаются, и он оборачивается, подняв брови. Как, черт возьми, Люк умудряется выглядеть так... Так...

— Привет, красавица.

Он ставит бутылку на стойку и хмурится на Клэр — бармена, а она хмуро смотрит на меня.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Ничего, Люк. Просто она заказала два блюда и пиво.

Он моргает и смотрит на нее так, будто она говорит на шведском вместо английского.

— Ну и что?

— Хорошо, — отвечает Клэр, пожимая плечами. — Я подумала, будто ты решил, что она одна, вот и все.

Люк улыбается, глядя на меня сверху вниз и подталкивая плечом.

— Она думает, что я пытаюсь тебя клеить.

— Ты не должен платить за нашу еду, Люк.

Все становится еще более неловким.

— Я знаю, что не должен. Но я хочу. Это так плохо?

Убираю в карман деньги, которые держу в руке; краска приливает к щекам.

— Хм, спасибо. Я не знала, что ты здесь играешь.

Чувствую необходимость в том, чтобы уточнить это, дабы он знал — я не преследую его. Это последнее, что мне нужно.

— Да. Я иногда играю здесь до начала ночной смены. Чтобы зарядиться. Двенадцатичасовая смена выматывает. — Он кивает на Ноа, который возвращается из туалета и теперь сидит позади нас. — Свидание?

— Нет. Нет, конечно, нет, — конечно, нет? Я что, гребаная девственная монахиня? Я могу ходить на я, если захочу. Выпрямляю плечи. — Ну, вроде того. Скорее всего. Я не совсем уверена.

Люк хмурится, по-прежнему глядя на Ноа. Выражение его лица мрачное.

— Непонятные отношения, да?

— Нет, это не отношения. Мы не... Я имею в виду, что это не... — ненавижу эти моменты, когда превращаюсь в непонятно кого — девушку, которая не может связать пару слов. Ужасно.

Люк сжимает медиатор в руке так сильно, что зеленый пластик становится белым. Он бросает его на стойку.

— Хорошо, ладно, удачи, что бы это ни было. Я должен идти. Последняя песня.

— Конечно.

Он опускает голову и хмурится, пристально глядя на меня.

— Ты же знаешь, я всегда здесь. Если тебе нужно что-нибудь, только позови, Эв. Особенно если нужно надрать кому-нибудь задницу.

Люк стреляет острым взглядом в Ноа, когда говорит это, а потом, прежде чем развернуться, пятится, делая четыре шага, и исчезает в толпе. Люди расступаются перед ним, словно он — чертов Джефф Бакли.

— Кто это был? — Ноа стоит у меня за спиной, опираясь на стойку. Он улыбается, но его лоб нахмурен.

— Просто друг, — говорю я ему.

Клэр возвращается обратно за стойку бара, стреляя в меня острыми, словно кинжалы, взглядами; толпа вспыхивает, слышны возгласы и свист. С этой позиции я могу видеть только кусочек Люка выше пояса. Он поднимается на то, что должно быть небольшой сценой в углу, перекидывает ремень гитары через голову и садится — я предполагаю, там стул.

— Невероятно, да? Ты знакома с парнем, который здесь играет, — говорит Ноа, наклонившись так, чтобы говорить прямо в ухо. Его горячее дыхание обдаёт мою шею, и я борюсь с желанием сделать шаг назад. Это не то чтобы неприятно. Это... Ну, я не знаю. Что-то мешает мне наслаждаться его близостью так, как ещё двадцать минут назад. И я не настолько глупа, чтобы притворяться, будто не знаю, что именно. Или кто. Я просто отказываюсь это признавать.

— Спасибо за то, что так принимаете сегодня, — мягко говорит в микрофон Люк. Его голос спокойный, и тишина окутывает море людей между баром и сценой. Они осторожно перешептываются друг с другом, словно это важно — слышать каждое слово из его уст. — У меня осталась всего одна песня. Она не из моих. Классика. Эта песня очень много значит для меня, так что я надеюсь, вам понравится.

Люк наигрывает несколько аккордов на гитаре, глядя на струны, хотя я на сто процентов уверена, что ему вовсе не нужно смотреть на них. Я не сразу узнаю мелодию. Когда его нога начинает выстукивать знакомый ритм на сцене, мое горло сжимается. Это Blackbird. The Beatles. Единственная песня, которую мой отец мог сыграть с закрытыми глазами. Его любимая. Брови Люка сходятся вместе и поднимаются; он начинает петь, и у меня в животе появляются бабочки. О, боже. Его голос такой красивый. Хриплый, совершенный и полный эмоций. Он поет так, будто это его сердце сейчас лежит на полу, а не мое. Слова о том, как чинить сломанные вещи, разбитые сердца и сломанные крылья,

учиться летать пробивают меня настолько, что я чувствую, будто не могу дышать.

— Можем ли мы... Ты не против, если мы снова сядем?

Ноа кивает и дарит мне свою фирменную улыбку, подталкивая к столику. Это короткая песня, так что я должна продержаться всего лишь пару минут до того, как она, наконец, закончится, и студентки сделают то, что они делают лучше всего: закричат.

— Он хорош, — говорит Ноа, делая глоток пива. Его слова верны, но тон идет вразрез с ними.

— Да. Он хорош, — и Люк на самом деле хорош. Но почему... Почему он сыграл эту песню?

— На бис! На бис! — Эти девушки явно прошли не через один раунд текилы. И, кажется, не заинтересованы в том, чтобы Люк ушел со сцены без еще одной песни.

Ноа смеется, глядя на сцену с изумлением.

— Что это, чертов Мэдисон-сквер-гарден?

Я оглядываюсь. Позади меня Люк поднимает руки, делая все возможное, чтобы уйти со сцены, не обижая никого. Не похоже, что у него это выйдет. Девушки преграждают ему путь, ноги на высоких каблуках топают в ожидании. Люк опускает руки, на его лице поражение. Он снова садится на стул.

— Ладно, ладно. Еще одну песню. Пусть это будет кавер. Выбирайте, народ.

— Что ты можешь сыграть? — кричит кто-то рядом.

Люк улыбается, его зубы сверкают в искренней улыбке.

— Все, что вы предложите.

— Radioactive! — кричит тот же самый парень.

— Да, Radioactive!

— Radioactive!

Люк просто кивает головой. На этот раз он не смотрит на гитару, а позволяет глазам бродить по оживленной толпе перед ним, когда начинает играть блюзовую версию популярного хита Imagine Dragons. Этот номер слишком отличается от того, что был до этого. Blackbird был наполнен болью, в то время как этот — игривый и электронный. У меня мурашки по коже, когда он доходит до той части, где Дэн Рейнольдс поет: «Каждый вдох полон химикатов».

— Еда здесь, — говорит Ноа, обратив мое внимание на столик.

Вот это да. Я смотрела на Люка и полностью игнорировала парня, который привел меня сюда.

— Черт, прости. Просто никогда прежде не видела его на сцене, — я прошу прощения, когда Клэр ставит наши гамбургеры на столик. Она не устаивает ни одного из нас взглядом — слишком занята тем, что строит глазки Люку.

— Ты давно его знаешь? — спрашивает Ноа, взяв бургер.

— Выросли вместе, — говорю я. — Но он старше, поэтому мы особо никогда не общались.

— Хм. Оказывается, провинциальный Огайо обосновался в большом городе.

— Что? — Все еще находясь под впечатлением, я чуть не переспрашиваю, что он имеет в виду. И вовремя вспоминаю. Я из Огайо, что означает, Люк теперь тоже должен быть оттуда. Блин, это становится сложнее.

Мы едим, пока весь бар хором поет песню. Когда она заканчивается, люди расходятся группами и разговаривают, заказывают в баре еду и выпивку. Я спиной чувствую

пронзительный взгляд Люка, пока он упаковывает свою гитару и молча уходит из «У О'Фланагана», даже не попрощавшись.

Наступает неловкий момент между Ноа и мной, как только мы выходим из бара. Он настаивает на том, чтобы проводить меня обратно домой, не напрашиваясь на приглашение зайти, — просто наклоняется вперед и нежно прячет прядь моих волос за ухо.

— Знаешь, — говорит Ноа, — если бы ты мне не нравилась, сейчас было бы самое подходящее время, чтобы попытаться поцеловать тебя.

— Что? — часть меня хочет смеяться. Смех — в эти дни такое несвойственное для меня желание, что я никогда не знаю, является ли это правильной реакцией. Ноа совершенно серьезен, и мне действительно не хочется его обидеть. Даже после неловкой ситуации с Люком, думаю, у нас все нормально.

— О да, это верно, — говорит Ноа. — Я бы приступил к делу, если бы ты мне не нравилась. Поцелуи, покусывания губ, распускание рук. — Он шевелит пальцами и подмигивает. Определенно, шутит. Я, наконец, могу себе позволить смех, но, похоже, момент упущен.

— Это не имеет абсолютно никакого смысла.

— Как раз имеет, — не соглашается он. — Если бы я не думал, что ты похожа на ангела с этими светлыми волосами и невероятно милым носиком, то определенно пытался бы переспать с тобой прямо сейчас. Но я думаю так, поэтому мои руки и губы собираются вести себя прилично сегодня вечером. Мне хочется больше, чем один раз, которого им надо.

Опускаю подбородок под воротник пальто, зная, что по морщинкам в уголках глаз он все равно увидит, что я смеюсь.

— Ты уже второй раз мне это говоришь.

— Что?

— Что считаешь мой нос милым.

Он запрокидывает голову назад, и его смех привлекает внимание пары, идущей по улице. Они улыбаются нам, когда проходят рядом, и Ноа протягивает руку.

— Секундочку, я могу задать вам вопрос, ребята? Скажите же, у этой девочки самый милый носик? Я сказал ей это дважды, но думаю, что нам нужно постороннее мнение.

Мужчина и женщина, оба в теплых пальто, смеются.

— Конечно, он милый, — соглашается женщина.

— Видишь? — Ноа благодарит пару, низко им кланяясь, что кажется смешным и милым одновременно, и они продолжают свой путь. Их ботинки хрустят по снегу. Ноа делает пару шагов ко мне, и внезапно между нами больше нет пространства.

— Стоп. Я думала, ты не собираешься целовать меня, — говорю я, чувствуя панику, зарождающуюся в горле.

Ноа поджимает губы, секунду глядя на меня сверху вниз. Он действительно высокий. Я дрожу от холода; Ноа касается моих волос и аккуратно убирает их обеими руками. Кончики его пальцев касаются челюсти по обе стороны, когда он позволяет им упасть.

— Нет. — Он прикладывает указательный палец к кончику носа и улыбается, отступая. — Но, может быть, скоро.

— Если я позволю тебе, — высокомерный сукин сын.

Опасная улыбка расплывается на лице Ноа:

— Если ты мне позволишь.

Я поднимаюсь по лестнице и открываю дверь. Все это время Ноа пятится вниз по улице,

глядя на меня с тем же озорством на лице.

Я одинока, и есть Ноа — это значит, я имею право наслаждаться его флиртом, поддразниваниями и обещаниями поцелуев в будущем. Так почему это ощущается так неправильно? Я точно знаю — почему, и это отстой. В голове все еще стоит звон от того, как Люк поздоровался со мной:

«Привет, красавица».

Контракт Люк

В Вайоминге так же холодно, как и в Нью-Йорке, но, когда я выхожу из «У О’Фланагана», мое тело все еще в напряжении. Холодный ночной воздух пронзает легкие. Я стою на выходе, позволяя воздуху проникать в мои внутренности, и веду заведомо проигранную битву. Это странно, что я не попрощался? Надо ли вернуться внутрь и сделать это сейчас?

Ты не пойдешь обратно только затем, чтобы попрощаться. Идиот несчастный. Что, черт возьми, случилось со мной? Я стараюсь не думать о ней, но она, как и всегда, на переднем плане моего сознания, требует внимания. А теперь и вовсе начала появляться там же, где и я, в то время как я пытаюсь держаться подальше от нее.

Айрис Бреслин.

Есть тысяча и одно место, куда она могла бы пойти сегодня вечером на свидание, но нет. Она должна была прийти именно в тот бар, где я играл? О чем это говорит? Я провел недели, пытаюсь найти ее, когда узнал, что она переехала в Нью-Йорк, заработал чертовски серьезную головную боль, пока не мог разыскать, а теперь... Во-первых, встречаю ее на вечеринке братства, а теперь она здесь, в «У О’Фланагана». Конечно, я искал ее между этими двумя событиями, но черт. Это было по уважительной причине. А сейчас сама Вселенная пытается свести нас вместе.

Двигаю ремень гитары выше на плечо и вливаюсь в толпу. Я не могу вернуться и поговорить с ней. Это будет выглядеть странно, и, кроме того, у меня смена. Правоохранительные органы, на самом деле то место, куда лучше не опаздывать, или заработаешь нагоняй от начальства, что действительно неприятно.

Я должен сесть в метро, чтобы добраться до места. На улице чертовски холодно, но мой ум отвлечен от катаклизмов погоды мыслями об Айрис с тем парнем. Этот долбаный парень. Он похож на полного придурка.

Мой сотовый звонит на полпути между баром и станцией метро. Достая его из кармана джинсов и прибавляю шаг. Рад делать что-то, кроме того чтобы идти и думать.

— Рид на связи.

— Коул на связи. Что это, придурок? С каких пор ты отвечаешь на телефон как в «CSI Нью-Йорк»?

— Уже нет никакого «CSI Нью-Йорк», — отвечаю я. — Сериал закрыли. И я отвечаю так, потому что на этот номер всегда звонят по работе.

— И еще я. Я тоже звоню тебе на этот номер.

— К сожалению. — Коул Рексфорд, басист D.M.F и ужасно самодовольный тип, пожимает плечами на другом конце провода. Я знаю, что он это делает. Практически слышу. Коул — профессиональный пожиматель плечами.

— Заедешь ко мне утром? Мы должны поговорить, — произносит он.

— Мы должны поговорить? Кто — мы?

— Я и остальные парни. Мне звонили днем. Они как раз были рядом.

— Просто скажи мне. — Мне не нравятся что-то предвещающие телефонные звонки. Особенно если они касаются группы D.M.F.

— Лучше, если мы все сядем и обсудим это, Люк. — Я слышу сомнение в голосе Коула. Он знает. Если это то, о чем я думаю, то он так же знает, что я собираюсь сказать.

— Просто выложи мне все. Не собираюсь ездить по городу всю ночь, задаваясь вопросом: «Что, черт возьми, произойдет, когда я окажусь у тебя?», Рексфорд.

Коул вздыхает.

— Ладно, уговорил. Но просто потому, что ты все и так знаешь. Не хочу слышать, что ты скажешь прямо сейчас. Я хочу, чтобы ты хорошо подумал о том, что это могло бы означать для тебя и всех нас.

— Хорошо.

— Я серьезно говорю, чувак. Ты должен подумать об этом.

— Я сказал: «Хорошо». Выкладывай, что там у тебя!

— MVP предложили нам контракт. Я знаю, что ты сказал не посылать им демо, но блин. Наш новый материал — хит. Ты не можешь этого отрицать.

Если вы не в курсе, MVP — это самая большая студия звукозаписи в Америке. И я специально говорил Коулу не отправлять демо нашей музыки, потому что они находятся на западном побережье, в Лос-Анджелесе.

— MVP ни за что не предложит контракт, не видя, как мы играем. Они бы сначала обратились к нам и побывали на концерте, — у меня появляется хреновое предчувствие, хотя я еще не договорил. Надеюсь, что мои подозрения ошибочны. Действительно надеюсь, потому что если это не так, значит, Коул и ребята сделали кое-что гораздо хуже, чем просто отправили CD, не поставив меня в известность.

На другом конце трубки Коул продолжает молчать.

— Скажи, что ты не говорил с ними, не сказав мне. И что ты не позволил кому-то приехать и посмотреть, как мы играем, не предупредив меня, Коул.

— Блин, да без разницы, чувак. Ты играл как чертов герой в ту ночь. Они влюбились в тебя!

Он все-таки сделал это. Он, мать его, сделал это.

— Я не могу... — смотрю вокруг, убедившись, что никто не слушает меня. Я окружен тысячами людей, идущих по улицам Нью-Йорка, но это не помогает. — Я, мать твою, не могу поверить, что ты сделал это, Коул. Из всех дерьмовых закулисных вещей, которые ты мог натворить...

— Люк! Ты вбил себе в голову, что не должен быть музыкантом все время, но позволь мне сказать кое-что, хорошо? Любой, кто когда-либо слышал, как ты играешь, не согласится с тобой. И, эй, ты можешь быть счастлив, выдерживая длинные смены без благодарности от Департамента полиции Нью-Йорка, но меня точно не устраивает работа в банке. И неужели ты думаешь, что Питу и Гасу нравится мысль остаться работягами всю оставшуюся жизнь? Мы упорно трудились для этого, чувак. Мы хотим этого. Это все, чего мы хотим.

Я замираю, сгорбив плечи и держа телефон, пока люди снуют мимо меня.

— Тогда вы, ребята, можете пойти и подписать этот контракт, Коул. Я не останавливаю никого из вас в погоне за мечтой. Но я не хочу быть таким парнем. Я определенно не этот чертов парень.

Коул задыхается на полуслове.

— О, но это самая забавная часть всей ситуации, понимаешь? Мы бы следовали за

мечтой, но это не то, что ищет MVP . Видишь ли, они не возьмут нас без тебя.

Линия обрывается.

— Целься по ногам! Ради бога, Рид, держи его!

Есть вещи, которые полицейскому известны лучше, чем остальным — я никогда не думал, что люди могут быть настолько испорченными. Бросаюсь за стариком, бегущим по улице без обуви, без штанов, с болтающимися причиндалами, и хватаю его, повалив на землю. Бездомный, по крайней мере, я так думаю, приземляется на тротуар с хрустом ломающихся костей. Похоже, он что-то сломал, но секунду спустя становится понятно, что это — полностью заполненная труба с коксом, за хранение которой мы изначально пытались арестовать его. До того, как старик начал совершать последующие преступления: сопротивление аресту, нападение, непристойное обнажение и справление нужды в общественном месте — и это только я называю некоторые из них.

— Ты, мать твою, чертов ублюдок! — вопит мужик жалобным голосом. — Это было моим последним сокровищем, — он задыхается. Его борода потрепана, а достоинство со следами недельной грязи; он, похоже, собирается разрыдаться, и я поражен своим чувством вины. Он слетевший с катушек, знаю. Мет и не такое творит с людьми. Разрушает их жизни, как, вероятно разрушил жизнь и этого старика, но мне все равно херово от того, что я лишил его единственной вещи, о которой он заботился.

Парадокс ситуации настигает меня. Я задаюсь вопросом, действительно ли сожалею о том, что выбросил наркотики этого старика в снег или просто плохо чувствую себя из-за ребят? Они хотят контракт со звукозаписывающей компанией и, лежа на грязном снегу в сантиметрах от голый задницы агрессивно настроенного мужика, в промокшей униформе и в обуви, залитой мочой, я начинаю думать, что фактически сошел с ума, если не хочу того же.

— Поднимай его. Надевай браслеты. — Тамлински поднимается. Он наклоняется, упирается руками в колени и плюет в снег. — Бл*дь. — Мужiku удалось врезать моему напарнику прямо по яйцам, прежде чем пуститься вниз по улице, заработав еще и обвинение в нападении. Он белый как полотно.

Я поднимаюсь на колени, доставая наручники для старика, который уже не сопротивляется. Теперь, когда сокровище пропало, силы для борьбы, кажется, полностью покинули его.

Я надеваю наручники на запястья и помогаю ему встать на ноги.

— Дай куртку, — говорю Тамлински.

— Зачем она тебе?

— Он голый ниже пояса, мудак.

Тамлински качает головой.

— Моя куртка ни за что на нем не окажется. Тебе надо — отдавай свою гребаную куртку!

— Тамлински, у меня уже и так штанины в моче. Она в моих чертовых ботинках. Просто дай куртку.

Я протягиваю руку и жду. Напарник одаривает меня убийственным взглядом, передавая фирменную полицейскую куртку.

— Клянусь богом, если он обделает ее...

Бездомный парень качается рядом со мной, улыбаясь. Он практически беззубый:

— Мне больше не нужно никуда идти. Я уже пришел.

— Я за него ручаюсь. — Накидываю куртку Тамлински на тело старика, и мы втроем возвращаемся обратно к авто, метров триста вверх по дороге.

Вернувшись в отделение, Тамлински бросает свою куртку в мусорную корзину в раздевалке. Мои штаны следуют туда же. Я промываю ботинки и держу их под сушилкой для рук, ругаясь себе под нос. Никто не спрашивает меня, чем я занимаюсь. Быть в дерьме — обычное явление в этих краях.

Разобраться с бездомным парнем, переодеться и вернуться на улицы — все это занимает у нас ровно час. Тамлински настаивает, чтобы, пока мы дежури́м, я завез нас в закусочную под предлогом захватить лучшие рогалики — хотя любая закусочная в Нью-Йорке продает лучшие рогалики, — но я знаю правду и подтруниваю, когда он забирается обратно в машину.

— Ты наконец-то ее пригласил?

— Кого пригласил? — Он хмурится, кидая в меня коричневым промасленным бумажным пакетом,

— Ее. — Я указываю на стоящую за прилавком блондинку с пышными кучерявыми волосами, с которой Тамлински заигрывал последние тринадцать минут. Она видит меня и ошибочно принимает мой жест за приветствие. Машет в ответ, улыбаясь, как восторженная школьница.

Тамлински опускает мою руку вниз.

— Не тычь в нее пальцами, придурок. У меня все под контролем.

Я не могу сдержать ухмылку, которая появляется на моем лице.

— У тебя все под контролем? — Качаю головой. — Ни капли

— Пошел ты, друг. Ты просто завидуешь. Где твоя девушка, а? Мы напарники целых восемнадцать месяцев, но ни разу не заезжали ни к одной горячей цыпочке, которая тебе нравится. Твои шары, наверное, сократилась до размеров горошка.

— Горошка? — Я переключаю передачу.

— Попробуй отрицать. Когда ты последний раз занимался сексом?

Я усмехаюсь. Самое смешное в том, что он прав. Я давно не занимался сексом. Очень давно. Два года, если быть точным. Нам с Кейси было хорошо, когда мы были детьми, и ничего не имело значения. Мы спали друг с другом всего пару недель в наших отношениях, а затем трахали мозг друг другу в течение многих лет. Секс, казалось, не имел особого значения, пока однажды утром, после того, как мы только что переехали в город вместе, Кейси не села на меня верхом. И тогда я посмотрел на нее, на самом деле посмотрел, и вдруг меня озарило. Я понял, что не люблю ее.

Мы прекратили заниматься сексом в тот день. Ей потребовалось целых двенадцать месяцев, прежде чем она ушла. Может быть, я должен был порвать с ней, не дожидаясь этого. Но я просто хотел... Дать нам больше времени. Может быть, я бы снова влюбился в нее. Может быть, она снова стала бы что-то значить. Это было чертовски глупо. Пустая трата времени. Я слишком поздно понял, что никогда не любил ее. Она была просто горячей девчонкой, а я был просто эгоистичным подростком.

Моя улыбка притупляется, когда мы продолжаем объезд.

— Мы не можем заехать к девушке, которая мне нравится, Тамлински. Девушка, которую я люблю, живет на другом участке. А я уважаю личные границы.

Личные границы — не единственная моя проблема. Есть другие границы, с которыми надо считаться.

Дежурство заканчивается. Наконец-то. Я не иду к Коулу. Слишком устал и слишком зол, чтобы поговорить о контракте спокойно. Ему придется подождать. Я истощен.

Открываю дверь, снимаю футболку и, разбрасывая одежду, направляюсь напрямик к холодильнику за пивом. Я не сразу вижу ее тень. Все, что я вижу, — это преступник, и все, о чем я думаю, — это пушка. Бросаюсь вперед, готовясь опрокинуть ублюдка на пол, когда слышу ее голос:

— Господи, Лукас. Остановись! Это я. Это я!

Мои руки сжимаются в кулаки. Нужно было десять раз подумать, прежде чем вспоминать о ней. В конце концов, это происходит с поразительной частотой. Стоит только помянуть черта лысого — и вот он.

— Твою мать, Кейси. Что, черт возьми, ты делаешь в моей квартире?

Она надувает губки, зная, как это сводит меня с ума. Раньше я не знал или не осознавал, насколько манипулирующей сукой она была.

— О, малыш. В твоей квартире? — Кейси подходит ко мне, цокая каблуками, и прикладывает ладонь к груди, опираясь на нее, — так близко, что я чувствую запах духов, которые она всегда использовала еще в школе, потому что знала, что я люблю их. — Не так давно это была наша квартира, помнишь? Наша гостиная. Наша кухня. Наша спальня. — Она поднимает бровь, глядя мне в глаза. — Наша спальня?

Предательство плоти

Темнота почти идеальна, она обостряет восприятие всех чувств. Обоняние, слух, вкус — все усилено. И чувствительность кожи, конечно. Каждый квадратный миллиметр меня светится, как рождественская елка. Мое дыхание смешивается с другим дыханием — того, кто разделяет со мной постель. Совершенная гармония вдохов и выдохов объединяется с восхитительными прикосновениями кожи к коже, наши тела переплетаются друг с другом.

Я не думаю о том, с кем я, где я. Все, что имеет значение — его руки на моих руках, его рот на моем, растущее желание, которое бушует между нами.

— Эвери. — Голос знаком, я знаю его, знала всю жизнь. Но никогда прежде не слышала в таком контексте. Никогда не слышала, чтобы он выдыхал мое имя, словно призыв о помощи, словно я — единственный человек, который может его спасти.

— Люк, о, боже мой... — ни одной связной мысли. Есть что-то странное в этой ситуации, но я слишком запуталась в нем, запуталась в простынях, в том, как мое сердце трепещет в груди, чтобы разобраться с этим. Я не хочу разобраться

— Ты мне нужен. Ты невыносимо нужен мне. — Сильные, умелые руки бродят по моему телу, накрывая грудь, и оставляют огненный след внизу живота, отдающийся между ног. Я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне там. Я чертовски сильно хочу, чтобы он прикоснулся ко мне там. Вжимаюсь в него всем телом, не стесняюсь своего желания.

— Эвери, чего ты хочешь? Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя?

Я хочу все. Хочу, чтобы он поглотил меня, владел мной, зажег меня.

— Прикоснись ко мне, — шепчу я. — Заставь меня кончить. Заставь меня кончить своими пальцами.

В меня будто кто-то вселился. Я бы никогда не стала произносить эти слова, потому что не знала, как попросить то, чего хочу. Но сейчас я с удовольствием направляю его руки, рот, все его тело именно туда, куда мне нужно. Сильные руки оборачиваются вокруг меня, поднимая с кровати. Моя голая кожа, словно шелк, скользит по коже Люка. Чувствую, как скала прижимается ко мне между ног: его эрекция настойчиво упирается в мою киску. Слегка опускаюсь, наслаждаясь тем, как его тело напрягается при контакте. Люк хочет меня, я это чувствую. Он нежно толкает меня так, что я сажусь на него, раскачиваясь. Его руки находят мои бедра. Его правая рука задевает мою кожу, посылая дрожь удовольствия, взрыв в моих нервных окончаниях. А потом его пальцы... Двигаются вниз, выискивая мое потаенное местечко. Поиск не занимает много времени.

— Медленно, — бормочу я и распадаюсь под его рукой, чувствуя освобождение, целостность и невероятную силу. Бедра Люка сжимаются подо мной, оказывая удивительно приятное давление на мой клитор, в то время как пальцы выводят круги на моих возбужденных нервных окончаниях, которые, кажется, контролируют мозг.

— Тебе хорошо, красавица?

— Очень хорошо. Так хорошо, — тяжело дышу я.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Я действительно хочу, чтобы Люк трахнул меня. Но мне нужно, чтобы сначала он кое-

что пообещал.

— При одном условии.

— Все, что угодно. Все, что ты хочешь.

Я беру Люка за руку, направляя пальцы, которые двигаются на мне. Слышу его резкий вдох и стон удовольствия.

— Я хочу, чтобы ты поклялся, что будешь трахать меня так сильно, как только можешь. Я хочу, чтобы ты пообещал не останавливаться, пока мы оба не кончим, пока ты не заставишь меня кричать твое имя. Ты сможешь это сделать?

Смех Люка звучит напряженно, с трудом. И немного удивленно.

— Могу. Я могу сделать это, без проблем.

— Тогда сделай. Заставь меня кричать. — Я впираюсь ногтями в его грудь, и он стонет, шипя в сочетании боли и удовольствия. Следующее, что чувствую — это как Люк переворачивает меня, удерживая руки на бедрах, и снова усаживает вниз. Чувствовать его внутри себя неопишимо: он растягивает меня, проникая глубоко внутрь, и вдруг больше нет темноты. Надо мной загорается фейерверк, словно обухом бьет по голове, и Люк держит слово. Он трахает меня все сильнее. Трахает до тех пор, пока я не выкрикиваю его имя:

— Люк!

Я сижу, выпрямившись в постели, сердце бешено колотится.

Что за хрень? Нет, черт возьми, что за хрень только что происходила?

Какого черта мне снится?

Ответ на этот вопрос рикошетом бьет по голове, как в проклятом пинболе. Дыхание слишком затруднено: я сжимаю бедра, борясь с ощущением, что была на грани чего-то невероятного всего две секунды назад.

Ни. Единобо. Гребаного. Шанса.

Нет ни единого шанса, что мне такое снилось. Не с Люком Ридом. Я просто не могу позволить этому случиться.

Опускаю голову, успокаивая дыхание. Мое одеяло спутано, полностью обернуто вокруг меня, пропитано потом. Отлично!

Я сбрасываю его, вылезая из постели, и провожу руками по лицу, стараясь избавиться от ощущения, что секунду назад у меня был лучший в жизни секс.

С парнем, о котором я не должна даже думать.

Сюрприз

— Так что, вы даже не поцеловались вчера вечером?

— Нет. — Ну, Ноа действительно меня не целовал. А эротические сны не считаются. Я ем морковь, стараясь хрустеть погромче, потому что знаю, насколько Морган раздражает, когда я делаю это во время разговора по телефону. — Ноа сказал что-то о желании иметь возможность сделать это несколько раз.

— Ты знаешь, что это означает? — Морган кажется немного напряженной. Она лечится от похмелья после веселого вечера с родителями. Очевидно, единственный способ справиться с этим — получить доступ к дорогой текиле.

— Нет, что это означает?

— Это означает, что он игрок. Для него в порядке вещей целоваться с девушкой всего один раз, если ты улавливаешь мой намек.

— Может быть, — признаю я.

— И тебя это устраивает?

Я думаю о том, насколько все сложно прямо сейчас; мне действительно нужно что-то серьезное с парнем? Ответ однозначный: НЕТ, я определенно не готова думать об эмоциях, чувствах и подобной фигне. Это может заставить меня анализировать побег, который мое подсознание совершило в Порнолэнд вчера ночью.

— Да, думаю, меня это устраивает. Я имею в виду, Ноа студент по обмену, черт побери. Однажды он вернется в Ирландию. К тому же мне ничего не нужно ему объяснять о прошлой жизни, если у нас просто легкая интрижка.

Морган вздыхает на том конце провода.

— Прости? Кажется, я услышала «легкая интрижка»? Похоже, алкоголь, который я вчера выпила, повлиял на мои уши.

Морган Кэплер — королева преувеличений. Я засовываю остальную часть морковки в рот и намеренно громко чавкаю.

— Я не так уж консервативна, Морган. По крайней мере, не думаю, что это так.

— Поверь мне, так и есть.

— Я возмущена.

— Я возмущена, что меня обвиняют во многих вещах, но, к сожалению, моя дорогая, это не делает их ложью.

— Ладно, хорошо, может быть, я больше не хочу быть консервативной. Может быть, я просто хочу отвлечься.

Вот что Ноа сделал прошлой ночью — он заставил меня забыть в течение пяти минут. Я чувствовала себя действительно хорошо... Пока мы не попали в «У О'Фланагана», конечно. Я скрыла эту часть ночи в своем рассказе. Нет желания объяснять про Люка и его невероятный голос или про тот факт, что он пел Blackbird. Морган разобьет все мои доводы и еще больше запутает. А сейчас иметь хоть какую-то ясность было бы здорово, учитывая, как все сложно.

— Я рада за тебя, Эвери. Тебе полезно немного развлечься. И я уверена, невероятный

ирландский мальчик знает, по крайней мере, сотню разных способов, которыми можно тебя развлечь.

Я громко вздыхаю. Есть шанс, что она права. Конечно, есть также шанс, что я держусь за Ноа, потому что с кое-кем другим все слишком, слишком сложно.

— Когда ты вернешься в кампус?

— Поздно вечером. Ты хочешь выпить чашечку кофе завтра в обед?

— Конечно.

Вешаю трубку, чувствуя приближение головной боли, давящей на виски. Я сделала все возможное, чтобы казаться заинтересованной в Ноа по телефону, но будет немного сложнее убедить саму себя. Может быть, сейчас самое время выбросить Лукаса Рида из головы раз и навсегда. Если честно, он не выходил у меня из головы с той ночи в доме братства Тейта ни во время бодрствования, ни во сне. Я не должна давать себе волю. Я просто должна остановиться. Разрешить ему занять место в моем мозге — это, несомненно, очередная дорога, ведущая к боли и страданию. Для начала, Люк знает все отвратительные подробности моего прошлого. Он нашел моего отца, черт возьми. Мы виделись, когда я была ребенком, чтобы Люк мог убедиться в том, что я в порядке. В общем, теперь он может покончить с этим делом. Несомненно, для него я по-прежнему ребенок, сопливая малышка, которая топала ногами, кричала и разбила окно в гостиной, когда узнала, что ее отец мертв. По этим причинам Люк никогда не будете чувствовать ко мне что-нибудь кроме жалости и, возможно, желания защитить из чувства долга.

Есть и другие причины. Обычные. Люк старше, живет в городе сам по себе в течение многих лет, а я только поступила в колледж. Я знаю, что он невероятно хорошо выглядит, даже если делаю вид, что это не влияет на меня, хотя еще как влияет, и это означает, что у него может быть любая девушка, стоит только захотеть. Вдобавок к тому, мне отчаянно не хочется ничего к нему чувствовать, потому что каждый раз, когда смотрю на него, вижу его лицо в тот день, когда он пришел к двери нашего дома. Замечаю ужас от того, что он увидел, чувствую вину из-за того, что он должен был сказать нам. Я вижу Брейквотер и все то, что хочу оставить позади. Мне нужно вычеркнуть этого человека из своей жизни навсегда.

Красная и синяя мишура обернута вокруг перил лестничной клетки у квартиры Люка. Странно. Рановато для рождественских украшений, кроме того, обычно большинство мест украшено в красно-зеленой гамме. Возможно все, кто живут в этом доме, полицейские. Я иду пешком до верхнего этажа и наклоняюсь, чтобы оставить толстовку полиции Нью-Йорка, которая сложена в сумку Macy's, перед дверью Люка. Его квартира — единственная на этаже, так что вероятность, что кто-то другой найдет ее раньше, чем он возвратится с работы, крайне мала. Я собираюсь развернуться и идти назад вниз по лестнице, когда дверь открывается и выходит Кейси Фишер, одетая в черно-серое клетчатое пальто. Я застываю, ошеломленная тем фактом, что Люк вернулся настолько рано с предполагаемого двенадцатичасового дежурства, и что бывшая подруга выходит из его квартиры.

— Айрис Бреслин? — бормочет она, а потом выпрямляется и окидывает меня взглядом сверху донизу так, как обычно делают люди, когда они поражены и заинтригованы. Кейси подстригла длинные темные волосы, которые носила в школе, но по-прежнему похожа на Белоснежку: с пухлыми насыщенно красными губами, невероятно бледная. Она из тех

людей, которые избегают солнца, чтобы кожа не старела. Намного хуже, чем раньше, и приобрела тонкий нью-йоркский шик, который ей к лицу.

— С кем ты... — Люк появляется в дверном проеме позади Кейси, без рубашки. Татуировки, которые выглядывали из-под рукавов, намного крупнее, чем казались. Я рассматривала бы их, если бы не испуганные искорки в его глазах. Там же и паника — ...разговариваешь? — заканчивает он.

Кейси оборачивается, чтобы посмотреть на него, выгибая отлично подведенную бровь.

— Я вижу, что ты все еще увлечен этой жуткой девчонкой.

— Кейси, не надо, — рычит Люк. Звук посылает колебания через меня, как землетрясение. Он смотрит на меня немигающими глазами. Я открываю рот, чтобы сказать что-то, только стоит ли? Нет, конечно, нет. Куча фраз проносится в голове, но ни одной удачной. Я могла бы сказать, что у меня есть причина быть здесь. Можно было бы просто отдать сумку с толстовкой, но тогда Кейси будет знать, что Люк давал ее мне, а я не хочу, чтобы она подумала, что...

Бог мой, что подумала?

Смотрю на Люка дикими глазами пару секунд, прежде чем мои ноги решаются, и я, поворачиваясь, убегаю вниз по лестнице. Уже на полпути к выходу происходит худшее. После всех случаев, когда Люк забывал мое новое имя, он, наконец, выбирает время, чтобы сказать его:

— Эвери, подожди! Эвери!

Я давлюсь рыданиями и бегу.

Попалась на крючок

Библиотека — самое теплое место в кампусе, а это значит, что она набита битком. После целого утра пар я встречаюсь здесь с Морган, чтобы позаниматься, но до сих пор выучили мы немного. По крайней мере, она уж точно. Уже добрых минут сорок Морган целуется с Тейтом, и библиотекарь выглядит готовой нанести кое-кому телесные повреждения. У меня ужасное настроение, поэтому то, что меня не трогают, только к лучшему. До тех пор, пока...

— Я собираюсь делать вид, что меня совершенно не задело то, что ты не пишешь мне с самого нашего не-свидания, — Ноа садится на место рядом со мной, лукаво ухмыляясь; на нем шапка, натянутая на уши. Я бросаю свою ручку на открытую книгу и с трудом пытаюсь выдавить улыбку, так как мои нервы все еще расшатаны после бегства от Кейси Фишер. И Люка. Полуголого, взъерошенного, чертовски сексуального Люка. Р-р-р-р. Однако Ноа в этом не виноват. Ни в чем.

— Прости. Разве ты не мог сам написать? Или это не так работает?

Ноа качает головой, еще раз обнажая передо мной ряд жемчужно-белых зубов.

— Настоящий мужчина ни за кем долго не бежит, это за ним бегают. Мне нужны извинения.

— Извинения?

— За две бессонные ночи подряд. Довольно бесчеловечно, так мучить человека.

— Ноа Ричардс! — объявляет Тейт, хлопая по парте. Он и Морган, наконец, оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха, и моя лучшая подруга выглядит дьявольски довольной. Не хочу, чтобы она наблюдала за моим взаимодействием с Ноа; то, во что она вмешивается, никогда хорошо не заканчивается. Тейт тянется и ударяется кулаком с Ноа.

— Ты принес те книги, чувак? — спрашивает Морган.

Ноа кивает, с трудом поднимая свою сумку на стол.

— Просто заглянул отдать их тебе. И собрался преследовать Эвери Паттерсон. Видишь ли, она заставляет меня делать всю работу. — Из сумки он достает два учебника размером с маленькие телефонные справочники и двигает их через стол. Морган кладет наманикюренную руку на эту стопку и следит за нами двумя.

— Она заставляет тебя делать всю работу, ха? Это грубо, Эвери.

О боже. Приплыли.

— Я так и подумал, — смеется Ноа. — Только... — он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Я совершенно не прав, не так ли? Два дня топтался поблизости, думая, что ты покорена моими жалкими попытками соблазнения, и теперь здесь в смущении оттого, что ты абсолютно не заинтересована.

— О, она заинтересована, милый, — мурлычет Морган. Мне хочется стукнуть ее, но она чертовски сумасшедшая в драке. Я бы проиграла. Лучше держать ее подальше, поэтому просто бросаю ей предупреждающий взгляд. Взгляд, который она мне посылает в ответ, однозначно говорит: «Ты можешь поблагодарить меня позже».

— Так ты действительно покорена моими жалкими попытками соблазнения?

Извиваясь, пытаюсь избежать удара ботинком Steve Madden под столом от Морган, которая изо всех сил старается достать до моей голени. Я буду выслушивать от нее в течение многих недель, если не подыграю.

— Конечно, покорена. Попалась на крючок.

Бравада Ноа не уменьшается, однако я действительно замечаю вспышку облегчения в его глазах. Тейт, который роется бумажнике, бросает Ноа пачку наличных через стол.

— Спасибо, чувак. Я бы заплатил целое состояние, чтобы купить их новыми.

— Без проблем, эти книги больше не нужны.

— Что ты делаешь сегодня?

Ноа толкает меня плечом, усмехаясь.

— Чтение подождет. А прямо сейчас? Прямо сейчас я веду Эвери Паттерсон на ланч.

Мы заходим в первую попавшуюся закусочную по пути из кампуса: слишком холодно, чтобы быть избирательными, и запах свежего кофе привлекает с улицы. «У Марго» забито под завязку студентами колледжа, у которых возникла та же идея, что и у нас. Маленькая, хрупкая, женщина передвигается от стола к столу, заново наполняя кофейные кружки посетителям. Окна запотевают, и каждый раз, когда звучит дверной колокольчик и входит новый клиент, слышатся стоны людей и просьбы закрыть дверь.

Мы находим свободный столик; я заказываю кофе и немного тыквенного супа, а Ноа — гамбургер и эспрессо. Когда официантка уходит, он склоняется над столом и улыбается мне. Я ошибалась: у него действительно есть веснушки на носу, но они настолько мелкие, что едва видны. Ноа смотрит на меня без тени смущения.

— Что? — не выдерживают мои нервы. Я не привыкла, чтобы меня так рассматривали.

— О, ничего. Я просто задался вопросом, что ты делаешь на рождественских праздниках?

Я помню обещание Брэндона приехать в город. Взять на заметку: нужно связаться с владельцем квартиры, узнать, будет ли она свободна.

— Ничего особенного. Снова проведу их с моим дядей. А ты?

— Я собираюсь найти подработку.

— На все праздники? — Приносят наш кофе. Я кладу нездоровое количество сахара в горькую черную жидкость. Ноа поднимает бровь, но ничего не говорит о моем пристрастии к сладкому.

— Да, мой универ в Лондоне позволит мне остаться на два семестра при условии, что я буду работать. Это значит, я должен пожертвовать вечеринкой по случаю дня рождения малыша Иисуса, но все в порядке. Я никогда не оставался один на Рождество.

— Ха. Ты явно никогда не был на Рождество в Нью-Йорке. — Я размешиваю свой кофе до тех пор, пока не удостоверюсь, что не наберу полный рот нерастворенного сахара, и делаю большой глоток. — Ну и где ты собираешься работать?

Ноа открывает рот, и у него вылетает смешок, который кажется немного нервным.

— М-м-м... В Африке.

— Что? Я думала, что ты будешь стажироваться в газете или что-то подобное! Но Африка? Почему?

— Прежде чем приехать сюда, я понял, что получать международное образование

можно действительно интересным путем, поэтому договорился пойти работать на некоммерческое агентство в Сьерра-Леоне. Оно освещает конфликт.

— Но... — «это опасно», — хочу сказать я. С другой стороны, исходя из того, что он сказал о своем детстве, Ноа привык находиться в опасных местах. Я поднимаю брови и протягиваю свою кофейную кружку ему. Он чокается своей. — Слава тебе за то, что делаешь что-то важное вместо того, чтобы разносить кофе в «Нью-Йорк таймс».

Он смеётся.

— Они бы меня не взяли. По слухам, я готовлю плохой кофе.

Наша еда прибывает, и мы продолжаем разговаривать; Ноа иногда постукивает меня ногой под столом, в то же время делая вид, что ничего не происходит. Мне, так или иначе, удастся выдать экспромтом ответы на его вопросы о моей семье, придерживаясь правды настолько, насколько это возможно: моя мать тоже живет в Нью-Йорке, но мы не общаемся; мой дядя воспитывал меня последние четыре года; моя страсть к журналистике вышла из тяжелых уроков, извлеченных в прошлом; мой отец умер.

Ноа рассказывает о своей семье в Ирландии: о том, что был единственным ребенком, о давлении, которое на него оказывалось, чтобы заставить заниматься семейным бизнесом, прежде чем он рассорился со своим папой и уехал из дома на некоторое время. Наши истории не могли отличаться еще сильнее. Кажется, его родители чрезмерно вовлечены в каждый аспект его жизни, или, по крайней мере, они пытаются это делать. Моя собственная мать больше не хочет иметь со мной ничего общего.

Становится холоднее, когда мы уходим из «У Марго», возможно, это потому что суп согрел меня и ослабил давление в костях. Ноа хихикает, поскольку я дрожу, обхватывая себя руками и прыгая на снегу.

— Давай, — говорит он, притягивая меня ближе, и яростно растирает мои руки, а я смеюсь, когда Ноа трясет меня. Звук моего собственного смеха довольно быстро отрезвляет; кажется, что он даже не принадлежит мне. Когда Ноа понимает, что я полностью согрета, он останавливается и опускает взгляд: его глаза ищут мое лицо. На мгновение мне кажется, что он собирается наклониться и поцеловать меня, и, судя по выражению лица, Ноа знает это. Его глаза искрятся, когда он говорит:

— Пока нет, Эвери, — и тянет меня назад к университетскому городку.

Тебя не спасут

— Рифф звучит неправильно. И Пит? Пит, ты витаешь в облаках, что ли? — Коул сегодня вышел на тропу войны. Пит, навлекший на себя его гнев, — это наш басист, но и я не застрахован. Моя голова вне игры. Я слишком занят, прокручивая ситуацию с Кейси, уходящей из моей квартиры, и появившейся там Эвери. Черт, какие, мать вашу, были шансы? Я уверен, она плакала, когда бежала вниз по лестнице.

— Люк, начни сверху, ладно? И убедись, что не пропускаешь последний аккорд. Сегодня у тебя хреново выходит. — Коул до сих пор не простил меня за этот чёртов контракт с MVP. И за то, что не пришел к нему обсудить этот вопрос после работы. А я до сих пор не простил его за отправку демо CD за моей спиной.

Ритм меняется на более резкий, когда мы репетируем нашу новую песню Into Deerp. Я написал ее за пару часов, пьяным, когда Эвери отключилась в моей постели. Тем вечером, когда я рассказал ей о книге мэра Брайта. Казалось, это было так давно. Песня о прощении и стыде. Также с крупницей вины, но я стараюсь больше не писать о ней. Максимум никогда не нравилось, что я пишу о чувстве вины. Похоже, это был выход моих эмоций — вылить их на бумагу. Трудно отпускать прошлое.

Мы начинаем песню с самого начала: я вступаю первым, затем Пит на барабанах, после него Коул на бас-гитаре. И, наконец, Гас — его ритм-гитара обеспечивает последний элемент глубины, который необходим, чтобы придать мелодии завершенность. Пока что это только подбор музыки. Мы обычно так и делаем — изначально не прорабатываем детали, добавляя их в текст позже, когда наши руки могут работать, не продумывая основной ход песни. Остальные парни делают так, чтобы подстроиться, тем более что я один пою большую часть времени, и для меня это единственный способ писать музыку. Так, как научил Макс.

Мои пальцы двигаются по струнам Les Paul — выполненной на заказ гитары, которую я купил с моей первой зарплаты еще в Брейке. Черный лак с серебром, а по всему корпусу гравировка. Это произведение искусства. Моя гордость и радость. После всех лет игры гитара стала продолжением моего тела. Пятой конечностью. Я точно знаю, где должны быть мои пальцы в любой момент времени. И нахожу это естественным.

К тому времени песня завершена. Я закрепляю ее в памяти и чувствую, что она обосновалась в моих костях, прочно засев там. Мне никогда не нужно будет смотреть на сочиненную музыку снова.

— Лучше. Это было намного лучше, — говорит Коул. Он трет руками свою бритую голову; его татуировки на виду, несмотря на то, что в квартире чертовски холодно. Парень настаивает на проживании в старом складе внизу на территории доков просто потому, что акустика этого помещения отлично подходит для репетиций, и нет соседей, которые бы заставили нас свалить. А еще здесь высокие потолки, созданные для очень холодных зим.

— Думаю, теперь можно прогнать другие песни. Нужно убедиться, что все в порядке, прежде чем мы снова начнем давать концерты. Люк, ты уверен, что не работаешь двадцать шестого, правильно?

— Я свободен, — подтверждаю я.

— Отлично.

Это все, что я получаю от него. Отлично. Вздыхнув, снимаю через голову ремень гитары, прислоняю ее к стене и направляюсь на воздух, на ходу выискивая пачку сигарет, которую вечно таскаю при себе. Я не хочу курить. Мне это не нравится. Я делаю это очень редко. Но табачный дым кажется единственным, что может очистить голову в эти дни. Кроме того, это дает мне передышку от напряжения, которое витает в доме Коула.

Мир снаружи окутан морозом. Здесь бесчисленное множество следов, ведущих к входной двери Коула: они появились здесь еще тогда, когда выпал легкий снежок, и заledenели в такой форме — ледяные отпечатки ботинок. Чертовски скользко. Столбы тумана и дыма поднимаются вверх от окружающих зданий, некоторые из которых до сих пор промышленные. Другие превращены в дорогие жилые многоэтажки.

Бездомный парень сидит на бордюре напротив судоходной компании. Его зовут Реджи. Мы иногда забираем его за бродяжничество. Заставляем что-то сделать со своей жизнью. Он печально знаменит по всему Нью-Йорку своими двусторонними плакатами с лозунгом о конце света, обычно нацарапанном спереди. Однако сегодня рекламного щита нет. Вместо этого есть промокший кусок картона, прислоненный к стене рядом с ним. На нем жирными черными буквами выведено: «Тебя не спасут».

— Как будто я этого не знаю, приятель, — бормочу себе под нос. Сигаретный дым горит в легких: воздух слишком холодный, но я все равно долго держу его глубоко в груди.

Когда возвращаюсь на склад, Пит начинает барабанить — ритм беспорядочный. Просто оправдание для того, чтобы посильнее хоть что-нибудь ударить. Я задаюсь вопросом, что сейчас делает Эвери. По привычке.

Звонит мой мобильный. Я сразу же узнаю код города. Вайоминг. Уж точно не моя мама. Отвечаю, бросая окурок на замороженный лед и затаптывая его каблуком сапога — вдруг все же мама, и она может услышать, как я курю.

— Рид, слушаю.

— Люк, это Хлоя Мэтерс. Как дела?

Я растягиваю губы в улыбке. Хлоя Мэтерс — мой первый напарник. Она относилась ко мне как старшая сестра, взяла под свое крыло, когда я впервые присоединился к полиции.

— Отлично, — отвечаю я. В конце концов, сказать ей правду — это просто потакание своим слабостям. — У тебя как? Все в порядке?

Это Хлоя рассказала об ужасной затее Колби Брайта с книгой. Она написала мне, чтобы оповестить об этом. Давненько я не слышал ее голос.

— Да, просто решила набрать, узнать, как поживаешь. Как там Нью-Йорк?

— Холодно. — Я смеюсь. — Как там Брейк?

— Тот же. Видела вчера твою сестру в больнице. Привезли пьяного с раной на голове. Эмма была медсестрой, которую к нему прикрепили. Она так выросла, Люк. Трудно поверить. Я до сих пор помню вас двоих детьми, ставящими весь район на уши.

Я не видел Эмму с тех пор, как она окончила колледж. Услышать от кого-то, знающего ее, что все в порядке — будто груз, упавший с плеч.

— Я знаю, понятно? Были какие-то захватывающие случаи в последнее время? — Мы спрашиваем об этом друг у друга всякий раз, когда получаем шанс наверстать упущенное. Профессиональное любопытство копов. Конечно, мои дела, как правило, более интересные, чем у Хлои. Брейк определенно не центр организованной преступности.

— На самом деле, частично из-за этого я и звоню. Рассматривается повторное открытие дела, Люк.

Мне не нужно спрашивать, о чем она говорит. Убийство Адама Брайта, Сэма О'Брэйди и Джефферсона Кайла с последующим самоубийством Макса Бреслина — самое громкое дело в Брейке.

— По какой причине? Зачем они это делают? — Что-то маячит на горизонте, я чувствую. И это явно что-то нехорошее. Эвери только что узнала новость о чертовой книге Брайта. Теперь это!

— Я не знаю, — говорит Хлоя. — Наверху не очень-то делятся информацией. Просто попросили офицеров, которые работали по делу, найти время просмотреть свои заметки, убедиться, что ничего не пропустили. Может быть, они реально пытаются найти что-то, что будет связывать Бреслина с убийствами Потрошителя, в конце концов.

Это не очень хорошие новости. В книге Брайта есть возмутительные заявления, да, но если полиция на самом деле копается в этом... Один Бог знает, что это значит.

— Так ты занимаешься этим? Просматриваешь файлы?

— Да. И я подумала, может быть, ты тоже...

— Хлоя, я не знаю. Я больше не работаю в полиции Брейка. Капитан попросил тебя поговорить со мной?

— Нет, не просил... Я спросила его, подключать ли тебя, и он сказал нет.

— Тогда я бы сказал, что очень хорошей идеей с моей стороны будет держаться от этого подальше, ты так не думаешь?

— Ты работал по делу, Люк. И у тебя лучшее чутье из всех людей, которых я знаю. Может быть, спустя все это время ты заметишь то, что упускал прежде.

— Не знаю, Хлоя, — позади меня кто-то стучит в окно: Гас гримасничает, когда я оборачиваюсь.

— Эй, мужик. У нас куча работы! — кричит он через стекло.

— Ты все еще общаешься с Айрис? — спрашивает Хлоя.

— Угу. Хотя она сейчас Эвери.

— Ты рассказал ей? О том, что сказал ее отец, когда мы нашли его?

Кровь стынет в моих жилах.

— Нет. Эта информация была засекречена, когда дело закрыли.

Хлоя глубоко дышит на другом конце телефона. Она молчит, размышляя.

— Я думаю, это хорошо. Пока. Но скоро все всплывет, ты же понимаешь? Особенно если они будут снова в этом копать.

— Я знаю. — И знаю, что это уничтожит Эвери.

— Тогда не думаешь ли ты, что если нас просят заняться делом и установить связь между Максом и убийствами Потрошителя, было бы неплохо иметь кого-то, кто заинтересован в том, чтобы доказать его невиновность?

Когда она формулирует вопрос именно так, спорить не с чем. Я прижимаю кончики пальцев ко лбу: все усложняется достаточно быстро.

— Хорошо, хорошо. Пришли мне бумаги. Но не в участок. Лучше по e-мейлу.

— Я так и хотела сделать.

— ЛЮК! Чувак, мы ждем! — На этот раз в окне появляется Коул с медиатором, зажатым в зубах.

— Я должен идти, Хлоя. Наберу тебя в ближайшее время.

— Хорошо, а пока я вышлю тебе материалы. Если что-нибудь обнаружишь, свяжись со мной.

Мы вешаем трубки, и я возвращаюсь внутрь склада. Мой желудок снова и снова крутит, как стиральную машину.

— Вот он. — Гас улыбается мне; его светлые волосы свободно свисают из пучка на голове. — Ты говорил с девушкой, мужик?

— Нет. Звонок по работе. Простите, я должен был ответить. — Коул ничего не говорит, но я знаю, он хочет. Несмотря ни на что, я снова ставлю свою карьеру в качестве офицера полиции выше, чем группу. Мне вдруг становится хреново. — Простите, ребята. Вот. — Я беру и демонстративно выключаю мобильный. — Я с вами. На сто процентов.

Оставшаяся часть репетиции проходит легче, менее напряженно. Коул дает мне пять, когда мы заканчиваем одну из наших самых роковых и сложных песен, проиграв по первому кругу. Мы зависаем в течение часа или около того после, выпиваем пару сортов пива, как раньше, перед всем этим безумием с MVP.

Когда я прихожу домой, просматриваю почту — Хлоя сдержала слово. Все материалы об убийстве отсканированы и присланы на мой личный электронный ящик. Я начинаю открывать вложения; во рту ощущение, будто проглотил наждачной бумагой. Файлы настолько знакомы. Фотографии и кадры. В моем сознании всплывают все картинки, которые я видел раньше.

К материалам по Бреслину Хлоя также прикрепила файлы по убийствам Потрошителя. Я открываю первое изображение: адреналин зашкаливает при виде четырех символов. Не думал, что увижу их снова. Никогда не хотел видеть их снова.

Это заставляет мои внутренности сжаться: если мы не связали эти символы с отцом Эвери в тот день, почему полицейские сейчас думают, что они могут быть с ним связаны? Странно. Распечатываю изображения символов, и мне приходит в голову, что есть один человек, который мог бы знать что-то о них, мог бы связать их с Максом Бреслином. Но последняя вещь, на которую я готов пойти — втягивать Эвери во все это снова и снова.

Мне бы не хотелось, но, продолжая распечатывать остальные файлы, я уже знаю, что это произойдет.

Икар

Когда я приезжаю обратно в квартиру, вижу на кухне записку от Лесли рядом с ярко-оранжевым конвертом. Первым делом читаю записку. Тело замирает, когда я пробегаю взглядом по бумаге.

«Приходил тот парень, который был в прошлом месяце, чтобы увидеть тебя. Он выглядел чертовски уставшим. Хотя я по-прежнему хочу встречаться с ним. Может быть, ты могла бы сказать ему об этом, если увидишь снова. Мне нужен парень постарше в моей жизни! Ладно, он практически умолял меня отдать тебе это. И взял с меня обещание не читать, сказав что-то о мошенничестве, которое является федеральным преступлением (кто этот парень?). В любом случае, я сегодня остаюсь в городе с моей сестрой, но вернусь завтра. Если ко мне кто-то придет, скажи, пусть звонят на мобильный. Увидимся».

Я знаю, что в письме Люка. Извинение за Кейси и за то, что раскрыл ей мое новое имя. Не думаю, что сейчас смогу это прочесть. Убираю конверт в ящик тумбочки и готовлю обед, стараясь не позволить себе погрузиться в мрачное расположение духа. Я слишком труслива, чтобы проверить телефон, когда он гудит чуть позже, волнуясь, что это может быть Люк. Хотя это не так. Это Морган.

Морган: Где ты? Пошли со мной на вечеринку!

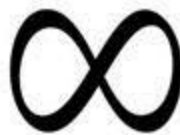
Я собираюсь принять душ перед сном. Уже слишком поздно, чтобы идти на вечеринку с подругой. Женщина, кажется, не имеет никакого ощущения времени.

Я: Ты зажигаешь, Морган Кэплер?

Морган: На полную катушку!

Я смеюсь, затем выключаю телефон. Иначе она будет слать мне сообщения всю ночь. Когда чищу зубы, осознаю, что веду себя жалко: я просто должна успокоиться и прочесть проклятую записку Люка. Поэтому в одиннадцать тридцать ложусь в постель, слыша звук пришедшего смс, и вскрываю конверт. Его содержание весьма удивляет меня. Это не извинение. Даже близко не оно. Просто белый лист бумаги с нарисованными на нем четырьмя символами.

Люк: Хоть один из этих символов что-нибудь для тебя значит?

Я моментально узнаю один из них. Тот, что похож на перевернутую цифру восемь, но он довольно распространен. Это символ бесконечности. Я просматриваю остальные знаки, пытаюсь вспомнить. Действительно ли какой-нибудь из них мне знаком? Я не уверена. Вряд ли. Переворачиваю лист бумаги, чтобы посмотреть, объяснил ли Люк что-нибудь на обороте, но он чист. Я сижу в постели, смотря на символы в течение еще пяти долгих минут. Почему Люк спрашивает о них? И почему ничего не объясняет? Бесконечно любопытная часть меня хочет, нет, жаждет знать.

Поэтому он делал это? Звонил мне? Я отбрасываю эту мысль и засовываю конверт назад в ящик. После нескольких минут внутренних споров с самой собой вынимаю сотовый и набираю номер Люка. Я отказываюсь звонить. Нет, только не после того утра возле его квартиры: брезгливости на лице Кейси, ужаса — на его. Я не могу перенести мысль о том, чтобы слышать голос Люка. Вместо этого пишу сообщение:

Я: А что?

Нажимаю «отправить», пока не передумала и не спрятала телефон под подушку, пытаюсь выбросить все это из головы. Пару минут спустя приходит ответ.

Люк: Это важно.

Я: Это не ответ.

Люк: Это связано с Вайомингским Потрошителем. У меня все еще есть друзья в полиции Брейка. Они попросили, чтобы я их выручил. Изучаю несколько деталей.

Я понятия не имею, зачем Люк следит за делом Вайомингского Потрошителя, но это может означать только одно — проблемы.

Я: У тебя есть материалы? Ты их получил?

Я жду, бодрствуя в течение, по крайней мере, получаса, прежде чем получаю ответ.

Люк: Я сейчас на работе. Заканчиваю в 8:00. Тогда и позвоню.

Я не заморачиваюсь с ответом. Какой смысл? Он все равно позвонит, и я действительно хочу знать, есть ли у него те материалы. В них должны быть доказательства, что мой папа невиновен. Там, конечно, не будет никаких улик, чтобы доказать его вину, и в этом я точно уверена. Если у Люка есть... Если у него есть эти файлы, я собираюсь их увидеть. И изучить от корки до корки, пока не найду способ доказать, что мой отец не убивал всех тех девочек.

Несколько лет назад.

— Что ты затеваешь, Монстрик? — Мне восемь лет, я ныряю в наш закрытый бассейн за морскими ракушками, которые мой отец бросил на мелководе для меня.

— Я русалка, папа.

— Конечно, Монстрик.

Я ворчу на него, обнажая зубы, половина из которых отсутствует.

— Ты становишься все более серьезно-жесткой с каждым днем, моя Русалочка-Монстр.
— Он смеется и высоко подбрасывает одну из тех ракушек, собранных мною на дне бассейна. Я ворчу еще громче, добавляя строгий хмурый взгляд и искривленный рот для пущей убедительности.

— Мисс Вилмотт говорит, что слова «серьезно-жесткой» не существует, папа.

Складки появляются на папином лбу, и он наклоняется, чтобы снять итальянскую кожаную обувь, которую купила моя мать.

— Она такое говорила, да?

— Угу.

— Понятно. Просто скажи ей, что оно существует в словаре «Доктора Зло», хорошо? Она не сможет поспорить с этим!

— Хорошо, папа. Сегодня она рассказывала нам греческий моф.

Мой папа смеется — хохот от всего сердца.

— Ты имеешь в виду миф?

Я торжественно киваю.

— О мальчике, чей папа смастерил крылья из перьев и воска, чтобы улететь из тюрьмы. Но он слишком высоко парил в небе, и они полностью растаяли.

— Ах, я знаю ту историю. Она одна из моих любимых. Ты помнишь его имя?

— Икар, папа! Его звали Икар!

Передозировка

Люк

Кажется, двенадцатичасовая смена никогда не закончится. Голова забита только этой мыслью, когда поступает вызов. В одну минуту я думаю о том, что собираюсь сказать Эвери, о чем хочу спросить ее, а затем получаю следующее задание, которое ревет из рации.

— Офицер Рид, пожалуйста, ответьте девяностому. Вы нужны, жертва передозировки наркотиками. Машина скорой помощи в пути.

Тамлински с водительского места посылает мне укоризненный взгляд.

— Ты знаешь кого-то из Уильямсберга? — спрашивает он. — Этот район ведет девяностый — Восточный Уильямсберг и Бруклин.

— Никого. Я никого там не знаю, — отвечаю я и спрашиваю по рации. — Почему я направлен?

— Потерпевшая — некая Морган Кэплер. Утверждает, что не будет говорить ни с кем, кроме вас. Она в ярости. Представляет опасность для себя и офицеров на месте происшествия. — Диспетчер опускает профессиональный тон. — Крошка походит на сумасшедшую суку, Рид. Они хотят, чтобы твоя задница там успокоила ее, прежде чем она закончит тем, что заработает себе сердечный приступ.

Морган Кэплер? Знакомое имя, но я не припоминаю ее. Тамлински уже разворачивает авто.

— Хорошо, принял. Мы уже едем.

По пути через весь город Тамлински выносит мне мозг, выпрашивая, эту ли самую девчонку я скрывал от него. Я очень близок к тому, чтобы врезать ему. Полицейский грузовик и машина скорой помощи уже на месте происшествия, когда мы подъезжаем. Жители проходят и останавливаются, округляя глаза и закрывая рты руками, когда мы с Тамлински бежим по лестнице.

Как только я вижу Морган Кэплер, тут же вспоминаю, кто она. Девчонка, которая была с Эвери в ночь, когда к нам обратились с той жалоба на шум. Рыженькая. Она кричит во всю силу легких, лицо сверкает малиновым цветом, когда мы достигаем квартиры, где ее нашли в ужасном состоянии. Морган останавливается, когда видит меня.

— Ты. Ты здесь, — выдыхает она.

— Привет, Морган. Что происходит, а?

— Я не... — она озирается, как будто видит все окружающее впервые. Подозрительно смотрит на медиков, которые пытаются взять у нее анализы. — Я не знаю, почему я здесь. Где Тейт?

— Кто такой Тейт? — спрашивает меня один из офицеров на месте происшествия. — Она сначала кричала и звала его, прежде чем начала вопить и звать тебя.

— Понятия не имею, кто такой Тейт.

— Но ты знаешь ее, правильно? — Он неодобрительно смотрит на меня. Полицейским не положено водить дружбу с наркоманами. Особенно если те сумасшедшие.

— Не совсем. Она подруга подруги.

— О, Эвери! — Морган, кажется, приходит в сознание, ее глаза, налитые кровью и круглые, снова фиксируются прямо на мне. — Мне нужна Эвери, Люк. Ты приведешь ее ко мне? Можешь привести?

— Да, я могу привести ее.

— Нам нужно, чтобы она не двигалась, офицер. Вы можете продолжать говорить с ней? — спрашивает меня женщина-медик. У нее царапины на лице, под левым глазом — подозреваю, Морган приложила к этому руку.

— Да, конечно.

Врач пытается поднести кислородную маску к лицу Морган. Она набрасывается, снова начиная кричать.

— Морган? Эй, Морган? Ты помнишь мобильный Эвери? Я позвоню ей, чтобы она пришла к тебе, если хочешь.

— Ты... У тебя есть ее номер, — хрипит она. Ее глаза закатываются, показывая слишком много белого. — Ты влюблен в нее.

— Что? Это она тебе сказала? — ничего не могу поделать. Вопрос вырывается из моего рта прежде, чем я могу себя остановить.

— Нет. Но я знаю ее. И я видела... Как ты смотрел на нее. Это правда. Ты любишь ее, да?

— Да, наверное, да.

— Позови ее ко мне, ладно? Скажи, чтобы не звонила родителям. Прекрати. ПРЕКРАТИ! — Она дерется, намереваясь оттолкнуть медика, который пытается проверить руки на наличие следов от укола, но вместо этого ощутимый удар приходится на меня. Так как я чуть присел возле Морган, то падаю назад, приземлившись на задницу, и при этом чуть не сбиваю Тамлински.

Руки и ноги Морган начинают с силой трясти. Мы хватаем ее.

— Хорошо, сейчас нам понадобится немного места. Она впадает в шоковое состояние, — говорит другой мужчина из скорой помощи. Я отползаю в сторону, наблюдая, как медики работают с девушкой. К тому времени, как ее загружают на носилки, они спешат вниз по лестнице. Становится очевидно, что дела плохи.

Тамлински поворачивается ко мне. Бесчувственный ублюдок ухмыляется, как злодей.

— Ну что, похоже, сейчас мы едем повидаться с Эвери?

Ночная вылазка

Сначала я думаю, что грохот доносится от автомобиля на улице, в котором играет музыка, но потом понимаю — ритм хаотичный. Это больше похоже на стучащий звук. Поворачиваюсь на бок, пытаюсь заблокировать его, но это не срабатывает; он просто продолжает нарастать. Спустя еще десять секунд я понимаю, что кто-то кричит мое имя. Глаза распахиваются. Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Я в спешке выбираюсь из кровати, чтобы открыть входную дверь, чуть не впечатавшись лицом в пол, когда щиколотки запутываются в простынях. В гостиной чертовски холодно и ничего не видно.

— Эвери! Эвери, открой. Это Люк.

Я колеблюсь, держа руку на дверной ручке. Что, черт возьми, происходит? Он сказал, что позвонит, когда закончится его смена, а не попытается снести мою дверь в 3:45 утра, когда на мне лишь безразмерная потертая футболка, заменяющая пижаму. Рывком открываю дверь, сразу замечая женщину из квартиры 6В, которая стоит в коридоре, прислонившись к стене; ее волосы торчат в разные стороны. Люк выглядит мрачным, когда его глаза встречаются с моими. Он в форме, и его напарник, тот самый коренастый коротышка с бруклинским акцентом, которого я видела на ирландской вечеринке, стоит рядом с ним. Почему Люк привел сюда своего напарника, если собирается говорить со мной? Я хмурюсь и пытаюсь прогнать остатки сна из головы. Люк прочищает горло.

— Прости, что разбудил, Эв. Нам нужно с тобой поговорить.

— Это не могло подождать до утра? — шиплю я, оборачивая руки вокруг тела. — Ты сказал, что позвонишь. И не предупредил, должна ли я...

— Это не светский визит. — Интонация ясно дает понять: *это не имеет ничего общего с твоим отцом*. Глубокие карие глаза Люка широко раскрыты, и он не моргает, как будто ему очень сложно сфокусироваться. Занимает всего секунду — приглядеться к тому, как он держится и смотрит на меня. Так же Люк выглядел, когда появился на нашем пороге пять лет назад. Укол паники поднимается в горле, заставляя меня задыхаться.

— О, боже, что случилось? — Прикрываю рот рукой. — Дядя Брэндон? Мама?

Люк качает головой и машет, показывая рукой за мою спину.

— Ничего, если мы войдем на минуту?

— Просто скажи мне! — Стена спокойствия, которую я пытаюсь удерживать на месте, рушится на глазах. — Скажи мне прямо сейчас!

Он нежно кладет руку на плечо, толкает меня в квартиру и входит следом. Его напарник идет за нами, закрывая дверь.

— Люк, что происходит? Пожалуйста, просто скажи. Если это Брэндон, ты можешь сказать мне. Я в порядке, я выдержу. Пожалуйста, Люк.

— Стоп, все в порядке. Сделай вдох, красавица. — Он ведет меня по квартире, заглядывая в дверные проемы, пока не находит спальню, заводит внутрь, садит на кровать и отходит к окну. — Это не твоя мама или Брэндон. Это та девушка, которую я видел выходящей с тобой с вечеринки братства, Морган.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Морган? — Каждая частица во мне замирает. Голова начинает кружиться от недостатка кислорода и приходится вдохнуть. — Она умерла? — шепчу я.

— Нет, она в больнице. Похоже на передозировку какой-то дрянью. Она звала тебя, прежде чем потеряла сознание. Врачи ввели ее в кому — они пытаются вывести наркотики из ее организма. Она довольно плоха, Эв.

Сдавленные рыдания наполняют комнату — странный, чуждый звук, который не может исходить от меня. Я закрываю рот руками и вдруг ничего не вижу перед собой. Моя комната, Люк — все расплывается от слез, наполнивших глаза.

— Я должна ехать. Ты отвезешь меня в больницу? Мне нужно ехать прямо сейчас. Ее родители, они живут в Чарлстоне. Нужно сказать. Им ехать несколько часов. С ней должен кто-то быть, Люк. С ней должен... — несвязно бормочу, пытаюсь сформулировать слова, но вырываются сплошные рыдания. Люк поднимает меня с кровати и притягивает к себе, я плачу в полицейской жилет, пока он гладит меня рукой по затылку, шепча что-то мне в волосы. Я слишком оцепенела, чтобы слышать слова, просто цепляюсь за него, пока не чувствую, что могу взять себя в руки.

— Какие это наркотики, что они думают? — бормочу я, пытаюсь понять, что мне нужно взять с собой в больницу.

— Похоже на экстази, но пока слишком рано говорить. Ты знаешь, у кого она могла взять таблетки?

— Нет, понятия не имею! Я не знаю ничего подобного. Морган по своей воле никогда бы ничего не приняла. Ее накачали, скорее всего.

Я тяну футболку через голову, когда он спрашивает:

— Когда ты в последний раз что-то слышала о ней?

— Эм-м... Часов в шесть, полседьмого или около того. Она уже... Она была пьяной. Хотела, чтобы я пошла с ней на вечеринку к Тейту. Ее нашли там?

Рация Люка оживает, но он ее игнорирует, и по какой-то нелепой причине я с удивлением про себя отмечаю, насколько чертовски высоким он кажется в форме.

— Нет. Скорая помощь забрала ее из Уильямсберга. Она была с кучей парней из Королевского колледжа.

— Но это на Манхэттене.

— Я знаю. Они были на вечеринке. Никто, казалось, не знал, кто ее там оставил. Ни один из них никогда не встречал Морган до этого вечера.

Все становится еще более запутанным. Меня тошнит. Морган подсунули наркотики на вечеринке, где она никого не знала? Что, черт возьми, она делала в Уильямсберге, с кучей совершенно незнакомых людей? И где, черт возьми, были Тейт и Ноа? Люк отводит глаза, когда я натягиваю джинсы на голые ноги. Потом со злостью влезаю в сапоги и беру пальто.

— Я убью того, кто это сделал с ней.

— Давайте для начала просто убедимся, что она в порядке, хорошо?

Люк и его напарник, офицер Тамлински, везут меня в больницу «Вудхалл» на севере Бруклина, куда скорая доставила мою подругу. Делаю все возможное, чтобы держать себя в руках; Морган разозлится, если я развалюсь на части, и я не позволю себе этого в присутствии Люка. Список причин, по которым он жалеет меня, уже весьма обширен, еще одной не нужно.

Движение на дорогах в четыре утра достаточно свободное, но не идеальное.

Ехать в полицейской машине — это несомненный плюс, особенно когда Тамлински

врубает огни и сирены, чтобы провезти нас через самые заторможенные участки. Таксисты — всё ещё сволочи, к тому же, на улицах много людей. Я съеживаюсь на заднем сиденье, натягивая пальто до ушей, и выношу себе мозг, пытаюсь осознать, как Морган могла вляпаться в то, что закончилось комой. Черт побери, я сверну шею этой девчонке, когда она проснется.

— Эй, с тобой там все нормально? — спрашивает Тамлински, когда мы въезжаем на автостоянку больницы.

— Ага, со мной все охренительно в порядке, спасибо. Моя лучшая подруга, возможно, умирает, а еще половина Колумбийского видела, как меня увезли на заднем сиденье полицейского автомобиля.

Люк ничего не говорит, только продолжает смотреть в окно, стиснув челюсти. Тамлински скрежещет зубами и шепотом что-то бормочет. Как только он паркуется, я расстегиваю ремень безопасности и пытаюсь открыть дверь, но понимаю, что там нет никакой ручки. Люк выходит и открывает мне снаружи, напряженно улыбаясь.

— Это для того, чтобы люди, которых мы арестовываем, не смогли открыть ее и сбежать.

— О-ох. — Я выхожу и направляюсь внутрь, но он хватает меня за локоть.

— Это не наша компетенция. Технически, я не должен быть здесь с тобой, но я останусь. Покажу, где Морган и...

— Нет! Люк, все нормально. Не переживай, я разберусь.

Его челюсти сжимаются, когда он хлопает дверью авто, закрывая ее за мной.

— Я не оставлю тебя одну, Эвери.

— Люк! Ты не... Ты не должен здесь оставаться, понятно?

— Я не оставлю тебя одну.

Перевожу взгляд на больницу — свет льется из каждого окна, персонал слоняется из стороны в сторону, стараясь курить вне поля зрения больных раком легких. Я чувствую, как силы покидают меня. Мысль о том, чтобы в одиночестве проторчать в зале ожидания бог знает сколько времени, совсем не греет. Так, какие есть варианты?

— Ладно, договорились, я позвоню кое-кому.

— Кое-кому?

— Да, кое-кому. Парню Морган, Тейту, или, может быть, своему другу.

В глазах Люка появляется лед. Голос арктически холоден, когда он спрашивает:

— Тому парню из бара?

— Да, парню из бара. — А затем... — Нет! — Я прячу лицо в руках, пытаюсь обрести контроль. Это смешно. Теперь я вру ему? — Не тому парню из бара. С ним я даже не вижусь...

— Хорошо, как скажешь. Сосредоточься сейчас на подруге. — Глаза Люка уже не ледяные, хотя он по-прежнему выглядит довольно расстроенным, когда я опускаю руки. — С тобой все будет в порядке?

Я кусаю щеку изнутри, чувствуя, как слезы щиплют глаза.

— Да, думаю, что я справлюсь.

— Ладно. Звони, если понадобится.

Люк остается позади в темноте, и я спиной чувствую его взгляд, когда шагаю по стоянке. У входа не оборачиваюсь — просто останавливаюсь, чтобы дождаться, пока автоматические двери откроются, и спешу внутрь. На стойке регистрации, куда я подхожу,

пусто, и это в порядке вещей. Жду минут десять, прежде чем появляется хоть кто-то. Толстая медсестра настроена враждебно. Я спрашиваю ее, где могу найти Морган Кэплер, и она тычет пальцем в пол.

— Следуйте за синей линией в отделение интенсивной терапии. Там будет стойка. И другая медсестра. Но вы не сможете увидеться с подругой, пока ее состояние не стабилизируется. На вашем месте я бы осталась дома и немного поспала.

У меня почти вырывается, что если бы она была мной и осталась бы дома, то была бы охренительно хреновой подругой, но мне удается натянуто улыбнуться и отправиться вслед за широкой синей полосой на полу. Я прохожу к лифту, где она исчезает. Означает ли это, что я должна войти в лифт? Рядом с кнопкой пятого этажа виднеется синий стикер. Я вхожу и еду на пятый. Когда двери раскрываются, на полу снова линия. Пока ищу стойку медсестер, люди, сидящие вдоль коридора, пристально разглядывают меня, и я сильнее запахиваю пальто. Пожилая медсестра с размазанной тушью и уставшим лицом говорит мне, что злобная медсестра снизу была права, и нет никаких шансов, что я увижу Морган, пока та не придет в себя. Она просит меня занять место с другими людьми в коридоре и обещает найти, если появятся новости.

Я падаю на пластиковый откидной стул и смотрю на собственные кроссовки, ощущая потребность в ком-то, кто мог бы побыть здесь со мной. Страх окутывает всех, и мы сидим молча. Эти люди в той же лодке, что и я: ждут известия, что один из тех, кого они любят, умирает. Авария. Нападение. Горящий дом. Есть сто и один способ, чтобы оказаться здесь. Я не хочу думать ни об одном из них.

Мне нужна Лесли. Может быть, Тейт и Ноа, в зависимости от того, какие у них оправдания. Моя рука опускается в карман в поисках телефона, и я почти задыхаюсь, когда понимаю, что собиралась в такой панике, что забыла его взять. Как и кошелек с деньгами. Я застряла на другом конце Нью-Йорка без денег, мобильного и без надежды получить что-нибудь из этого в ближайшее время. Но сейчас с этим ничего не поделаешь, поэтому я просто сижу и смотрю в стену, стараясь не думать о том, что произойдет, если Морган умрет. Не хочу в первый раз встретиться с ее родителями при таких обстоятельствах.

Через некоторое время погружаюсь в сон, но он некомфортный, не приносящий отдыха, и спасибо за это неудобному стулу.

Медсестра находит меня в шесть утра и говорит, что ничего не изменилось. В следующий раз, когда я просыпаюсь, Люк сидит рядом. Он в штатском: темная толстовка с капюшоном на голове, дырявые джинсы и изношенные конверсы. А еще не замечает, что я не сплю и наблюдаю за его разговором по телефону. Он выглядит уставшим, но все же приехал. Меня переполняет благодарность. Я ужасно повела себя с ним, но он все-таки здесь.

Мой голос, хриплый ото сна, надламывается, когда я говорю:

— Привет.

Он поворачивается и почти роняет свой телефон, одаривая меня полуулыбкой.

— И тебе привет.

— Прости за вчерашнее.

Провожу рукой по волосам сзади. Господи, на что я сейчас похожа! Сажусь прямо, потягиваясь. Люк наклоняется, достает кофе в пластиковом стаканчике и вручает его мне.

— Все нормально. Ты была вежливой по сравнению с той порцией дерьма, которую я обычно получаю, поверь мне. Выпей это. По идее, еще теплый.

Делаю глоток и слегка улыбаюсь, когда понимаю, насколько он сладкий; Люк был внимателен, когда я опустошала пакетик за пакетиком сахара в мои напитки во время встреч за кофе там, в Брейке. Круто, что он помнит.

— Спасибо, Люк. Спасибо, что ты здесь.

Он кивает, почесывая шею. У его глаз тот проникновенный взгляд, который всегда заставляет меня думать, что ему нужна защита от мира. Понятия не имею, почему, ведь он сам тот, кто защищает всех остальных, но так мне казалось всегда.

— Только закончил? — шепчу я.

— Нет, уже почти десять.

— Что? — не могу поверить, что мне удалось отключиться так надолго. — Медсестра возвращалась?

Люк кивает, откидываясь назад на стуле так, что его плечо касается моего.

— Да. Без изменений. Но они скоро собираются приводить ее в чувства.

Я судорожно делаю вдох и сжимаю кулаки.

— Ты видел, как это происходит со многими людьми?

— С несколькими, — вздыхает он, делая глоток кофе.

— И что обычно происходит? Они ... Большинство из них в порядке?

Люк опускает голову, накрывая ее капюшоном, и смотрит на свои руки.

— Некоторые.

Некоторые. Я задыхаюсь и прячу лицо в ладонях.

— Этого не может произойти. Серьезно, не может.

Люк не лжет и не говорит мне, что все будет хорошо, потому что шанс на это весьма мал. Ложь ничем не поможет. Он кладет руку мне на спину, и физический контакт предоставляет достаточно сил, чтобы успокоиться. Когда открываю лицо, его рука все еще там, и я ничего не говорю, потому что мне это нужно.

— М-м-м, так ты можешь рассказать мне о тех символах? — бормочу я, грызя ноготь на большом пальце.

— Они были на телах убитых, — тихо говорит Люк. — В течение длительного времени было только три символа. Ближе к концу появился четвертый. Эта информация никогда не была известна широкому кругу людей. Я хотел, чтобы ты посмотрела, вдруг они тебе знакомы. Убийцы обычно ищут признания, когда начинают убивать. Если твой папа... — мне чертовски больно дышать. Люк делает паузу, но только на секунду. — Если твой папа виновен, он, наверное, рисовал их где-нибудь.

— Почему? Почему он... Разве убийца не спрятал бы это, чтобы его не поймали?

Люк крутит шнурок от капюшона пальцами, постукивая ногой по потертому линолеуму.

— Нет, не совсем. Серийные убийцы хотят попасться. Как правило, они гордятся творением своих рук и хотят взять на себя ответственность.

— Гордятся? — я не могу вдохнуть. Мой папа никогда бы не гордился, он никому намеренно не причинял вред.

— Знаю, это не здорово. Но эти люди, как правило, таковыми и являются. Больными, я имею в виду.

Кто бы сомневался. Едкое замечание вертится на кончике языка, но когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Люка, по коридору идет медсестра. След от очков на кончике носа и круги под глазами сейчас еще более выражены. Люди вокруг нас замирают, как статуи, понимая, что она приближается, и в то же время каждый поворачивается к ней.

Как цветы тянутся к восходящему солнцу, так лица пятнадцати или около того человек, полные надежды, тянутся к ней. Медсестра проходит мимо них ко мне и Люку, разрушая каждого.

— Морган очнулась, — прямо говорит она, и ее туфли издают скрип, когда женщина останавливается. Самые удивительные два слова, которые я когда-либо слышала в своей жизни. Оглушающая волна облегчения обрушивается на меня. Я наклоняюсь, пытаюсь отдышаться. Рука Люка находит мою.

— Вам нельзя увидеть ее еще пару часов, пока мы не получим анализы, но ее показатели немного выравниваются. Она будет в порядке. Никаких признаков травмы мозга, внутренних повреждений. Ей повезло. Необходимо обсудить реабилитацию мисс Кэплер, как только она окончательно придет в себя, но...

— Реабилитацию? — медсестра неподвижна, когда я встречаю ее взгляд. Она, очевидно, раньше не раз говорила людям об этом. — Морган не нуждается в реабилитации. Ей что-то подмешали в напиток.

— Это стандартная процедура, деточка: задать несколько вопросов, когда пациенты поступают с передозировкой. И судя по ее ответам и медицинской карте, Морган нуждается в медицинской помощи.

— Что? Не может быть! Я ее подруга. Я бы знала, если бы она принимала наркотики.

Медсестра упирает руки в бедра и посылает Люку взгляд, который предполагает, что она хотела немного помочь.

— Я не могу обсуждать с вами то, что сказала нам мисс Кэплер, но скажу так: наркоманы скрывают свои пристрастия. Они учатся хорошо скрывать некоторые вещи и располагать к себе. Вам нужно поговорить со своей подругой, мисс Паттерсон. — Она уходит и исчезает в двойных дверях в дальнем конце коридора. Я провожаю ее взглядом весь обратный путь.

— Морган не нужна реабилитация, — говорю, стиснув кулаки.

Люк не смотрит на меня. Он делает глоток кофе и вздыхает. Я на грани истерики, когда открываются двери лифта и мужчина с женщиной с паникой в глазах врываются в коридор. В одно мгновение становится понятно, что они родители Морган; у женщины рыжие волосы — одно из доказательств. Люк поднимается, но я удерживаю его руку. Мне определенно не хочется быть в одиночестве, раз уж предстоит рассказать им об их дочери, но они заслуживают того, чтобы услышать новости от кого-то, кто знает ее. По крайней мере, это я могу сделать.

Наркоманка

Оказывается, я знаю Морган не настолько хорошо, как думала. Ее родители совсем не удивлены, что она была под кайфом. Морган уже дважды попадала в больницу из-за наркотиков. ДВАЖДЫ. Она подсела на кокаин и таблетки в выпускном классе, и родители на три месяца отправили ее в «Сибрук Хаус» в Нью-Джерси. Они позволили ей уехать в колледж подальше от штата, потому что здесь Морган регулярно ходила по врачам, которые, очевидно, должны были следить за ее поведением, чтобы подобного впредь не случилось.

Мда, врачи явно не справлялись со своей работой. И не я одна таила секреты. Разница лишь в том, что Морган знала все мои тайны, по крайней мере, большинство из них, потому что я доверилась ей. А она мне не доверяла.

Люк увозит меня обратно в город, после того как Кэплеры начинают кричать на обеспокоенную медсестру прямо в отделении интенсивной терапии; ни за какие коврижки не пойду внутрь, пока там ее папа и безумно рыдающая мама, хотя и хочу увидеть Морган. Я вернусь позже, во время часов посещения. «Безумно — и близко не то слово, чтобы описать всю мою злость на Морган, но сейчас ей как никогда нужен друг. Когда она выйдет из больницы и будет в состоянии стоять на собственных ногах, я снова ей их пообрываю.

— Я бы предложил зайти куда-нибудь позавтракать, — говорит Люк, пристегивая ремень безопасности, — но у меня было адское дежурство, и я могу вырубиться на месте в любую секунду. Ты можешь прийти ко мне, когда закончишь со всем? Уверен, есть некоторые вещи, на которые ты захочешь взглянуть.

Я ёрзаю на своем месте.

— Итак, ты получил его? Ты действительно получил дело Вайомингского Потрошителя?

Люк слегка кивает.

— Копию, конечно. Мой старый напарник, Хлоя, отсканировала все и прислала мне по электронной почте. Я... У меня могут быть серьезные гребаные проблемы, если покажу тебе это, Эвери. И у нее тоже.

— Ты должен показать мне, Люк. Я должна знать. Должна...

— Ладно, ладно, — говорит он, положив руку на мое колено. — Я все понимаю, но ты никогда и никому об этом не должна рассказывать, договорились? Как-то не особо хочется, чтобы мне надрали задницу те парни, которых я засадил в тюрьму, из-за того, что ты проболтаешься.

— Я никогда... Клянусь. — Люк кажется довольным, но слегка смущенным моим обещанием. Реальность вдруг поражает меня: файл, на основании которого отца могут осудить как серийного убийцу, находится в распоряжении Люка. Могу ли я это сделать? Могу ли на самом деле открыть его — снять со стены заряженное ружье? Похоже, у меня нет выбора. — Я не смогу прийти рано. Это ничего?

Люк отцепляет мой ремень безопасности; его колено прижимается к моему. Я неловко ерзаю и смотрю на него. Он кажется полностью поглощенным созерцанием моих рук, сцепленных на коленях. Его лоб немного нахмурен, когда он поднимает на меня взгляд.

— Без проблем. Я свободен следующие три дня, так что неважно во сколько. Позвони мне. Не хочу, чтобы ты ночью ехала одна через весь город, красавица. Лучше я приеду и заберу тебя, если будет поздно.

— О чем, черт возьми, ты думала, Морган? — Ее кожа еще бледнее, чем обычно, зрачки все еще красные. И она так слаба, что едва может сидеть без чьей-либо помощи. Даже это дается с трудом.

— Не то чтобы я делала это специально, — хрипит она.

— Серьезно? — миссис Кэплер привычным жестом мнет рукав своего пиджака. Никогда не понимала этой привычки. Это так отвратительно. — Люди начинают задаваться вопросом, Морган: уж не крик ли это о помощи? Врачи нам уже объяснили. Наркоманы используют подобные вещи, чтобы привлечь внимание.

— Мне не нужна помощь, мам!

— О, конечно нужна, юная леди. И ты ее получишь. Ты возвращаешься в «Сибрук». Моя дочь не расстанется с жизнью в каком-то захудалом...

— Я не могу вернуться в «Сибрук». У меня учеба. — Морган стискивает челюсти, впиваясь в мать взглядом.

— Какая польза от учебы для мертвеца, Морган Мари? Если умрешь, будет абсолютно неважно, училась ли ты в колледже или нет. К тому же, ты только первокурсница. Сможешь вернуться на следующий год, когда поправишься и придешь в себя.

Морган выглядит обезумевшей. Мне хочется успокоить ее, но я чувствую себя некомфортно рядом с ее мамой, уставившейся на меня так, будто я влезаю в их семейные дела. Возможно, так и есть. Нервно кручу кожаный ремешок сумки и встаю, чтобы уйти.

— Не уходи, Эв, пожалуйста. Мам, дай нам немного поговорить?

Выражение лица миссис Кэплер не сулит ничего хорошего.

— Я не выпущу тебя из виду, детка. Один Бог знает, что может попасть тебе в руки, если я выйду. И если единственный способ уберечь тебя...

— Мам!

— Нет, Морган. Уж извини. Я тебе больше не доверяю.

Лицо Морган становится пунцово-красным. Она судорожно сжимает в руках одеяло; все ее тело напряжено.

— Мама. Сейчас же проваливай из палаты. Я хочу поговорить с подругой. Можешь вернуться, когда она уйдет.

Миссис Кэплер вздрагивает. Ее нижняя губа дрожит от сдерживаемых рыданий. Я чувствую жалость к бедной женщине: мама Морган, должно быть, на грани от волнения. Она встает на ноги и перекидывает свой шерстяной тренч через руку, пытаюсь казаться спокойной. Ее глаза полны слез, когда женщина смотрит на меня.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что была здесь всю прошлую ночь, Эвери, но также хочу, чтобы ты знала, что я не доверяю тебе. Я не доверяю никому из друзей Морган, так как, вероятно, один из вас дал ей эти грязные таблетки. В будущем я не буду потакать дочери. Если захочешь приехать и навестить ее снова, буду вынуждена просить, чтобы ты не приносила с собой в комнату сумку.

Она поворачивается и хлопает дверью, пролетев мимо открытки с надписью

«Выздоровливай поскорее», которую, должно быть, принес кто-то из кампуса. У меня отвисает челюсть. Мама Морган просто-напросто обвинила меня в потенциальном распространении таблеток. Смех готов вырваться из моего горла. Я — торговец наркотиками. Сама идея смехотворна.

Морган съезживается и опускается на подушки.

— Извини. Это...

— Да ладно. Она беспокоится о тебе.

— Она всегда раздувает из мухи слона.

Выдавливаю из себя смешок, встаю со стула и пересаживаюсь поближе к Морган. Это все, что я себе позволяю, хотя хочется схватить и хорошенько ее встряхнуть.

— Она не делает из мухи слона. Ты почти умерла. ТЫ собираешься мне рассказать, как, черт побери, оказалась на той вечеринке и почему употребляла наркотики? — Ее взгляд опускается вниз, на кровать; она старается не смотреть на меня. Морган похожа на пятилетнюю девочку, которую незаслуженно ругают. Со мной это не прокатит. — Серьезно, Морган. Расскажи мне, потому что, разрази меня гром, я понятия не имею, что могло заставить тебя пойти на это. Как много ты приняла?

Она, наконец, смотрит на меня. Ее глаза на мокром месте.

— Знаю, ты мне неверишь, Эвери, но это была только одна таблетка, клянусь. Я держалась в течение многих месяцев. Приняла одну таблетку пару недель назад, и все было под контролем. Мне показалось, что можно сделать это снова. Не представляю, как попала на ту вечеринку. Помню, как была там, и как Тейту стало реально плохо, а потом... Проснулась здесь с трубкой в горле. — Одинокая слеза скатывается по щеке Морган. Она сердито смахивает ее в сторону. — Теперь мама никогда не позволит мне вернуться в колледж. Даже через миллион лет. У меня была проблема с коксом, и она думает, что я вернулась на скользкую дорожку, потому что приняла одну-единственную таблетку. Это такой трындец!

— Ну, да, — соглашаюсь я. — Постой-ка, ты приняла таблетку несколько недель назад? Когда? Где? — Я была с Морган на нескольких последних вечеринках. Так когда? Пытаюсь вспомнить, разложить все по полочкам, и...

— О боже, Морган. Ирландская вечеринка? Вот почему ты чуть с ума не сошла, когда увидела полицейских?

Морган откидывается на подушку, уставившись в потолок.

— Мне жаль, ясно? Я думала, нас пронесет, и пронесло. Ничего не случилось. Я не понеслась за коксом на следующее утро. Все было нормально, помнишь? Мы даже бегали. Не велика беда.

— Не велика беда? Твою мать, Морган, а если бы там был не Люк, а другой коп, и он захотел бы обыскать тебя? Что бы он нашел? — Мои слова встречены напряженной тишиной, которая говорит сама за себя. — Великолечно. Охренеть как замечательно. И все это привело к тому, что ты в больнице. Поверить не могу, что ты ничего не помнишь. Господи, Морган, да с тобой могло случиться что угодно!

— Могло, но не случилось же. Я уже выпотрошена и вывернута наизнанку. Страдала от унижительных анализов (прим.ред. Морган имеет в виду анализы, которые берут у женщины, жалующейся на недавнее изнасилование или его возможность, в госпитале, и переправляют прокурору с целью дальнейшего проведения генетической экспертизы для сравнения материалов с анализами, взяты) справилась с этим. Тейт заботился обо мне. Надеюсь, он в

порядке. Тогда ему было очень плохо. Его рвало так, что чуть кишки не вылезли. И он ко мне еще не приходил. Наверное, будет в ужасе, если наткнется на моих предков. Передай ему, чтобы все равно пришел, ладно? Мне нужно его увидеть. Все совершенно выходит из-под контроля. — Морган роняет руки на кровать и начинает рыдать. Вместо истерики — опустошенный плач того, кто исчерпал слезы еще несколько часов назад.

— Я найду его. И передам, — говорю я. — Просто поклянись... Поклянись, пожалуйста что больше никогда не притронешься к подобной дряни. Пожалуйста?

Она ерзает на кровати и берет меня за руки.

— Обещаю, Эвери. Никакой кайф этого не стоит.

Входит медсестра, миссис Кэплер следует за ней по пятам. Я извиняюсь и ухожу, думая об обещании Морган. Исполнит ли она его? Сомневаюсь, что да.

«Фастбэк» Люка тормозит возле больницы в восемь тридцать, спустя сорок минут после моего звонка. Высокая температура и музыка буквально окутывают меня, когда я сажусь внутрь.

Люк регулирует громкость, и инди-мелодия, которую он слушал, звучит приглушенным гулом на заднем плане. Прошлые несколько раз, когда мы виделись, он был гладко выбрит, но сейчас его челюсть уже отмечена темной тенью щетины. На нем снова толстовка с капюшоном, скрывающим большую часть лица. Он открывает передо мной дверь, отвозит нас к себе домой без лишних разговоров, по пути спросив лишь о Морган, и коротко улыбается, когда я рассказываю, что ее мама обвинила меня в торговле наркотиками. После мы едем в уютном молчании. Люк вполголоса подпевает и терпеливо ждет, когда образуются пробка. Я наблюдаю за ним краем глаза, пытаюсь выяснить, почему с ним настолько легко сидеть в тишине. Не могу вспомнить никого другого, с кем мне было бы так просто. Даже Морган или Лесли. Всегда должно происходить что-то, о чем можно поболтать или посмеяться. Люк просто кажется довольным... Тем, что мы здесь.

Когда мы останавливаемся, он выскакивает и, как обычно, открывает для меня дверь. Единственная разница — на сей раз я должным образом благодарю его. Я пытаюсь. Действительно очень пытаюсь не быть сукой, но защитный механизм, который выработался за последние пять лет, слишком надежен, чтобы рухнуть. Он охранял меня. Позволял чувствовать себя неприкосновенной. И теперь, когда я хочу немного снизить планку, оказывается, что это чертовски сложно сделать. Люк широко мне улыбается и жестом зовет в здание.

— Ты перекусила в больнице? Я собирался заказать китайской еды, — говорит он, доставая ключи из кармана и открывая входную дверь.

В памяти проносится дьявольская улыбка Кейси Фишер, но я вытесняю ее и пожимаю плечами.

— Нет, я не ела. Голосую за китайскую еду.

Похоже, ему это нравится. Люк заказывает огромную кучу еды из меню и уверяет меня, что она очень вкусная, пока я осматриваюсь в его квартире. В прошлый раз я была здесь после того, как он рассказал о книге мэра Брайта, и напилась до потери пульса. Тогда мне было не до того, чтобы что-то рассматривать, сейчас же стало любопытно. Квартира свободной планировки — типичная холостяцкая берлога. Огромная плазма на стене, с другой стороны шкаф, набитый DVD-дисками. Все его книги на полу — что мне не особо нравится — но то, что он сделал с ним, довольно круто. Ряд книг волной тянется через всю стену: где-то выше, где-то ниже. Делаю шаг вперед, чтобы рассмотреть, что же Люк читает.

Всего понемногу: Стивен Кинг, Нил Гейман, Диккенс, даже парочка поэтов. И в довесок — приличное собрание комиксов. Человек-Паук. Люк не очень-то похож на двадцатитрехлетнего парня, читающего комиксы про Человека-Паука.

— Тебе нравится Стэн Ли? — Его горячее дыхание опалает мою шею, и я почти выпрыгиваю из собственной одежды. Сердце выскакивает из груди. Парень действительно умеет незаметно подкрадываться. Он снимает капюшон, когда я оборачиваюсь, и стягивает через голову толстовку, оставаясь в простой черной футболке. У него отличное тело: офигенно крепкие плечи, руки, грудь. Черт, эти накачанные мышцы везде. Джинсы висят низко на бедрах; не тот стиль, по которому я тащусь, но не так низко, как носят некоторые парни; на нем это выглядит невероятно сексуально. Я хмурюсь и окидываю его взглядом, злясь на себя за то, что подметила это.

— Боюсь, мне нужна подсказка. Кто такой Стэн Ли?

Люк с усмешкой смотрит на меня и ведет на кухню.

— Он всего-навсего создал самые крутые в мире комиксы. Этот человек — гений.

— Тогда почему ты хранишь его шедевры на полу?

Медленная улыбка затрагивает губы Люка. Слушайте, он должен немедленно это прекратить.

Люк проходит вперед, на кухню, и мне приходится сделать шаг назад, чтобы пропустить его. В течение секунды, когда он вытягивает руку, меня одолевает паника: мне кажется, что он собирается коснуться моего лица. Но Люк просто наклоняется к холодильнику и снимает с него карточку, прилепленную магнитом, передает мне и поднимает бровь. Карточка — простой черный листок, на котором белым написано:

«Пол — самая большая полка в мире».

Я закатываю глаза и прикрепляю ее обратно на холодильник.

— Бережешь специально для таких случаев? Держу пари, постоянно на нее ссылаешься.

— Постоянно, — бормочет он. В его глазах игривый огонек, который раньше не был направлен. Он вызывает мурашки по моей коже. Я отступаю и сажусь за барную стойку — туда же, где прошлый раз выпила половину его виски.

— Пиво? — спрашивает Люк. Его голова исчезает в холодильнике.

— Давай, спасибо, — он достает «Бад Лайт», садится рядом со мной и начинает шарить по шкафчикам в поисках тарелок и столовых приборов.

— А ты не будешь? — спрашиваю я.

— Эм, нет. Мне еще везти тебя обратно. Полицейскому нельзя попасться на вождении в нетрезвом виде.

— Да ладно, я возьму такси. Не пить же в одиночку. — Протягиваю пиво и качаю головой. Пить одной — достаточно хреново. Нужно быть готовой к тому, что тебя стошнит на глазах у парня. Так что не такая уж это хорошая идея.

Люк, пожав плечами, достает из холодильника бутылку для себя, прислоняется к черной столешнице (похоже, у него вся мебель черная) и отвинчивает крышку, не отрывая от меня взгляд. Я следую его примеру и делаю глоток, зная, что он все еще смотрит.

— Что?

— Ты уверена, что хочешь этого? То есть, в деле до черта ужасающих подробностей. Ты когда-нибудь видела трупы?

Я делаю еще один внушительный глоток и ставлю бутылку на стол, уставившись на этикетку.

— Нет, не видела. И на самом деле не хотела бы никогда увидеть, но...

Люк засовывает свободную руку в карман и изучает меня.

Он пытается сообразить, выдержу ли я то, что увижу в файле, и судя по его бегающему взгляду — вряд ли.

— Ты не можешь скрывать все от меня, Люк. Я должна быть готова к этому кошмару, когда Колби Брайт опубликует свою книгу. Это все ложь. И я должна это доказать.

— Хорошо. Договорились. Но это вынесет тебе мозг. Будь к этому готова.

Он исчезает в длинном коридоре справа от кухни и возвращается босым, но с внушительной стопкой бумаг в руках. Файлы скреплены красной резинкой. Люк кладет их на стол передо мной и садится напротив. Стопка такая огромная, что я не в состоянии удержать ее одной рукой.

— И все это прислала тебе твоя прежняя напарница?

— Да.

— Наверное, вы хорошие друзья.

— Ага, типа того. У нее нет семьи. Сестра умерла, когда Хлоя была еще ребенком. Обоих родителей не стало еще раньше. Думаю, я самый близкий для нее человек. Вроде родственника.

Это так мило. И так в стиле Люка — быть «родственником». Я хмурюсь и окидываю файлы взглядом.

— Ты уже просмотрел их?

Он качает головой:

— Нет, не все. Только доказательства по поводу нескольких первых убийств. Хотел дождаться тебя.

Кладу руку на файл, но Люк накрывает ее прежде, чем я его раскрываю.

— Помни, никому ни слова. Никогда.

Я киваю.

— Совершенно секретно. Тюремный секс — отстой.

— Да, секс в тюрьме — реально гребаный отстой.

Взглядом заверяю его, что не подведу. Он читает меня, как открытую книгу. Убирает руку. Что, черт возьми, я сделала, чтобы завоевать его доверие? Я ни капли не чувствую, что заслуживаю его. И достаточно ли во мне сил, чтобы справиться с этим? Одно дело — смотреть фильм ужасов или читать о чем-то в новостях. И совершенно другое — столкнуться с кровавыми подробностями и деталями убийства, видеть реальную картину и прочитать показания семей жертв. Куча бумаг под моей рукой прожигает дыру в моей коже. На мгновение я решаю отодвинуть ее и попросить Люка обо всем забыть, но вспоминаю о папе.

Наполняю легкие кислородом, принимая решение.

— Ну, дело не ждет. Приступим.

Дьявол в его обличьях

На обороте папки четыре столбца с подзаголовками: «Жертвоприношение», «Обезглавливание», «Отравление» и «Утопление». Под каждым имена. Под одними больше имен, под другими меньше. Например, под обезглавливанием их семь, а под отравлением только два. Я просматриваю их (все женские), выискивая знакомые. Возможно, по новостям. Или, быть может, я кого-нибудь знала. Но имена остаются просто именами. Ни одно лицо не всплывает в памяти, когда я прокручиваю их в голове. Просто девочки, которые однажды пропали без вести и были убиты. Я сглатываю, инстинктивно чувствуя, что Люк наблюдает за мной. Переворачиваю страницу и смотрю на него.

— Что означает жертвоприношение? — пытаюсь сохранить беспечный тон. Люк наклоняется ближе через стойку.

— Их сожгли заживо.

— В огне? — Люк медленно кивает, и к моему горлу подступает тошнота. Я сглатываю. С трудом. — Итак, все эти девочки умерли одним из четырёх способов?

— Да. Частично по этой причине полицейскому управлению было так трудно поймать парня. Он не похож на рядового серийного убийцу. Обычно у них есть почерк, как я и говорил. И причина, по которой они убивают людей, которых выбирают. Нужно выявить почерк и из этого подготовить профиль. На его основе можно предугадать, как они собираются вести себя в будущем. До этого случая метод срабатывал сотни раз, когда мы попытались поймать убийцу. Но на сей раз вышла заминка. Ни один из психологов в штате не мог понять этого парня. Не мог выяснить, как символы связывают жертв. Единственная очевидная подсказка — способ, которым их убивали, но это нам ничего не давало.

Мой пульс чертовски везде: бьется на губах, ногах, кончиках пальцев. Трудно сосредоточиться, когда мое тело жаждет отодвинуться от стола и оказаться максимально далеко от файла.

— Что ты имеешь в виду? Почему способ является подсказкой?

— Прости, я фигово объясняю. Четыре способа смерти и эти четыре символа соединились вместе. Посмотри. — Люк перелистывает несколько страниц и выдергивает листок бумаги, похоже, копию фотографии в черно-белых тонах. Рука крупным планом лежит ладонью вверх на чем-то, похожем на мокрую траву. Запекшаяся кровь на бледной коже запястья. Скрючившиеся пальцы, обломанные ногти с кусками грязи и крови. Сморщенная и воспаленная плоть. Посередине ладони первый символ, который я узнала, — продольная восьмерка, выжженная на коже. Резко вдыхаю через рот. Не через нос. Клянусь, если я вдохну через нос, то почувствую запах истории, которую рассказывает мне эта картина, — огонь, сожжение, медно-красное, едкое. Люк переворачивает фото и указывает на небрежно написанный текст на обороте.

«Джейни Питерсон, 15 марта.

Сожжение. Найдена в трех милях по 180 шоссе Рок-Спрингс».

— Связь между этим символом и обезглавливанием обнаружили довольно быстро. Для этого уroda такой способ убийства был любимым. Почти половину жертв он прикончил именно так. Похоже, убийству всегда предшествовала борьба. Большинство офицеров, которые работали и до сих пор работают по этому делу, считают, что убийца давал девушкам сбежать и потом разыскивал их.

— Почему? Почему он так делал?

Люк допивает пиво и ставит бутылку в раковину. Достает еще две из холодильника и ставит одну передо мной.

— Некоторые из них любят играть в догонялки, — говорит он неловко. — У девушек не было реального шанса сбежать. Он выбрасывал их в заброшенных местах за пару миль от дороги. Этого, вероятно, достаточно, чтобы дать им призрачную надежду на спасение. По правде говоря, их шансы были ничтожны.

Где-то в горле скапливается желчь. Разум уносит меня обратно к трейлеру о Вайомингском Потрошителе. Рваное, испуганное дыхание девушки, которая убегала, пытаюсь сохранить свою жизнь. Не нужно смотреть фильм, чтобы понять: бедняжке это не удастся. Рука дрожит, когда я открываю вторую бутылку пива и, закрыв глаза, чувствую, как холодная жидкость скользит вниз по глотке.

— Полегче. Мы же не хотим повторения того, что было в прошлый раз, — тихо говорит Люк. — Если для тебя это слишком трудно, я продолжу искать один и дам тебе знать, если что-то нарою. — Он снова бросает на меня взгляд, полный беспокойства. Я качаю головой. Нет мотивации лучше, чем мысль об очищении имени моего отца, и она толкает меня вперед.

— Я не могу, — бормочу я, быстрым движением опрокидывая в себя половину пива. — Это важно. Мне, наверное, всю оставшуюся жизнь будут сниться кошмары, но я не могу отказаться. Мой папа никогда бы не сдался, если дело коснулось бы меня.

Смешок Люка поражает меня. Короткий, едкий и, возможно, немного ироничный. Я ошетиливаюсь, раскачиваясь на стуле.

— Что это было?

В глазах Люка появляется резкость, когда он смотрит на меня.

— О чем ты?

— О смехе, вот о чем. Я не могу заниматься с тобой этим делом, если ты считаешь меня сумасшедшей. Мой папа был хорошим человеком, Люк. Я провела последние пять лет, защищая его перед всеми, кроме тебя. И у меня нет сил начинать сейчас. Не думаю, что оно того стоит.

Еще секунд пять, и я вскочу с места и убегу прочь из квартиры. Люк, должно быть, видеть это в моих глазах.

— Я не такой уж ублюдок, Эвери. И смеялся над нелепостью всех этих вещей. Я облажался. Ты не должна защищать Макса передо мной. Я знаю, что он был хорошим человеком. Он был не просто моим школьным учителем информатики, понимаешь? А был моим другом. Макс был единственным, кто помог мне, когда я нуждался в этом.

— Что? — не могу представить моего папу помогающим Люку. Его так долго не было, что я забыла, каким он был с окружающими. Каждое воспоминание об отце связано с тем, что он значил для меня. Макс Бреслин, который был учителем в моей школе, добровольцем в местной пожарной станции, наставником подростков в общине Брейквотера по выходным, был практически забыт. Я опускаю голову и обнимаю себя руками, чувствуя себя крошечной.

Если Люк говорит, что папа помог ему, это может означать только одно.

— Мой папа взял шефство над тобой? — тихо спрашиваю я.

— Да.

Я не могу поднять глаза на Люка. Похоже, он злится. Я хочу знать почему, но не готова спросить. Папа занимался только с мальчишками из распавшихся семей, с теми, кто пострадал от насилия в приемных семьях, жертвами жестокого обращения и беспризорниками. Люк из хорошей семьи. У него милые мама и сестра; я знаю их всю жизнь. Его отец вместе с моим были членами одного клуба охотников. Я до сих пор помню, что они вместе ходили на охоту по выходным, пока Клайв Рид не погиб (осечка ружья). Мне было тогда восемь. Люку было, наверное, лет одиннадцать-двенадцать. Скорее всего, именно поэтому мой отец взял Люка под опеку. Чтобы тот справился с грузом, свалившимся на него после смерти отца. И рана до сих пор не затянулась. Я уважаю его нежелание говорить об этом, так как знаю, что это такое. Допив остатки пива, отвожу от него взгляд, не зная, что делать. Сосредоточиться на файле — лучшее, чем можно занять себя сейчас, даже если после увиденного меня вывернет.

— Рок-Спрингс находится в семидесяти милях от Брейквотера, — замечаю я, внимательно посмотрев на фото. На скопированном снимке куча отпечатков пальцев. Похоже, тьма народу, пытаюсь определить значение символов, брала его в руки до того, как сделали копию. Около минуты Люк хранит молчание. Его голос надламывается, когда он, наконец, говорит:

— Не суть. Убийцы вроде него не боятся передвигаться, если это нужно для дела, — он подхватывает мои пустые бутылки вместе со своими и скидывает в раковину. Они оглушительно гремят, пока Люк там возится. Я знаю, что он ищет.

— С каких это пор ты начал курить?

Он поворачивается с пачкой в руке. Выражение лица сулит бурю.

— Обычно я не курю. Кейси начала пару лет назад. Раньше я курил, когда мы куда-нибудь выбирались или в клубах. С тех пор, как мы расстались, едва ли выкурил десяток штук. Это прошлогодняя пачка.

Это объясняет, почему у него нет зажигалки. Судя по тому, как задирается его футболка, оголяя нижнюю часть спины, Люк прикуривает от плиты. Сигарета тлеет, когда он поворачивается. Я отвожу взгляд: неловко так таращиться на его обнаженную кожу. Он все еще выглядит хмурым.

Я и мое хреновое настроение — причины, по которым от Люка исходят лучи напряжения.

— Извини, что сорвалась, — произношу я, наконец, уверившись, что могу встретиться с ним взглядом. Он пожимает плечами и затягивается дымом, мышцы его челюсти дергаются.

— Порядок. У тебя есть все основания защищаться. Похоже, твой отец никогда не упоминал, что знал меня.

Я качаю головой.

— Папа никогда не говорил ничего о людях, чьим наставником был. Он сказал мне, когда я была маленькой, что это конфиденциально. Обещание сохранить тайну — иногда единственный способ помочь кому-то.

— Это мне в нем и нравилось, Эвери. Я доверял ему. Он был добр ко мне. Я долго ревновал его к тебе.

Мои руки все еще сжимают бутылку пива.

— Что? Почему?

— Не знаю. Думаю, иногда... — он прочищает горло и смотрит сквозь меня в окно на город: огни, движение и толпу. — Бывали дни, когда я хотел, чтобы он был и моим отцом тоже.

Люк никогда не говорил мне подобного раньше. Он даже не намекал, что знал моего папу за пределами школы и пределами того, что нашел его тело. В горле чувствуется комок. Я не понимаю, что чувствую, эмоции сплелись в тугой клубок: печаль, любопытство, сострадание боли, что видна в его глазах. Гнев пугает все карты, еще секунда уходит на то, чтобы понять, почему он здесь. Люк был очень близок с моим отцом, настолько, что спустя пять лет после его смерти все еще чувствует себя опустошенным. Между ними была связь, достаточно сильная, чтобы заставить броситься на защиту папы даже после всего того, что о нем болтают. Это открытие все проясняет. Люк фактически разделяет мою участь — оскорбление и боль от людей, клеветующих на кого-то важного для тебя — и некая часть меня не хочет делить ее с ним.

— Мне нужно еще пива, — говорю я ему.

Вместо того, чтобы попросить достать мне еще бутылку, встаю и сама беру ее. Его глаза неотрывно следят за мной, пока я иду к холодильнику; щеки горят. Меня ужасно смущает пристальный взгляд Люка — прямо сердце выскакивает из груди. Украдкой поглядываю на него и замечаю, что он совершенно, абсолютно неподвижен. Даже не мигает.

— А ты будешь? — спрашиваю я в надежде вывести его из оцепенения.

— Спасибо, — шепчет он и берет бутылку из моих рук. Мы оба вздрагиваем, когда наши пальцы соприкасаются. Мне не нравится искра, которая проскальзывает между нами. И я намеренно вздергиваю подбородок. Дым от сигареты Люка наполняет легкие: я стою слишком близко к нему. Нахмурившись, отхожу подальше и замечаю вспышку на лице Люка. Включаю вытяжку. Слышен резкий шум, громкий звук ослабляет напряженность, витавшую в воздухе. Люк бросает мне кривую улыбку, делает последнюю затяжку наполовину скуренной сигареты, тушит ее и выключает вытяжку. Я возвращаюсь на прежнее место, борясь с краской, угрожающей разлиться по моим щекам. Знаю, я видела это в его глазах, когда склонилась над ним: он хотел поцеловать меня. И вся загвоздка в том, что если бы Люк попытался это сделать, я бы его не останавливала. Сны, постоянные мысли о нем... На сто процентов ясно, чего хочет мое тело. Чего хочет мое сердце. К счастью, моя голова, кажется, большую часть времени берет верх.

Мгновение спустя Люк — воплощение деловитости. Противоречивый взгляд исчезает.

— Хм, конечно, это маловероятно, но все же... Твой отец вел дневник?

— Нет, я ничего не знаю об этом.

— Как думаешь, твоя мама могла его сохранить, если он все же существовал?

Саркастичный смех срывается с губ.

— Понятия не имею. Вряд ли. Она наняла грузчиков, чтобы те собрали и перевезли ее вещи, поэтому, скорее всего, нет. Уверена, все его имущество до сих пор в доме.

— Подожди, дом в Брейке все еще принадлежит ей?

Я стреляю в него осторожным взглядом.

— Теперь он принадлежит мне.

— Что?

Делаю большой глоток пива. Понятно, к чему он клонит. Хотя, что, черт возьми, я могу с этим поделать?

— Я унаследовала дом в восемнадцать. Мама думала, я продам его. Она была в бешенстве, когда я сказала, что решила его сохранить.

Это был последний гвоздь в крышку гроба наших близких отношений. До сих пор помню отвращение в ее взгляде, когда она говорила мне, что я сошла с ума и нуждаюсь в лечении, если собираюсь цепляться за мавзолей, где жило «чудовищное зло». Наверняка, Люк сейчас внимательно смотрит на меня и ждет, что я что-то добавлю. А я молчу.

— Тогда мы должны поехать и поискать дневник. Я не могу поверить, что все это время дом пустовал, — бормочет он.

— Ну, он находится на окраине города. Ты бы никогда не заметил, что он был нежилым все эти годы. Тебе же не приходилось постоянно проезжать его по пути куда-нибудь.

Всегда любила эту отдаленность. Наш дом находился вдали от мира, и я чувствовала себя уединенно, живя там только с моей семьей и сумасшедшей старухой миссис Харлоу по соседству. Она умерла через год после того, как я переехала к Брэндону. Сейчас мой дядя — единственный человек, который там бывает. Он следит за сохранностью дома и ухаживает за ним по мере сил. Регулирует зимой отопление, чтобы избежать сырости. Раньше я ездила туда, когда чувствовала себя особенно подавленной после издевательств ребят в школе; периодически подумывала сжечь его дотла, но никогда не хватало смелости.

— Я не поеду туда, Люк. Просто не могу.

— Но это... — его прерывает громкий звонок интеркома. Он вздыхает. — Еда прибыла.

Еще секунду он пристально на меня смотрит и, с трудом отведя взгляд, поворачивается к дверному глазку. А потом в тишине заносит на кухню китайскую еду и расставляет ее. Когда он собирает фотографии и другие бумаги, выпавшие из файла, и аккуратно убирает их, чтобы можно было поесть, втайне я ликую. Люк не возвращается к теме поездки домой, пока мы наполовину не опустошаем свои порции.

— Понимаешь, если он действительно вел журнал или дневник по работе, есть вероятность, что мы сможем опровергнуть теорию Колби Брайта. У него может быть алиби на те дни, когда убили тех девочек.

Алиби. Термин очень похож на тот, что обычно используют при обвинении, но Люк прав. Неужели мой отказ вернуться туда может нам помешать? Мне понятно, почему он так его воспринял, но я действительно в ужасе. Чертовски в панике. Настолько, что задыхаюсь от одной мысли о том, чтобы вернуться и переступить порог дома.

— Может быть... Может, ты мог бы взять у Брэндона ключи и наведаться туда, когда в следующий раз поедешь домой?

Люк выглядит растерянным.

— Я даже не знаю, где и что смотреть, Эвери.

— Брэндон тебе поможет. — Знаю-знаю, я трусиха. Ну да, в свете последних событий, мужество — не мой конек.

— Вариант, — подытоживает Люк, хотя в его взгляде видно сомнение. Мы заканчиваем есть, и я иду мыть посуду, а он делает вид, что не смотрит на меня. В свою очередь, я делаю вид, что ничего не замечаю, споласкивая наши пивные бутылки и бросая их в переработку.

— Ты все еще собираешься брать такси, чтобы поехать обратно в Колумбийский? — спрашивает он, когда я заканчиваю. Бросаю взгляд на часы — почти полночь.

— Да, и будет лучше, если я позвоню прямо сейчас.

— Твой парень может забрать тебя? — спрашивает Люк, наклоняясь вперед на столешницу. Мои плечи напряжены от странных нот, которые я слышу в его голосе.

— Если бы у него была машина, смог бы. Как я уже сказал, он не... Я не уверена, что он мой парень. Мы просто тусовались вместе. — Фраза «мы просто тусовались» о нас с Ноа, сказанная Люку, делает меня распутной в его глазах? Отлично. Теперь он подумает, что я сплю со всеми подряд. — Не то чтобы мы... Не то чтобы я... Мы не...

Люк улыбается, запускает руку в волосы и взлохмачивает их, что заставляет его выглядеть словно после отличного секса.

— Все в порядке, Эвери. Хорошо, что у тебя кто-то есть.

— У тебя тоже, похоже, все хорошо с Кейси. Она все еще ненавидит меня из-за моего отца, но это здорово, что у вас все наладилось. Вы так долго были вместе. И вполне естественно, что дали друг другу еще один шанс.

Мимолетный хмурый взгляд мелькает на его лице.

— Мы с Кейси не вместе, Эвери. Она приходила за своими вещами. Эм-м... — на его лице отражается понимание. — Эм-м... Возможно, все выглядело иначе, потому что я был... — Люк не договаривает, и я мысленно продолжаю: полуголый, взъерошенный, сексуальный, как сам черт. Он закатывает глаза, издавая сдавленный звук, похожий на смех. — Нет, Кейси была здесь, когда я вернулся с работы. Я собирался принять душ, когда она вышла из тени. И я подумал, что это грабители. Кейси сказала, что пришла отыскать кольцо, которое досталось ей от матери. Мы поссорились из-за ее прихода, и тут появилась ты. Просто оказалась не в то время и не в том месте.

Узел напряженности в моем животе разжимается; я практически парю над землей.

— Ага, но она выглядела так, словно собиралась напасть на меня.

— Она думала... Спрашивала меня, вижу ли я с тобой, — говорит Люк. Он сосредотачивается на поверхности столешницы: внезапно мраморно-серые узоры становятся для него дико интересными.

— Ха! Она, наверное, решила, что ты спятил.

— Почему ты так думаешь?

— Это очевидно. Что она говорила? Ах, да: «Я вижу, что ты все еще увлечен этой жуткой девчонкой. Я — ужас, летящий на крыльях ночи, для таких людей, как она. И потом, примем во внимание тот факт, что ты слишком взрослый».

— Я не слишком взрослый!

— Прости, конечно, это не так. Ты читаешь комиксы про Человека-паука, в конце концов. Я имела в виду, ты старше меня.

— На три с половиной года. — Я поднимаю глаза и вижу, как он буквально впивается в меня взглядом. Люк еще ни разу не смотрел на меня так... Пожирающим, вождедеющим взглядом. — Три с половиной года — это ничто, красавица.

Впервые от этого прозвища моя кожа вспыхивает. И его голос — тон его голоса — низкий, завораживающий и ласковый.

— Согласна. — Я чувствую себя неловко, смущенная его взглядом. Надеваю пальто и направляюсь к двери. — Спасибо за ужин, Люк. И спасибо за... — Не уверена, стоит ли благодарить за те ужасные фото и информацию, но он рискнул показать их мне. Я чувствую, что должна поблагодарить его за оказанное доверие. Он проходит через всю комнату и кладет руку на ручку двери, удерживая ее закрытой.

— Ты не выйдешь из этой квартиры, Эвери. Уже слишком поздно. И ты не вызвала такси.

Я смеюсь, пытаюсь убрать его руку.

— Это Нью-Йорк, Люк. Здесь тысячи такси. Я мигом остановлю любое.

Его рука не двигается с места.

— Это Нью-Йорк, Эвери. Здесь тысячи психов. Скорее, тебя мигом ограбят.

— У тебя извращенный взгляд на вещи. Издержки профессии, — говорю я ему. Это похоже на правду, не так ли? Работа в полиции, безусловно, накладывает отпечаток даже на самых заядлых оптимистов. Люк посылает мне плутовскую, чертовски сексуальную улыбку и наклоняется головой к двери, все еще не выпуская меня.

— Ты можешь остаться здесь. И спать в моей постели. Я опять устроюсь на диване, без проблем.

— Люк.

— Эвери.

Я знаю, он хочет сказать Айрис, и это заставляет мои уши гореть. Люк слишком близко. Я отступаю на пару сантиметров, он пододвигается, прижимается к двери и скрещивает руки на груди, подчеркивая накачанные мышцы. Я смотрю на собственные ноги и пытаюсь придумать, что можно сказать, чтобы отвлечься от неподходящих мыслей, наполнивших мою голову.

— Я останусь, если утром ты отвезешь меня в больницу.

— Договорились, — шепчет он.

В итоге он ложится на диване, а я второй раз сплю в постели Люка Рида. На сей раз однако, я достаточно трезвая, чтобы чувствовать его запах на простынях. Достаточно в своем уме, чтобы понимать, что он лежит на расстоянии в шесть метров по другую сторону двери. И достаточно жалкая, чтобы признаться в предательстве собственного тела.

Легче

— Почему мое постельное белье на полу?

Люк протягивает мне тарелку с тостами. Они намазаны маслом с обеих сторон. Сонно пожимаю плечами и беру тарелку.

— Мне было слишком жарко.

— Ты шутишь. Ночью была холодина. Я трижды просыпался оттого, что ноги и руки просто леденели.

Мои руки и ноги, собственно, чувствовали себя точно таким же образом, но я не могла допустить, чтобы его постельное белье было на мне. Ощущалось так, будто вместо них был Люк, и я боялась собственной реакции.

Хрущу тостом и залпом опрокидываю в себя кофе, который он мне приготовил — снова очень сладкий.

— Я быстро в душ, а потом подкину тебя в больницу, договорились?

— Заметано.

— Если тоже хочешь в душ, присоединяйся, — говорит он, подмигивая.

Я давлюсь, и горячий кофе попадает мне в нос. Люк смеется.

— Я так и подумал. — Он бросает огромное белое полотенце через плечо и исчезает в прихожей, оставляя меня задыхаться. «Я так и подумал?» Он ждал, что я разбрызгаю кофе по всей кухне? Подумал, что я отреагировала так от отвращения или неловкости? Святые угодники, моя реакция была ужасной. Вытираю рот тыльной стороной ладони, все еще глядя ему в след.

Я чего-то не понимаю. Люк похож на образцового джентльмена девяносто девять целых и девять десятых процентов времени, а потом вдруг бац — и выдает что-нибудь подобное. Это ни капли на него не похоже. Но, блин, насколько хорошо я на самом деле знаю его? Кроме той фигни: «Мне хотелось, чтобы твой отец был моим»? Здесь кроется что-то еще, я чувствую это. По большей части он уравновешенный и уверенный в себе тип. Но мне кажется, под маской задумчивости и спокойствия скрывается абсолютно другой человек, готовый подобраться ко мне ближе и уничтожить. Малая часть меня жаждет помчаться по коридору, распахнуть дверь ванной и выразить свое недовольство за то, что он дразнил меня. Другая, тревожно большая часть хочет помчаться по коридору, распахнуть дверь ванной, снять с себя одежду и позволить ему трахнуть меня в душе.

До меня доносится шум воды, и по коже бегут мурашки. *Прекрати думать об этом! Прекрати думать об этом, черт возьми!* Я должна отвлечься от голого Люка, промокшего насквозь и кружащего руками по намыленным, офигительно накачанным мускулам. Как мое тело будет скользить и тереться об него, когда он будет толкаться в меня снова и снова, пока обжигающе горячая вода будет литься дождем на наши извивающиеся тела. Что, черт возьми, со мной не так?

Я не могу думать об этом. Просто не могу. Медленно подхожу к низкому столику и поглаживаю пальцами файл, который все еще там. Одно прикосновение — и на меня будто вылили кувшин холодной воды. Ну, по крайней мере, эта тактика сработала. Сердечный

ритм ускоряется раза в три, когда я наугад открываю папку. Безопасное место. Файл пестрит заметками: от страницы к странице еле различимый текст, небрежно написанный сине-красно-черной шариковой ручкой. Просматриваю их, не сосредотачиваясь на странице слишком долго на тот случай, если там есть что-то, чего я не хочу видеть. Глупо, учитывая, что мне нужно все, что касается отца, но я слишком возбуждена даже для того, чтобы просто прочитать отчеты.

Папка пролистана уже почти на четверть, когда из документов выпадает фотография и плавно скользит на пол. Со снимка на меня смотрит бледное лицо юной девушки. Ей около пятнадцати. Ее светлые волосы настолько обесцвечены, что кажутся почти седыми. Кроме фарфоровой белизны кожи и отчетливого фиолетового оттенка губ ничего не намекает на то, что она мертва. Голубые глаза открыты, смотрят вдаль; обвинительные нотки в них заставляют меня дрожать. Полагаю, она слегка похожа на меня, когда я была в ее возрасте. Более чем просто слегка, на самом деле.

— Уже играешь в детектива? — Люк неожиданно оказывается всего в нескольких сантиметрах позади и заставляет меня подпрыгнуть так, что я почти роняю кофе.

— Блин, ты пытаешься... Убить меня? — Мозг мгновенно отключается, когда я вижу, что на нем только полотенце и капельки воды бисером покрывают его обнаженную грудь и руки. Привет, фантазии о душе. Татуировки, которые я мельком вижу, довольно обширны: трайбл тату, спускающаяся сверху от плеч к рукам, вступает в поразительный контраст со слабым золотистым загаром его кожи. На правом бицепсе курсивом небрежно выведено: D.M.F.

Перевожу взгляд на его лицо и понимаю, что пора прекращать глазеть, Люк посылает мне легкую улыбку. Он наклоняется, чтобы забрать фотографию, открывая вид на татуировки, покрывающие спину: это струящиеся яркие крылья в том же стиле, пересекающие лопатки — широкие, мощные черные линии. Чернила действительно любят его тело, подчеркивая движение мышц.

Люк выпрямляется, удерживая полотенце на талии, и передает фотографию.

— Вот. — Улыбка расцветает на его лице, будто он знает, о чем я думаю. Но даже если это и так, Люк, очевидно, не собирается воплощать мою фантазию: убрать полотенце, забросить меня на плечо, унести в спальню и по-настоящему жестко наказать.

— Спасибо.

Я хватаю фотографию и изучаю ее внимательнейшим образом. Крепко стиснутая челюсть, наверное, не вяжется с горячим румянцем на щеках... Реагирую, как в тринадцать лет: будто никогда до этого не видела парня без рубашки.

— Что значит аббревиатура D.M.F? — спрашиваю я, притворяясь равнодушной. Но, мать моя женщина, ничего подобного.

— Название нашей группы, — говорит Люк. — Парни подумали, будет прикольно дразнить людей аббревиатурой и не расшифровывать значение.

— И что оно значит?

Он поднимает бровь, его улыбка просто убивает.

— Если я тебе расскажу, то окажусь на дне Гудзона без зубов и отпечатков пальцев.

— Черт, все так серьезно.

— Просто ты не знаешь моих коллег по группе.

Надо что-то говорить, иначе все закончится тем, что я буду стоять и пялиться на него с открытым ртом.

Указываю на фотографию, выпавшую из папки:

— Ты знаешь, кто она?

Люк убирает влажные волосы с глаз и бросает взгляд на белокурую девочку, безжизненно смотрящую на нас с фото.

— Нет. Я уже говорил, что ждал тебя и ничего не смотрел. — Он аккуратно проводит рукой по моей ладони и переворачивает изображение, наклоняясь ближе, чтобы прочитать надпись на обороте.

«Лорели Уитман, 6 августа.

Отравление. Берег озера Джексон, Национальный парк Гранд-Титон».

Отравление. Это объясняет, почему нет крови и признаков борьбы. Я отхожу от Люка и убираю фотку обратно в папку.

— Отравлены были всего две девочки, так? Чем? Что убийца использовал?

— Стрихнин. Средство, вызывающее судороги. Обе девочки задохнулись. Это два последних убийства, после которых все прекратилось. Также только на ладонях у этих двух был тот четвертый символ. — Люк пролистывает файл, пока не находит картинку символов, и указывает на тот, которым клеймились жертвы яда. Это — окружность из записки, которую он прислал мне на днях. Большой круг с двумя кругами поменьше внутри. — Мой источник в полиции Вайоминга говорит, что эти девочки отличались от других. Их смерть была не такой мучительной. Ну, относительно, конечно. Удушье, тем не менее, ужасный способ умереть.

Я делаю глоток кофе и сажусь на кожаный диван, стараясь не представлять, каково это — умирать вот так. Люк продолжает говорить:

— Она сказала, это даже напоминает некую извращенную заботу. Волосы тщательно вымыты, ногти на руках и ногах покрашены.. Их родители прежде никогда не видели эту одежду. Будто он решил нарядить этих двоих, словно кукол.

— Полный бред. Почему все так запутано?

— Поскольку... — Люк кладет руку на затылок, лицо искажает гримаса. — Остальные случаи другие. Характеризуются насилием и жестокостью. Там не было ни капли доброты. В большинстве случаев оскверненные тела. Одни больше, другие меньше.

Моя грудь напрягается. Оскверненные. Такое ужасное слово. Вызывает картинки жестокого сексуального насилия, которое невозможно четко представить. Тру глаза тыльной стороной руки. Хочется спросить, были ли девочки изнасилованы, но не хватает духу. Я все еще связываю эти зверские действия с утверждениями Колби Брайта о моем отце, и это слишком.

— Похоже, меня сейчас вырвет.

— Прости, Эвери. Я знаю, это трудно. Не стоило тебя впутывать. Я сам попытаюсь накопать что-нибудь. И сообщу, если нарою что-то интересное, хорошо?

Я пытаюсь успокоить нервы, связать мысли и сказать, что все в порядке, но это не так. Не могу связать двух слов и не могу выдержать подробности. Наверное, лучше позволить ему сделать всю работу, требующую беготни. Но мой папа... Он бы чувствовал, что я подвела его. Опускаю руки.

— Люк?

— Да? — Он смотрит на меня, впиваясь взглядом, от которого перехватывает дыхание.

Усилием воли пытаюсь не отводить глаза.

— Ты справился с этим? Если я продолжу жить дальше, станет легче?

Выражение лица Люка не предвещает ничего хорошего.

— Нет. Не становится легче.

Ноа: Эй, ты куда пропала? Тейта не видно с вечеринки. Его искали копы.

Сообщение приходит в тот момент, когда мы подъезжаем к больнице «Вудхалл». Люк украдкой бросает взгляд на мой телефон. Надо ответить, или это покажется странным.

Я: Блин. Я на пути в больницу. Надо сказать Морган.

Ноа: Встретимся там.

— Это твой парень, который не-парень? — спрашивает Люк.

— Да. Он сказал, что Тейт, парень, который был с Морган на вечеринке, не показывался дома. Морган просила меня его найти. Она с ума сойдет, когда узнает, что я не просто не смогла его найти, а еще и что никто не видел его уже пару дней. Ты... Ты знаешь что-нибудь о нем?

Он отрицательно мотает головой.

— Это не мой участок. Хотя я могу задать пару вопросов.

— То, что его не видели так долго, довольно плохо, так ведь?

Люк подбадривает меня улыбкой, больше смахивающей на гримасу.

— Нет. Не так.

Когда мы приезжаем в больницу, Люк выходит из машины и провожает меня в здание, но останавливается у раздвигающихся дверей. Весь мир сегодня покрыт слоем матового стекла: безразличного и холодного, а он — единственная яркая вещь в нем. Его щеки покраснелись от короткой прогулки через парковку. Зеленый шарф выделяется на фоне приглушенных синих и бело-серых оттенков.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спрашивает он, раскачиваясь на пятках в попытке согреться. Я действительно не знаю, что сказать. Люк и Ноа в одном месте? Я разрываюсь. Но очень хочу, чтобы он остался. Даже больше, чем должна бы.

Открываю рот, чтобы сказать это, но потом задумываюсь. Легкая улыбка Люка тускнеет. Он отступает, удерживая руки в карманах своей кожаной куртки.

— Если есть люди, которые должны тебя здесь встретить, это означает, что я могу пойти домой и поработать над делом. Если я тебе не нужен.

«Если я тебе не нужен».

Я кусаю щеку изнутри.

— Спасибо, Люк. Спасибо, что подвез, и за вчерашний ужин, ну, в общем, за все.

Он натягивает капюшон, все еще отступая назад.

— Для этого и нужны друзья, верно?

Поддаваясь порыву, я необдуманно спрашиваю:

— А мы? Мы — друзья, Люк?

Он делает паузу, выдувая спирали пара на холодном утреннем воздухе.

— Конечно, красавица, — усмехается и уходит.

20 глава

Слабак

Люк

Я прокручиваю ее ответ на мой вопрос, заданный перед уходом. *«А мы? Мы — друзья, Люк?»*

Каждый раз, когда я слышу в голове ее голос, мне становится плохо. Конечно, мы друзья, и она это знает. Глубоко в душе Эвери знает, что мы даже больше, но отрицает это. Я понимаю почему. И принимаю это, всегда принимал. Для Эвери я — ходячее несчастье, напоминание о боли. Но она для меня — нечто другое. И в один прекрасный день, надеюсь, она проснется и поймет, что я больше не тот Люк — полицейский, который работал над делом о самоубийстве-убийстве ее отца. Я смогу быть Люком, который все исправил, или Люком, в которого она влюбилась, несмотря ни на что.

Мне даже не стоило спрашивать, было ли то сообщение от ее парня. Каждый раз, когда я думаю о парне, с которым она была в «У О'Фланагана», хочется рушить гребаные стены. А я уже дрался со стенами до этого. И никогда не выигрывал.

Это и правда отстойно, что она колебалась, когда я спросил, хотела ли она, чтобы я остался с ней в больнице. Я видел, что она передумала, когда я уже собрался уходить, но было слишком поздно. Я решил уехать, и никому из нас не была нужна еще более неловкая ситуация. И я уехал. А она пошла внутрь, чтобы встретить того парня — Ноа. Поверить не могу, что фактически оплатил тогда их ужин. Какого, твою ж мать, хрена? И я никак не выделяю время, чтобы проверить свои догадки по поводу Морган.

Я не видел девчонку, начиная с той ее выходки в Уильямсберге, где она цеплялась за меня, как утопающий за соломинку. Вернувшись в квартиру с намерением внимательнейшим образом изучить дело Макса, я застаю Коула, который сидит на моем пороге с чехлом для гитары, подпирающим стену рядом с ним. Парень ухмыляется, заметив мое удивление, без слов понимая, о чем я думаю.

— Если бы я позвонил, — говорит он, — ты бы сказал, что занят.

— Я и правда занят, — говорю ему. Открываю дверь в квартиру, оставляя ее приоткрытой, чтобы он мог зайти за мной внутрь. — В чем дело, Коул?

Темные волосы, темные глаза, куча татушек. Парень качается столько же, как и я. Когда люди впервые видят нас вместе, то часто по ошибке принимают за братьев. И Коул действительно мне как брат. Я люблю его так, будто мы кровные. Мы и ссоримся так, будто одной крови. Он с разбегу шлепается на мой диван и возится с гитарой, доставая ее из чехла.

— У меня есть серьезный разговор к тебе, чувак. Тебе стоит посмотреть на то, что нам прислали из MVP.

Теперь я замечаю ее — стопку бумаг под гитарой Коула, толщиной с телефонный справочник.

— Они прислали контракт?

— Просто просмотри его. — Коул перебирает струны на гитаре — Highway To Hell, AC/DC. Я усмехаюсь ему, потому что это первая песня, которую мы играли вместе, когда

оказались на одной сцене два года назад.

— У меня нет времени читать все это, Коул.

— Как насчет того, что я все тебе перескажу? Они предлагают нам контракт на год. Знаешь, что это значит?

— И что это значит?

— Это значит, что ты можешь взять на работе отпуск за свой счет на двенадцать месяцев и посмотреть, нравится ли тебе жизнь рок-звезды. И не говори мне, что не можешь, — говорит он, указывая пальцем на меня. — Я интересовался всей этой хренью. Ты можешь взять целый год и после вернуться к работе с сохранением оклада в том же чертовом звании, если реально захочешь. Мы выпускаем с ними один альбом, и если ты все еще будешь это ненавидеть, наши дорожки расходятся.

— В чем смысл? На кой черт мне впустую тратить год, если я хочу работать в полиции?

— Потому что, осел, к тому времени MVP поймет, что мы офигительные с тобой или без тебя. И ты тоже поймешь, что не представляешь жизни без музыки. В общем, все в плюсе. Мы сможем продлить наш контракт и выйти на мировой уровень.

— А что если я не хочу бросать работу на год?

Коул стреляет в меня убийственным взглядом.

— Они предлагают полную свободу творчества. И шесть месяцев записи на «Парамаунт». Большинству команд дают пару недель, и если те не создают шедевр, выбрасывают их задницы на помойку. Плюс ко всему, мы можем выбирать, с кем хотим работать, а с кем — нет. Мы выбираем продюсера. Мы выбираем артистов на разогрев, если хотим. Ни у кого не было таких условий, Люк. Ни у кого, кроме нас. И все, что тебе нужно, дать нам один год своей жизни. Ты должен мне этот год, дружище. Ну же, давай.

Если бы он орал и истерил, я бы запросто вышвырнул его пинком под зад. Но нет. Он на сто процентов сосредоточен, спокоен и хладнокровен. Он действительно жаждет этого — я чувствую вибрации, исходящие от его наэлектризованного тела. И я реально должен ему этот год. Я не часто вляпываюсь в дерьмо, но когда это происходит, он всегда помогает все разрулить. Он буквально собирал меня по кусочкам, когда в этом была необходимость. Я снимаю крутку, бросаю ее на диван и сажусь рядом с ним. Он протягивает мне свою акустическую гитару. Не так много людей на этой планете могут претендовать на то, что Коул Рексфорд доверит им свою малышку. Пробежав пальцами по струнам, я начинаю наигрывать Среер, Radiohead. Коул смеется.

— Похоже, ты считаешь мою тактику мошенничеством? — спрашивает он.

— О нет, что ты, — нахмурившись, я качаю головой. — Я считаю, что ты гребаная Мать Тереза. — И продолжаю играть, подбирая мелодию.

— Они говорят, ты можешь писать о чем угодно. Никакого постороннего вмешательства, — уговаривает меня Коул. — Твою мать, Рид, ну что ты как баба. Господи. Та еще придурочная Рапунцель, которая закрылась в своей башне и слишком долго боялась спастись при помощи собственных волос. Пора выбираться из скорлупы.

В этом весь Коул, я не первый раз слышу это от него. Он уверен, если я начну думать членом, служба на благо общества не будет иметь значения. И я стану больше похожим на него. А Коул Рексфорд гораздо больше заинтересован в том, чтобы трахать общество, чем служить ему. И понятия не имеет, что значит быть влюбленным в кого-то. Заменяв строчку «Я бы хотел быть особенным», которую обычно поет Том Йорк, на «Я не хочу выбираться из своей гребаной скорлупы», я тихо продолжаю по тексту: «Ведь я слабак, я ничтожество».

Коул резко выдыхает и закидывает ноги на мой журнальный столик.

— Это из-за нее? Той девчонки, Айрис?

Мне пришлось, хотя и не стоило, рассказывать ему о ней после одного из наших выступлений, когда какая-то пьяная красотка с силиконовыми сиськами пыталась положить свою руку в область моего паха. В любом случае, я не говорил, что она сменила имя. Возможно, это к лучшему.

— Это не из-за Айрис. А из-за того, на что я хочу потратить свою жизнь. Я хочу помогать людям.

Он смотрит на меня искоса, изогнув бровь.

— Ты хочешь, чтобы в мире было меньше дерьма. Вроде того, что сам пережил в детстве.

Я просто закрываю глаза, пальцы сами по себе перебирают аккорды, звук которых я всегда любил.

— Но ты не в состоянии остановить все зло. И сам это знаешь, так ведь? Люди вытворяют отвратительные мерзости каждый гребаный день на каждой гребаной неделе. А ты не чертов супергерой из одного из своих комиксов, чувак. Хрень в этом городе будет происходить всегда, будешь ты копом или парнем, поющим по радио.

Я просто улыбаюсь. Улыбаюсь, потому что Коул ни хрена не понимает.

— Я знаю это, Коул.

— Тогда ты пообещаешь мне? И никаких отговорок, хорошо? Пообещай, что ты подумаешь об этом. Один год, Люк. Всего один год твоей жизни. Это все, о чем я прошу.

Я киваю в такт ритму, закрываю глаза и думаю.

— Хорошо, чувак. Хорошо. Обещаю, я подумаю об этом.

Разоблачение

Морган очень плохо восприняла новость об исчезновении Тейта — было много воплей и слез. Ее мама предложила мне забрать ее домой — неожиданно-негаданно — но после подписания договора. Официального договора, который миссис и мистер Кэплер заверили у юриста, о том, что Морган обязуется пройти реабилитацию в центре «Сибрук Хаус» без срывов. Если она пропустит хотя бы один сеанс, то ей не позволят продолжить обучение и придется пройти полный курс реабилитации стационарно.

По пути в Колумбийский я сижу в такси между Ноа и Морган, и мы втроем храним молчание. Я чувствую себя хреново. Мне следовало бы волноваться, где черти носят Тейта, но на самом деле мне плевать. Я больше переживаю о том, что рука Ноа касается моей ноги, и при этом мечтаю, чтобы она принадлежала Люку. Мы подъезжаем к Колумбийскому очень вовремя: я успеваю проводить Морган в квартиру, пообещав вернуться как можно скорее, и не опоздать на занятия. По правде говоря, я почти решаю остаться: одновременно хочется побыть с Морган и убедиться, что с ней все в порядке, и избежать присутствия рядом с Ноа. От Ноа хочется сбежать как от чумы. Да уж, звучит отстойно, но что поделать. Мысленно я возвращаюсь к моменту, когда еще в больнице Люк спросил, хочу ли я, чтобы он остался, а я замялась с ответом. Мне так хотелось попросить, чтобы он остался. Сказать, что он мне нужен там, потому что это действительно было так. Совершенно непонятно почему, но так оно и было. В конце концов, все это обязательно приведет меня к разбитому сердцу, но скрывать правду от самой себя больше нет смысла.

Пропустить занятие по «Право и этика СМИ» — не вариант, после речи профессора Лэнга, полной разочарования, которая прозвучала прошлый раз. Ноа идет со мной, к счастью, на этот раз держа руки при себе. Я даже рада, что мы приходим с небольшим опозданием — аудитория набита битком, и мест рядом нет, поэтому мы садимся отдельно. Наши места настолько далеко друг от друга, насколько это вообще возможно. Как только занятия начинается, я поздравляю себя с тем, что все-таки пришла. Профессор Лэнг сегодня явно не в духе.

— Новости — это уже не только сверстанные листы бумаги с информацией, и мы должны помнить об этом, делая нашу работу. Это и смс-рассылка на телефонах и всплывающие окна в браузерах, и ролики в промежутках между нашими любимыми сериалами, которые показывают по телевизору. Экстренные оповещения о важных событиях, произошедших считанные секунды назад. Все стало так просто и быстро, поэтому, нажимая клавишу, каждый из нас должен задаться вопросом, — какую роль играют журналисты в современном мире? В чем их задача? За что они несут ответственность?

Я не вижу, но чувствую, что на мне взгляд профессора Лэнга задерживается дольше, чем на остальных. И подозрения подтверждаются, когда он снимает очки и начинает протирать их краем рубашки.

— Возможно, у вас есть какие-то мысли на этот счет, мисс Паттерсон?

Проклятие. Он никогда раньше не спрашивал меня на занятиях. Бьюсь об заклад, это из-за тех слов, что я сказала в его кабинете на прошлой неделе. Все внимание обращено на меня

— по коже идет неприятный холодок.

— Я... Лично я считаю, что долг журналиста — правдиво освещать события. Правда — это самое важное, так ведь?

— Вы спрашиваете меня или утверждаете это?

Твою мать. Только этого мне сегодня не хватало.

— Утверждаю.

Лэнг хмурится, возвращая очки на место.

— Хорошо. Если работать согласно этому принципу — ставить правдивость превыше всего — как журналисту отделить правду от подделки, если репортаж нужно выпустить срочно? До того, как кто-то другой сделает это первым?

— Не знаю. Думаю, тут должны вступать в дело те, кто проверяют факты.

— Те, кто проверяют факты?

— Да.

— На дворе не семидесятые, мисс Паттерсон. Любой, у кого есть смартфон и чуточка ума, задать любой вопрос, может сделать это. Если вы запросите проверку факта в «Нью-Йорк таймс», то будете уволены на месте. Ваша задача как журналиста — уметь быстро и эффективно проверять достоверность вашей информации или источника. Если вам нужна неделя, чтобы наверняка подтвердить правдивость своего источника, прежде чем печатать, или узнать, что это пустышка, то возможно, вам стоит пойти в «Нью-Йоркер» и самой стать тем, кто проверяет свои факты.

Аудитория хихикает после замечания Лэнга. Почему, черт возьми, я снова оказываюсь мишенью? Я была невидимкой в классе, и меня это устраивало. Хуже того, что сейчас я в центре внимания, только тот факт, что Лэнг явно бросает мне вызов. Хочет, чтобы я отстояла свою точку зрения на проблему, которая, как он знает, для меня очень личная.

— Тогда я пересмотрю свое заявление, — говорю я. — Самая важная обязанность журналистов — сообщать новость, руководствуясь рассудком, выдавать только ту информацию, в которой они уверены, после проведения проверки на достоверность. Журналистов, которые принимают решение сделать сенсацию из события в целях повышения собственных рейтингов, людей, которые роются в истине, как будто это проклятый шведский стол, и они могут взять или оставить все, что им вздумается, не задумываясь о том, как их действия и слова влияют на людей, следует избегать любой ценой.

Аудитория молчит. Лэнг на мгновение затих, обдумывая услышанное, и поджимает губы.

— Согласен. Но это не всегда так просто, не так ли? Эмоции часто мешают, независимо от того, насколько усердно человек может пытаться быть беспристрастным. — Его внимание рассеивается, но в следующий момент взгляд снова становится осмысленным, и он обводит им всех студентов. — У меня есть для вас задание, класс, и вы можете поблагодарить мисс Паттерсон за дополнительную нагрузку. Я хочу, чтобы все и каждый из вас рассказал мне нечто правдивое. Скажите мне правду о событии, которое сделало вас тем, кто вы есть сегодня. И я не хочу слышать никого, кто будет говорить мне о том, что такого события в вашем прошлом не существует, потому что это будет... внимание... ложь. Всегда есть что-то. У всех нас есть то самое событие. Но... — Он замолкает, когда класс начинает стонать. — Но! Я хочу, чтобы вы рассказали мне свой секрет чужими глазами. Глазами человека, который знает ужасный инцидент от и до. Вот в чем вся соль, класс. Мы слишком предвзяты, когда речь идет об истине для других людей. Наш опыт, наши предрассудки,

личные убеждения, — вот те краски, которые мы выбираем, чтобы полакомиться за шведским столом чужой истины, как красноречиво сформулировала мисс Паттерсон. В общем, если кратко, будьте креативными. Будьте смелыми. Будьте субъективными. Будьте такими, какими вам нужно быть, но, самое главное, будьте честными. Я буду ждать ваши работы, все как одна достойные Пулитцеровской премии, и никак не меньше, к концу недели.

На галерке слышен ропот и жалобы, Лэнг начинает собирать свой ноутбук и файлы, а я сижу, пытаюсь снова стать невидимой. Но не могу. Он просит обнажить душу, но не только это. Он просит привлечь кого-то еще в процессе, чтобы тот посмотрел на мою ситуацию со стороны, разделили черное и белое, не позволяя моему мучительному прошлому влиять на работу. Это просто невозможно. Это жестоко, но в этом и состоит задача.

Я убираю свой ноутбук, желание испариться становится все более и более актуальным в эту секунду. Я убегаю прежде, чем Ноа выпадает шанс догнать меня. Но скрыться незамеченной не выходит, конечно же. Жужжание сотового слышно еще до того, как я покидаю здание.

Ноа: Все в порядке? Ты выбежала как ошпаренная.

Я: Да, прости. Просто не хочу оставлять Морган одну слишком долго.

Ноа: Увидимся позже?

Я: Конечно. Я дам знать, если будут новости.

Я почти в «У Марго», когда снова вибрирует телефон. Настроение ниже плинтуса в предвкушении нового смс от Ноа, но я вижу, как на экране мигает имя — Люк Рид.

Люк: Боюсь, сейчас нет времени заниматься нашим делом. Кое-что произошло, но новостей нет. Наберу позже, если что-то найду.

Я: Без проблем. Надеюсь, все в порядке.

Я чувствую себя идиоткой, едва отправив сообщение. Надеюсь, все в порядке? Это слишком неформальное обращение, я вроде как интересуюсь его делами. А мне не стоит интересоваться его делами. Не тогда, когда я отталкиваю его при каждом удобном случае.

Я захожу в закусочную «У Марго», заказываю два больших кофе, для себя и Морган. Руки горят как в огне всю дорогу обратно по 125-й улице из-за обжигающей чашки на вынос, но остальная часть меня — кусок льда. Хуже того, на полпути к дому начинает идти снег, мои волосы намокают и висят тяжелыми прядям, и к тому времени, как Морган позволяет мне войти в ее квартиру, вода стекает вниз по спине и шее.

— Бррр, дерьмово выглядишь, Паттерсон.

— Спасибо. Ты тоже отвратительна на вид. — На самом деле выглядит она довольно хорошо, кроме синяков под глазами и того, как она, кажется, вздрагивает, когда двигается, так как каждый сустав в ее теле болит.

— Это мне? — Она забирает у меня один кофе. Не тот. Я вырываю его обратно и сую ей другой стаканчик.

— Поверь, этот ты не захочешь

— Странно, что у тебя до сих пор все зубы целые, мой друг.

— Твое беспокойство о моих зубах очень трогательно, Морган, но у тебя есть более веские причины для волнения. — Я имею в виду ее лечение в «Сибрук», но моя подружка не беспокоится об этом. Она переживает о нашем потеряшке.

— Я места себе не нахожу. Я просто знаю, с ним случилось что-то плохое, Эвери. Тейт и я, нельзя сказать, что мы не разлей вода, но если бы все было в порядке, он бы мне позвонил.

— Знаю, детка. Но я уверена, что он в порядке. Он появится, вот увидишь.

— Это не то. Мы не знаем наверняка.

— Люк сказал, что даст нам знать, если полиция его отыщет.

— Люк? — Глаза Морган расширяются, подозрительно заблестев. Похоже, она готова разреваться. — Ты разговаривала с Люком? Я... мне следует поблагодарить его, Эв. Господи, он, наверное, подумал, что я облажалась по-крупному. Он появился сразу, ты в курсе. Как только узнал, что я не в себе...

Она прерывает себя, видимо не зная, как продолжить. Ее слова для меня как удар под дых. Конечно, Люк бросился к ней. Я могу себе представить, как он принял этот вызов. И верю, что он мог бросить все, что он делал, если кто-то просил его о помощи. Он просто такой человек.

— Он не думает, что ты облажалась, Морган, — говорю я ей. — Он просто рад, что ты в порядке.

— Ты сумасшедшая, ты знаешь это? — Морган делает глоток кофе и пожимает плечами. В ней все еще нет обычной уверенности. Не думаю, что та Морган ушла навсегда, но она, безусловно, на время притихла. — Он не из тех парней, которых отвергают, Эвери. Ни по какой причине.

Она права, но я не хочу это признавать. Не хочу признавать тот факт, что, возможно, Люк сделал это из-за меня. И я чертовски уверена, что упустила все шансы на то, чтобы между нами что-то было.

— Не забыла ли ты об ирландце, с которым сама меня сводила?

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но, похоже, ты не клялась этому парню в вечной любви, так?

— Нет.

— Тогда это неважно. Между вами ничего нет.

— Думаю, Ноа с тобой в этом не согласится. — И я реально так думаю. Он милый. Добрый. Сочувствующий. И я представляла себя с другим парнем почти каждый раз, когда мы были вместе. Как это меня характеризует?

— Ты должна поговорить с ним. Он поймет. — Морган садится на край кровати, и я замечаю, что ее руки дрожат. Я хочу помочь ей, вместо этого она сидит тут и пытается наладить мою жизнь. — Потому что ты же знаешь, Эвери? Знаешь, что Люк к тебе чувствует?

Я просто моргаю, не уверенная в том, как реагировать. Я не была готова к этим словам.

— Ну Эвери. Не может быть...

Мой мобильный начинает звонить, и она не успевает сказать мне, чего не может быть, хотя я и сама знаю, и от этого внутри все переворачивается. Нельзя игнорировать это вечно. Я не могу убежать и спрятаться абсолютно от всего в своей жизни. Я достаю телефон из сумки, и поеживаюсь, когда вижу имя Ноа. У него уши горят, наверное.

— Это он? — Вот уж не знаю, кого имеет в виду Морган, но я думаю, она быстро делает

вывод по моему лицу. — Просто скажи ему, — говорит она. — Он поймет, вот увидишь.

Я делаю глубокий вдох, чтобы собраться с силами. Нечестно давать ему надежду на то, что между нами может что-то быть.

— Привет, Ноа. Извини, я...

— Это правда?

Меня съедает чувство вины как застигнутого на месте преступника.

— Что правда? — спрашиваю я осторожно.

— Твой отец — серийный убийца?

Сердце уходит в пятки.

— Эвери, твой отец и, правда, убил кучу народу в Вайоминге? Тебя зовут... на самом деле тебя зовут Айрис?

Кровь непрерывно стучит в ушах. Я не в состоянии сделать вдох.

— Что? — Телефон гудит в моей руке, оповещая об смс.

— Посмотри на картинку, я переслал, — говорит Ноа. — Посмотри и скажи, что это дурацкая шутка.

Я опускаю взгляд на экран, открывая сообщение, и мой мир разбивается вдребезги. Это я. Настоящая я. Айрис Бреслин.

Старая фотка, копия из выпускного альбома, наклеена на плакате, и на ней аккуратным курсивом выведено мое настоящее имя.

В верхней части плаката надпись: «Внимание, среди вас дочь Вайомингского Потрошителя. Отродье убийцы в Колумбии»

СэмО'БрэйдиДжефферсонКайлАдамБрайт СэмО'БрэйдиДжефф...

Я роняю телефон. Морган приближается, поднимает его, что-то произносит в трубку, хлопывает по плечу и обращается ко мне, все происходит как в тумане. Я не могу... Я не могу...

— Кто-то знает, — бормочу я.

Реальность внезапно обрушивается на меня: слишком громко, ярко, обескураживающе. Морган говорит что-то в трубку.

— ...стоило подумать лучше, мудака. Нет, она не хочет с тобой говорить. Просто... Просто дай ей время. — Она вешает трубку, на лице отражается беспокойство. — Мне так жаль, Эвери. Клянусь, я никому не говорила.

— Знаю. Знаю. Думаю... Мне нужно... — Понятия не имею, что мне нужно. Понятия не имею, что мне делать.

Морган спешит к сумке, которую принесла домой из больницы и ищет свой телефон. — О, боже, Эв. Я получила ту же картинку. Похоже, какие-то люди раздавали листовки.

Люди раздавали листовки? Люди раздавали листовки. Они делали так еще в школе, пока учителя не запретили, но ущерб уже был нанесен. И теперь это происходит здесь. Я поднимаюсь на ноги и, шатаясь, несусь через комнату, чтобы наклониться к мусорному ведру Морган, успев до того, как меня выворачивает наизнанку. Требуется много времени, чтобы спазмы в животе прошли.

— Я узнаю, кто эти суки — и уничтожу их, — ворчит Морган, и водит рукой по моей спине вверх и вниз. — Держись, хорошо? Мы разберемся. Мелисса, эй, где эти люди? — Я оглядываюсь, чтобы понять, к кому она обращается, и понимаю, что это телефон.

Со стоном я раскачиваюсь на пятках. Морган, кивая головой, надевает обувь. Это конфликт вряд ли пойдет на пользу ее отношениям с администрацией после недавнего

отсутствия.

— Морган, не устраивай сцен.

— Самое время, чтобы кто-то закатил чертову сцену. Это не твоя вина. Они не имеют права делать это с тобой, Эвери. Прошло пять лет. — Она выбегает из квартиры и оставляет меня, наклонившуюся над мусорным ведром, дрожащей настолько, что я едва могу стоять вертикально. Мой телефон начинает звонить, стоило ей уйти, но я игнорирую его. Морган возвращается двадцать минут спустя, яростно размахивая руками. Она слишком разъярена, чтобы говорить. В конце концов, ее гнев стихает.

— Они были в нашем доме. Две девки в нашем гребаном здании! Их уже прогнали, не волнуйся. Не могу поверить, что они прикладывают столько усилий просто для того, чтобы превратить твою жизнь в ад.

А я могу.

— Как они выглядели? — Мой голос звучит монотонно, передавая внутреннюю опустошенность.

— Обе чопорные, заносчивые суки. Одну зовут Кейси. Имя другой я не расслышала. У нее короткие светлые волосы

— Мэгги, — говорю я. — Мэгги Брайт. Ее отец — один из тех мужчин, которых... — Убил мой отец. Господи, я не могу заставить себя произнести эти слова вслух. Мэгги была президентом клуба «Давайте сделаем жизнь Айрис невыносимой» в старших классах; это могла быть только она. У нее сотни способов мести. Проникнуть в здание, где я живу — вполне в ее духе. Но Кейси? Какого хрена она на это пошла? — Я знаю их обеих. Блондинка из моей школы. И Кейси... Кейси — бывшая Люка. Он называл меня Эвери. Наверное, так они меня вычислили.

Морган хмурит брови.

— Брюнетка — бывшая Люка? Она суперстерва. Тебе стоило видеть ее лицо, когда я надрала ей зад.

— Ты надрала... Уфф, Морган, дай мне телефон.

Она передает его мне, и я облакачиваюсь о стену. Десять секунд и я набираю номер Люка. Не берет трубку. Он не на работе. Он говорил в пятницу, что у него три выходных.

В мое голове мгновенно становится пусто. Как только я услышала слова Ноа, инстинктивной реакцией было бежать. И единственный человек, с которым я чувствую себя спокойно и к кому могу сбежать, не берет трубку. Убираю телефон в карман и поднимаю глаза на Морган.

— Могу я взять джип? Мне нужно убраться отсюда.

— Куда ты собираешься?

— Не знаю, просто... Мне просто нужно убраться отсюда.

Брови Морган угрожающе сходятся вместе.

— Там целая толпа. И это не очень хорошая идея. Я пойду, возьму машину и объеду здание. Тебе не придется проходить через них весь путь.

Я киваю, неуверенно поднимаясь на ноги.

— Мне нужно кое-что взять из своей квартиры. Я не могу остаться здесь сегодня вечером.

— Забудьте об этом, детка. Я вернусь и захвачу все, что тебе нужно, чуть позже. Давайте сначала увезем тебя отсюда. — Она хватает свои ключи и уходит из квартиры, а я подхожу к окну, пытаюсь понять, имеет ли толпа на улице какое-то отношение ко мне. Люди стоят,

ссутилившись от холода, все замотаны в шарфы и шапки, и налетают на Морган, стоит ей появиться, — вот и ответ на мой вопрос. Конечно, они здесь из-за меня. Либо для того, чтобы получить ответы, либо чтобы задать мне трепку. Из прошлого опыта я склоняюсь к последнему. У Морган займет время вывезти джип из гаража.

Я вижу, как она поворачивает за угол и решаю, что самое время мне выходить.

В коридорах нет людей. Благословенное облегчение, но как только я подхожу к нижнему пролету на лестнице, сердце бьется чаще от понимания того, что никого нет внутри потому, что все снаружи на улице. Кейси и Мэгги тоже ждут меня там. Все взгляды следуют за джипом, когда Морган выезжает, но только не Кейси. О нет, она замечает меня, как только я выхожу из-за двери. Ее щеки покраснели от холода, глаза взволнованно блестят. Я не сразу понимаю, почему ее губы такие красные, но потом я вижу, что нижняя рассечена и опухла. Дело рук Морган. Я мчусь вперед, когда она направляется в мою сторону, человек двадцать следуют за ней по горячим следам.

— Айрис! Эй, Айрис! — Ее руки тянутся ко мне, она спешит добраться до меня, прежде чем я сяду на пассажирском сиденье джипа. — Говорят, что шизофрения — наследственное, ты понимаешь. Твой отец явно чокнулся, раз так мучил тех девушек. — Она появляется возле машины раньше, заслоняя от меня дверь. Остальная часть толпы недалеко позади. Они кружат вокруг — мне не пройти.

— Просто дай мне уйти, Кейси.

Она отвечает глумливо, и ее лицо превращается в уродливую гримасу.

— Ни за что. Эти люди имеют право знать, кто живет среди них.

— Она права. — Мэгги появляется рядом с Кейси.

Когда я уехала из Брейка, то обманывала себя, полагая, что больше никогда увижу ее лицо, пылающее ненавистью ко мне. Я ошибалась. Чистая агрессия на ее лице захватывает дух.

— Рада видеть тебя снова, Бреслин. Скажи, ты уже слышишь голоса? Сколько пройдет времени, прежде чем ты пойдешь по стопам папочки? Сколько пройдет времени, прежде чем ты начнешь убивать людей?

Среди толпы нарастает гул. Они слушают ее — Мэгги прямым текстом говорит, что я стану убийцей, и они верят ей.

Двигатель джипа Морган набирает обороты, и люди разбегаются от бампера. Позади Морган образуется пробка из других машин, и люди становятся злее и злее каждую секунду. Я делаю шаг вперед, но Мэгги отражает мой шаг, блокируя путь.

— Ты больна, знаешь это? Ты точно была в курсе делишек своего убийцы-отца. Мой папа собирался жениться еще раз. Он был счастлив, впервые за все время, что я могу вспомнить, а твой отец убил его. Просто выстрелил в затылок.

— Оставь меня в покое, Мэгги.

Она делает шаг вперед и толкает меня в плечи, вынуждая меня отойти дальше от автомобиля.

— Нет! Ни за что. Я всегда буду там, где ты соберешься начать жизнь заново. Я буду там, чтобы испортить это и убедиться, что люди знают, кто ты на самом деле.

— Я — не мой отец, — бормочу я, пытаюсь увернуться от нее. Она тянется ко мне рукой и наносит удар, больно. Я отшатываюсь и прижимаю обе руки к щеке, не веря, что она ударила меня на глазах у всех. Это не первый раз, когда Мэгги подняла на меня руку, но в школе мы обычно были одни, когда она это делала. Я шокировано выдыхаю, и прихожу в

себя как раз вовремя, чтобы заметить Морган, которая вылетает из автомобиля.

— Ты не можешь просто так дать пощечину моей подруге! — кричит она.

— Отвали, психованная. Это не твое дело.

Мэгги уже лежит на земле, когда я понимаю, что произошло. Морган сделала ей подножку и ударила кулаком в блондинистое личико.

— Морган, остановись! Оно того не стоит!

Кейси начинает кричать и бросается на Морган, а следующее, что я понимаю, — моя рука оказывается на ее горле, и я тяну ее назад. Никогда раньше я не давала сдачи. Какая-то уродская часть меня всегда чувствовала, что я заслужила такое отношение, пока я была в Брейке, но сейчас все по-другому. Нет ни единого шанса, что Морган из-за меня пострадает.

Шокированные возгласы слышны из толпы, прохожие остановились, чтобы поглазеть на шоу, устроенное на Верхнем Манхэттене. Я падаю на грязный бетон, волоча Кейси за собой. Она отбивается ногами и толкается локтями, пытаюсь ткнуть меня в бок. Длинный стон выходит из меня, когда она попадает и вышибает воздух из моих легких. Хватка на ее шее ослабляется, и это позволяет ей немного освободиться и ударить снова. Боль взрывается в голове. Я подношу руки к лицу, не знаю, что болит сильнее: правый глаз или нос. Яркий красный цвет, который виден между пальцами, дает понять то, что она сломала мне нос.

Морган издает разъяренный крик и визжит как банши, и тут же я слышу, что Кейси начинает рыдать. Она звучит жалко, и это слишком отличается от неистовства, которое владело ею две секунды назад.

— О, слава богу, ты здесь. Она просто сошла с ума. Она животное, Люк.

Люк?

Мои глаза распахиваются, и я замечаю, что он стоит между мной и Кейси. Он и, правда, здесь, в форме, мышцы на шее напряжены. Он стреляет тяжелым взглядом на меня, лежащую на бетоне, и шагает к Кейси. Долгую, ужасную секунду я уверена, что он собирается обнять ее.

— Я видел, как все было, Кейс. Даже не вздумай врать. И ты... — Он тычет пальцем в лицо Мэгги, в результате чего она съеживается. — Ты заслужила удовольствие прокатиться в участок. На самом деле, вы обе. Вперед. — У Мэгги от шока отвисает челюсть, но ее состояние не идет ни в какое сравнение с ужасом на лице Кейси.

— Ты это несерьезно? — шепчет она.

— Как никогда. — Люк сужает глаза и хватается за руку. Она слишком ошеломлена, чтобы протестовать, пока он надевает на нее наручники и зачитает ее права. Высокий офицер-мулат, которого я не видела прежде, говорит с Мэгги, и убеждается, что она отвечает, когда он спрашивает ее, понимает ли она ситуацию и свои права. Она сердито стреляет в меня глазами, с виска капает кровь, когда она выплевывает суровое «да». Обеих девушек уводят от заблокированного на месте джипа Морган, и после этого возле меня оказывается Люк.

— Нужна помощь? — спрашивает он тихо. Я смотрю на руки в перчатках, которые он мне протягивает, и качаю головой; наклоняюсь вперед, отталкиваясь от земли, чтобы подняться на ноги.

— Я справлюсь. — Я стряхиваю снег с задницы, чувствуя себя униженной и жалкой, пока говорю. — Почему ты на смене?

— Меня вызвали утром. Тебе нужно в больницу. Хочешь, я отвезу тебя?

— Нет. — Я вздрагиваю, когда он протягивает руку и осторожно касается переносицы.

— Я пойду с ней, — говорит Морган и берет меня под руку. На боку видны следы от катания с Мэгги по талому снегу, на лбу заметен глубокий порез. Вид ее крови заставляет меня чувствовать себя ужасно. Она пострадала из-за меня.

Люк поджигает губы и поднимает мой подбородок вверх.

— Вот. — Он достает что-то из кармана и дает мне в руки. — Вы должны будете показаться в участке, чтобы дать показания, но я запишу вас на другой день. Я закончу в течение двух часов. Никуда не уходи. Мне нужно поговорить с тобой.

Я смотрю вниз на ключи от его квартиры и убираю их в карман пальто, даже не став с ним спорить.

— Я пыталась тебе дозвониться, — шепчу я.

— Знаю. Я уже был в пути. — Он бросает взгляд, полный отвращения, на заднее сиденье его машины, где из окна выглядывает бледное лицо Кейси. Она выглядит обезумевшей. — Она написала мне и сказала, что собирается сюда. Я знал, добром это не кончится. — Он медленно протягивает руку и убирает прядь волос за ухо. — Я всегда приду на помощь, Эвери. Всегда, когда буду тебе нужен. Не сомневайся.

Пробка достигает эпических масштабов, люди в такси и своих автомобилях высовываются из окон и выкрикивают ругательства. Офицер-мулат, прибывший с Люком, свистит ему.

— Эй, чувак, нам пора.

— Хорошо.

Поскольку его напарник открывает дверь машины, Кейси наклоняется вперед и кричит, заставляя меня скрипеть зубами:

— Вы нашли друг друга, поздравляю, Бреслин. Он такой же уродец, как и ты. Просто спроси его. Спроси, в чем его проблема! — Ее голос срывается до истерики и, наконец, офицер заглушает его, хлопая закрытой дверью.

— Мне жаль. Мне так жаль, — бормочет Люк, прижимая меня к своей груди. В течение одного краткого момента все в этом неправильном мире встает на свои места. Его запах заполняет мои органы чувств, и я ощущаю себя в безопасности. Защищенной. Он отпускает меня слишком быстро и спешит к машине, оборачиваясь, чтобы еще раз взглянуть на меня, когда садится на заднее сиденье. Его глаза встречаются с моими, и он не отводит их, пока машина не сворачивает и исчезает из поля зрения.

— Идем. — Морган хватается за руку и тянет к уже забытому джипу. Она начинает бормотать что-то о том, что на ее кожаной обивке останется кровь, но я не слушаю. Я уйду в себя, спрячусь, закрываюсь. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу окна, пока Морган заводит двигатель и переключает скорость. Устроившись поудобнее, я слышу ее резкий вздох. Не знаю, что я больше ожидаю увидеть: толпу людей, блокирующих наш побег; огромный щит с моим именем и обезображенным росписями лицом; декана, который говорит, что я могу не возвращаться в колледж. Вместо этого, по 125-ой улице к нам спешит Ноа.

— Хочешь, чтобы я остановилась? — спрашивает Морган.

Я вижу панику на его лице, на самом деле, он даже вышел на улицу без своей драгоценной шапочки. Наши глаза на секунду встречаются, как и с Люком чуть раньше, но я все еще помню ужас в его голосе, когда он задавал мне вопросы. Я отворачиваюсь и снова прижимаюсь лбом к стеклу. Морган понимает все без слов и трогается.

Последние слова

Каким-то чудом, после всего этого, мой нос не сломан. Из-за локтя Кейси он довольно сильно поврежден, но кость осталась цела. Не хотелось бы выглядеть как боксер. Морган везет меня из больницы по городу. Мой телефон не перестает звонить в течение часа после того, как Морган высаживает меня у Люка. Она предложила побыть со мной, но я отказалась, и она уехала, когда я настояла на том, что хочу побыть одна. Я планировала позвонить Брэндону, как только останусь в одиночестве, но вдруг Ноа начал слать кучу смс, и я была слишком опустошена, чтобы делать что-то другое, кроме как смотреть на экран.

Ноа: Эвери, пожалуйста, ответь. Мне очень жаль. Seriously, я думал, что это шутка!

Шутка. Он думал, что девушки, которые проводят кампанию ненависти против меня на кампусе, это просто шутка. И плакаты с моим именем? На какой планете это может быть забавным? Я кладу телефон экраном вниз на кожаный диван Люка и иду за постельным бельем, которое он стелил себе на диване, когда я несколько раз оставалась у него. Они аккуратно сложены в шкафу в конце коридора напротив двери в его спальню, наряду со стопкой белых полотенец и свежим постельным бельем. Я никогда не видела такой идеально устроенный шкаф. Я тащу одеяла обратно к дивану и сворачиваюсь, полная решимости выплакаться, прежде чем Люк придет домой, чтобы не опозориться при нем. Слезы не идут. Я все еще с сухими глазами и без сил, когда в дверь стучат. Я замираю, задаваясь вопросом, нужно ли открывать. И вспоминаю, что Люк дал мне свои ключи и не может войти. Я иду и открываю дверь, и там он, опять в джинсах и кожаной куртке, выглядят столь же опустошенным, как я себя чувствую.

— Эй. — Он проводит рукой по затылку. Я натянуто улыбаюсь и возвращаюсь на диван. Он приходит, садится рядом со мной, и мы какое-то время сидим в тишине. Он принес с собой запах зимы, свежий и яркий, и я просто сижу и дышу. В конце концов, он делает глубокий вдох и говорит:

— Кейси и Мэгги сделали предупреждение и отпустили. Если ты хочешь получить запретительный судебный приказ против них, я могу помочь.

— Они вернутся в кампус?

Он качает головой.

— Вряд ли. Кейси забрала мама. Отчитала на глазах у всех. Это самое страшное для нее наказание. Плюс, тот факт, что ее мама пригрозила разобраться с ней, если она снова опозорит себя.

— А с Мэгги что?

Люк вздыхает и откидывается на спинку дивана, складывая руки на животе.

— Не думаю, что она вернется. Она учится в штате Флорида. И проделала весь этот путь сюда, чтобы ... — Он делает паузу и надувает щеки. — Понятия не имею, почему она приехала. У меня есть подозрение, что она слегка неадекватна.

— Если твоего отца убьют, ты тоже тронешься умом, — бормочу я, потянув одеяло на себя. Люк поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, и хмурится.

— Не защищай ее. Ты не заслужила такого обращения. — Я смотрю в сторону и изучаю ногти. Люк подвигается ко мне и трогает меня за подбородок. Он поднимает его так, что наши глаза снова встречаются. — Послушай меня, ты ни в чем не виновата. И мы докажем, что твой папа тоже, и все успокоится.

Абсолютная вера на его лице становится для меня последней каплей. Я сжимаю челюсти, но чертовы слезы наворачиваются на глаза.

— Возможно, нам удастся доказать, что он не убивал этих девочек, Люк, но он точно убил папу Мэгги. Этого не изменить.

— Не думаю, что он это сделал, — тихо говорит Люк.

— Что? — Я напрягаюсь, изучаю его глаза, обрамленные длинными темными ресницами, высокие скулы и пухлые губы. Его лицо непроницаемо, плечи слегка зажаты, он затаил дыхание.

— Я не думаю, что он вообще хоть кого-то убивал, — шепчет он. Мое сердце стучит как сумасшедшее, когда он продолжает: — Я никогда не верил, что он это сделал. Все это время я считал, что он не виновен.

— Это смешно, — шокировано произношу я. Я отодвигаюсь так, что он больше меня не касается. Люк реагирует и, вздрогнув, тоже откидывается назад. Поворачиваюсь в кресле лицом к нему и кладу подбородок на колени, желая установить барьер между нами. — Почему ты так говоришь?

— Потому что это правда. Есть кое-что, чего ты обо мне не знаешь. Кое-что... — Он замолкает и тяжело сглатывает, наклоняясь вперед, чтобы упереться локтями в колени. — Хотя, это неважно. Я считаю, что твой отец взял на себя вину за то, чего он не совершал.

— Комната была заперта изнутри, Люк. Ты сам мне это сказал пять лет назад. Никто не мог войти или выйти из нее. Эти люди были связаны, а у папы в руке был пистолет, которым он убил их. Черт, тот самый пистолет, которым он убил и себя! — Мой голос срывается, я практически его теряю. Почему он это делает? Почему он дает мне надежду на то, что отец невиновен? Это жестоко и невыносимо, особенно после всего, что произошло сегодня. Я прячу лицо в коленях, сосредоточившись на дыхании.

— Эвери. Эвери... — Люк хватается мою руку, я пытаюсь вырвать ее, но его хватка только усиливается. — Я не отпущу тебя, — говорит он. — Я не пытаюсь причинить тебе боль. Не это то, во что я верю. Есть кое-что, чего ты не знаешь. То, что полиция скрыла от прессы. Я поднимаю на него глаза и вижу, как он нервно кусает губу.

— Макс не был мертв, когда мы нашли его, Эвери. Он умирал, но... он все еще был в сознании.

Люк скользит по дивану и крепче сжимает мои руки, в то время как я пытаюсь оттолкнуть его, — он предугадывает мою реакцию. Я наношу ему удары, пытаюсь оттолкнуть, но он слишком близко ко мне, и размахнуться не получается. Комната наполнена сдавленными рыданиями, слышны звуки борьбы.

— Успокойся, — рычит он, прижимая меня к себе так, что мое лицо оказывается на его груди. Я не могу. Я не могу. Я не могу. Из всех сил пытаюсь отодвинуться от него и сосредоточиться, чтобы дышать через рыдания, но он держит меня слишком сильно. Я пытаюсь снова и снова, но это бесполезно; он сильнее меня. Недолго думая, я позволяю телу контролировать свои действия. Погружаю зубы в его грудь и сильно кусаю. Люк издает стон,

отпускает меня, и неожиданно поднимается, сжимая кулаки.

Он в ярости. Я забиваюсь в уголок дивана и пристально смотрю на него, захлебываясь слезами. Люк опускается на корточки передо мной и убирает руки за голову, его лицо искажено гневом и болью

— Ради всего святого, твою мать, дай мне обнять тебя, — произносит он

— Ты должен был рассказать мне! Нельзя было это скрывать!

— Я знаю. Прости, но у меня не было другого выхода. Пожалуйста...

Я зажмуриваю глаза и затыкаю руками уши.

— Нет. Нет, ты сказал, что он умер быстро.

Я снова слышу, как он двигается.

Руки Люка мягко касаются моих запястий, он пытается заставить меня опустить руки. Я отталкиваю его и бью по груди, но он просто хмыкает и наклоняется ближе.

— Я не отпущу тебя, — повторяет он. Ему удается опустить мои руки вниз, и он снова опускается на диван, все еще стоя на коленях передо мной. Я открываю глаза, пытаюсь отразить в них всю злость и ненависть, на которую способна. Он не отступает; хватается за мои бедра и дергает на себя, так что я падаю на спину, секундное колебание — и он фиксирует мои запястья над головой.

— Ты можешь злиться на меня, Айрис. Ненавидеть меня, и это нормально. Я должен был сказать тебе. Я хотел. Каждый раз, когда я предлагал тебе встретиться Брейке, причиной было то, что я хотел рассказать тебе. Но каждый раз ты выглядела такой разбитой. Я не мог стать еще одной причиной твоей боли. — Он стискивает челюсти и смотрит на меня сверху вниз, его мышцы напряженно замирают. Я брыкаюсь и вырываюсь, пытаюсь избавиться от него.

— Отстань от меня, Люк.

— Нет. Нет, пока ты не услышишь все. Твой отец не умер быстро, ясно? Он умирал медленно, и в это время я держал его за руку. Его горло было разорвано в клочья. Он едва мог говорить, но пытался, понятно? Он говорил. Посмотри на меня, Айрис. Посмотри на меня! — Я отворачиваюсь, чтобы не слышать. Во мне нет сил для того, чтобы слышать, что он говорит. Он хватается мои запястья и удерживает их одной рукой, второй касаясь моей щеки так, что я не могу отвести взгляд. — Он сказал две вещи, прежде чем он умер. Он сказал: «сделка». Ты знаешь, что он имел в виду? Это говорит тебе о чем-то?

Я все еще борюсь с ним, но это не работает. Он намного сильнее меня, и мне не вырваться, пока он сидит на мне.

— Нет, — рычу я. — А теперь отпусти меня.

— Дыши, красавица. Просто дыши.

— Не называй меня так, черт возьми!

Он игнорирует мои слова.

— Дыши. — Он пристально смотрит на меня и подавляет своим взглядом. Люк резко выдыхает. — Подумай. Просто прекрати вырываться и подумай об этом пару секунд. Говорит ли тебе что-нибудь слово «сделка»?

Крик застывает в горле. Я еще не успокоилась.

— Вот так. Просто дыши. Подумай.

Я с трудом могу что-то вспомнить, мне нужно, чтобы он отпустил меня, но слова Люка, наконец, проникают сквозь панику.

Я делаю вдох, длинный и глубокий, стараясь расслабить каждую мышцу тела. Я дрожу

от адреналина и горя, когда говорю:

— Нет. Это ничего мне не говорит.

Люк опускает голову, его разочарование очевидно.

— Сейчас я отпущу тебя, хорошо? Не выходи из себя. — Хватка на запястьях ослабевает, и он, сидя на пятках, медленно выпускает мои руки. Он по-прежнему ограничивает меня, но слегка наклоняется назад, чтобы дать некоторое пространство. Я потираю руки и облокачиваюсь на локти, пытаюсь успокоить безумное сердцебиение.

— Было что-то еще. Ты говорил, он сказал две вещи, — произношу я, отказываясь смотреть на него, сосредоточившись на созерцании царапин на пряжке его ремня, которая находится на уровне моих глаз.

— Да. — Люк немного отодвигается, когда понимает, что я собираюсь снова драться. Перекидывает ногу через меня и обратно усаживается на диван, вздыхая неровно. — Хотя это полный бред. К тому времени он едва дышал. Я тысячи раз проигрывал его слова в голове, пытаюсь понять, правильно ли его расслышал.

— Просто скажи мне, — я шепчу, обнимая себя.

Он опускает голову к груди и поджимает губы. Я не пытаюсь оттолкнуть его, когда он снова берет меня за руку. Он смотрит вниз на нее, лежащую на его коленях, и выводит медленные круги по нежной коже, словно прося прощения кончиками пальцев. Я вся трепещу в ожидании, когда он, наконец, поднимает свои глубокие карие глаза на меня и произносит:

— Летай высоко, Икар.

Желание

Сердце замирает. Люк сжимает мою руку и придвигается ближе.

— Что? Ты знаешь, что это значит?

Я не могу говорить. Горло сдавило так, что я не в состоянии даже сглотнуть. Я просто киваю, позволяя слезам течь по лицу. Он наклоняется, и все еще удерживая мою руку, просит:

— Дай мне обнять тебя. Пожалуйста.

Его боль так же ощутима и реальна, как и моя. Она затягивает его, заставляя выглядеть потеряннным. Я выпрямляюсь и сажусь к нему на колени. Он обнимает меня и прижимается лбом к моему виску, шепотом проговаривая мягкие, успокаивающие глупости мне в волосы, а я плачу. Мы сидим так довольно долго, прежде чем я собираюсь с силами и беру себя в руки. Эти слова — Летай высоко, Икар — послание. Послание для меня. Это точно. Хотя я не могу рассказать об этом Люку. Я слишком не в себе, чтобы говорить об этом, так что вместо этого делаю то, о чем точно пожалею. Я прячу лицо у него на плече и позволяю себе поплакать еще минуту. А затем слегка отклоняюсь назад и целую его челюсть, чуть пониже уха. Он перестает шептать, но руки все еще успокаивающе нежно гладят меня по спине. Я застываю в нерешительности. Часть меня хочет повторить это снова, но другая часть кричит, что пора слезать с его колен и бежать сломя голову. Но тут я думаю о поездке в метро назад в Колумбийский, вспоминаю плакаты, Ноа, и то, что Тейт по-прежнему отсутствует, и понимаю, что мне это нужно. Мне нужен Люк так отчаянно, что я не могу дышать. Отчаянное желание внутри меня вырывается наружу, я рывком расстегиваю его одежду и снова крепко прижимаюсь губами к его коже.

Люк выпускает гортанный звук, пытаюсь что-то сказать. Его рука перемещается вверх по спине и медленно собирает мои волосы в кулак, тянет их, открывая мое лицо. Он слегка наклоняется, пытаюсь поймать мой взгляд. Я прячу глаза и тянусь к его затылку, осторожно запуская пальцы в его волосы.

— Эвери, — шепчет он.

Я молчу. Не могу произнести ни слова. Просто меняю положение тела и располагаю ноги по обе стороны его коленей. Я сильнее впиваюсь пальцами в его кожу на затылке и хнычу, когда он кладет руки на мои бедра.

— Эвери, — стонет он срывающимся голосом. — Что мы делаем?

По крайней мере, он не сказал: «Что, черт возьми, ты делаешь?»

Я ворочаюсь на его коленях и прижимаюсь крепче, чувствуя как его грудь поднимается и опадает в такт с моей.

— Эвери.

Я целую его шею, плавно перехожу на горло, и его голова откидывается назад.

— Пожалуйста, Люк... — шепчу со слезами на глазах. — Мне просто нужно... мне нужно...

Его руки сильнее сжимают мою талию, затем переходят к моим волосам. Он тянет меня назад, беря мое лицо в свои руки. Он лихорадочно пытается поймать мой взгляд. В его

голосе звучит мука, когда он говорит:

— Мы не должны. Ты расстроена. Это не очень хорошая идея.

— Пожалуйста, Люк! — Я накрываю его руки своими и, наконец, смотрю в его глаза. — Мне так больно. Просто помоги прогнать эту боль. Пожалуйста, помоги прогнать эту боль.

Проходит мучительно долгая секунда, и стена, которая была между нами, рушится. Выражение его глаз меняется. Забота и сомнение превращаются в голод. Он издает рык и набрасывается на мой рот. Я запрокидываю голову, пока он борется с моей футболкой; срывает ее и сжимает крепкими руками мою спину, от чего я резко прижимаюсь к нему. Его пальцы ловко справляются с застежкой на лифчике, и я в спешке опускаю лямки, чтобы избавиться от него полностью.

— Это такая чертовски плохая идея, — говорит он охрипшим голосом. — Я не хочу, чтобы ты меня возненавидела.

— Я не собираюсь тебя ненавидеть, Люк. Ты мне нужен. Ты нужен мне прямо сейчас.

На его лице видна тень сомнения, и я действую. Хватаю его руку и накрываю ею свою голую грудь, и, судя по тому, как блестят его глаза, сопротивление сломлено. Его желание очевидно. Я вижу это в том, как он благоговейно гладит пальцами мою чувствительную кожу. Я дрожу от его взгляда, губы покалывает в предвкушении. Я облизываю их, представляя вкус его губ снова, и Люк зачарованно смотрит на меня. Он наклоняет голову и берет в рот мой сосок, заставляя меня неровно дышать. Волна желания пронзает мое тело, и я опускаюсь на него, пытаюсь обернуть бедра вокруг его талии.

Люк перехватывает меня, и крепко удерживая, перемещается на диване, теперь он сидит на самом краю, а я обнимаю его ногами и издаю стон, когда он прикусывает мои соски. Я выгибаюсь в его руках, прижимаясь ближе, отчаянно желая почувствовать его между ног.

Если у меня и были какие-то сомнения в том, что он хочет меня, то понимание того, насколько он твердый там, превращает этот страх в пыль. Я трусь бедрами об него, сидя на его коленях, и он стонет, тяжело дыша у моей груди.

— Черт, я... — бормочет он. — Я не знаю, что делать. — В его голосе слышна мука. Я запускаю пальцы в его волосы и притягиваю обратно. Поднимаю глаза, нерасположенная к разговорам, и стягиваю его футболку через голову. Бросаю ее на пол и снова прижимаюсь к нему.

— Мне нужно чувствовать тебя кожей, — тяжело выдыхаю я. Низкий гортанный звук вырывается из уст Люка, и он просовывает руки между нами, поглаживая меня между ног через джинсы. Я вскрикиваю и сжимаю бедра, пытаюсь усилить давление его пальцев.

— Обними меня, — приказывает он. Я обнимаю его за шею, он одним легким движением, будто я пушинка, подхватывает меня под колени и встает. Наши губы встречаются, и его горячий и нетерпеливый язык проникает ко мне в рот и встречается с моим, пока Люк несет меня в спальню. Он опускает меня на кровать и расстегивает мои джинсы, я снимаю ботинки, и он снова падает на меня. Его рука на моем затылке, не удержавшись, я перехватываю ее и кусаю крепкий бицепс, Люк резко всасывает воздух.

— О боже, — стонет он. — Я хочу тебя, Эв. Я так хочу тебя.

Его слова заставляют мое сердце биться чаще. Я выбираюсь из своих джинсов, и у меня перехватывает дыхание, когда он хватается за них и стягивает с моего тела. Его руки грубы, движения поспешны. Он накрывает меня своим телом, я обхватываю его ногами и прижимаюсь крепче. Наклоняю голову и осторожно провожу языком по коже, облизываю острые черные линии татуировки, обвивающей плечо. Я поднимаю глаза и вижу его тяжелый

взгляд, на секунду мной овладевает паника, но когда он вздрагивает и закрывает глаза, я понимаю, что это чистое наслаждение. Я рисую языком дорожку вверх по его шее, чувствую соль на его коже, его запах кружит мне голову. Его запах и вкус чертовски идеален. Он отстраняется, и я издаю стон разочарования.

Одним движением он срывает с меня трусики и прокладывает себе путь вниз между моих ног. Я мечтала о его руках, о том, как потеряюсь в водовороте чувственного наслаждения, которое подарят его пальцы, скользящие внутри меня. Но никогда не представляла его язык.

— Ах! — Я судорожно цепляюсь за простынь, чувствуя как пальцы на ногах выгибаются. Каждое его движение отдается волной удовольствия в моем теле. Он стонет прямо в меня, его язык все еще продолжает путь туда, где сосредоточено мое желание, прижимая меня к спинке кровати. Еще немного и Люк впивается пальцами в мои бедра и припадает ртом к местечку между моих ног.

— Черт, Люк, пожалуйста... пожалуйста... — прошу я, не уверенная, что именно. Чтс мне нужно. Мои стоны сводят его с ума. Он отпускает мои бедра и делает то, о чем я давно мечтала: медленно вводит в меня палец, одновременно с тем другим пальцем нежно кружит по клитору.

— Черт, ты такая влажная, Эвери, — выдыхает он. Наши взгляды впериваются друг в друга. Я ерзаю, не в силах удержаться от реакции на пламя, разливающееся по моему телу с каждым толчком его пальцев.

— Пожалуйста, пожалуйста... ах, Люк!

— Я заставлю тебя кончить, — шепчет он, выкальзывая из меня пальцем и снова заменяя его своим языком. Мое тело — огонь и лед, я бесстыдно насаживаюсь на его рот. Его язык невыносимо горячий, движения мучительно медленные. Я сдвигаюсь вниз и зарываюсь руками в его волосы, удивленная слабыми, беспомощными звуками, которые издаю.

— Люк? — тяжело дышу я, жжение между ног увеличивается с каждым его нежным прикосновением.

— Да? — его голос такой же приглушенный, как и мой.

— Я хочу чувствовать тебя внутри. Пожалуйста...

— Я внутри тебя.

— Нет... не пальцы... — заикаюсь я. Не знаю, как вслух сказать о том, чего я хочу, но он понимает меня без слов.

— Сначала ты кончишь. Я хочу распробовать тебя.

Это не займет много времени. Я чувствую, как мышцы ног начинают сокращаться и давление внутри меня нарастает. Жарко. Мне таааак жарко. Каждая частичка тела горит. Я уже готова снова начать просить, и тут Люк скользит в меня еще одним пальцем и стонет; я теряю способность говорить. Я могу только стонать, задыхаться и двигать бедрами под ним, пока он насаживает меня на свои пальцами.

— Давай, детка, — рычит он. — Кончи для меня.

Я хочу, чтобы он ускорился, но он не делает этого; он замедляет темп, и я чувствую каждый миллиметр его пальцев, как он толкает их внутри меня, чувствую каждое дразнящее касание его языка, как он гладит и сосет меня. Я дрожу всем телом и наконец, взрываюсь под давлением, воздух в легких закончился, так что я даже не могу кричать. Я все еще дрожу под ним и вырываюсь, пока он продолжает, не обращая внимания на мои сладкие муки.

— Остановись, хватит! — Я задыхаюсь, цепляясь за собственные бедра каждый раз, когда он облизывает меня. Он выпускает дикий стон и, наконец, останавливается, поднимая мое тело, и оставляет след из горячих поцелуев на моем бедре, животе, груди, пока поднимается вверх. Он смотрит на меня из-под тяжелых век, и дрожь вновь пробегает моему телу, огонь в его взгляде обжигает.

— Ты невероятна, — шепчет он. Он медленно поднимает руку, чтобы убрать с моего лба прядь волос, мокрых от пота, но я перехватываю его запястье. Медленно, глядя в глаза, облизываю его пальцы и замечаю, как он удивленно открывает рот. Я заглатываю его средний и указательный палец, и медленно сосу их, слизывая собственные соки, пробуя его и себя на вкус. По телу Люка проходит волна экстаза, изо рта вырывается стон удовольствия.

— Святые угодники.

Я вдруг осознаю, что полностью обнажена, в то время как он наполовину одет, и собираюсь это исправить. Я кладу руку на его ремень, он накрывает ее своей.

— Эвери, не знаю, смогу ли я... Смогу ли я остановиться, если ты продолжишь это делать.

Я убеждаюсь, что он смотрит на меня, прежде чем произношу слова, которые должны развеять его сомнения:

— Я не хочу, чтобы ты останавливался.

Я расстегиваю молнию на его джинсах и придвигаю его ближе, чтобы медленно стянуть их по его бедрам. Он ворчит, пока рывком снимает их с себя. Не желая давать ему время для анализа происходящего, я скольжу рукой вниз по твердым мышцам живота и дразнящим движением касаюсь резинки боксеров. Его глаза расширяются, когда моя рука оказывается внутри; все тело резко напрягается, когда я сжимаю пальцами его эрекцию.

— О черт. Твою мать! — Он рычит, кусая губу и закрыв глаза. — Так чертовски хорошо.

Я дразню его так же, как он дразнил меня, невероятно нежными прикосновениями, пока не чувствую дрожь, которая проходит по его телу. Его плечи беспорядочно поднимаются и опускаются, пока он изо всех сил старается сохранять контроль. Я усиливаю давление, адреналин как жидкий огонь разливается по моим венам каждый раз, когда он стонет.

— Ты хочешь, чтобы я умолял тебя, да? — шепчет он.

Я отказываюсь отвечать. Медленно скольжу вниз по его телу и избавляю от боксеров, по пути изучая скульптурные линии его торса и ног. Он перестает дышать и резко вздрагивает, когда я слегка облизываю кончик его члена.

— Я не могу. Мне нужно быть внутри тебя, — выдает он, зарываясь руками в мои волосы. — Я не продержусь долго.

— Может быть, я тоже хочу попробовать тебя на вкус, — шепчу я.

Вдруг руки Люка оборачиваются вокруг моей талии, он хватает меня и снова бросает на спину.

— Я хочу быть внутри тебя. Мне нужно чувствовать тебя изнутри, Эвери. Ты такая чертовски узкая. Мне это нужно. Пожалуйста. Пожалуйста, позволь мне. — Он неистово целует меня, засовывая язык в мой рот, и мое тело реагирует, изгибаясь ему навстречу. Я еще раз обхватываю ногами его талию, но на этот раз между нами нет преград. Ни джинсов. Ни белья. Его член давит на меня, глубоко между ног, это вызывает страх и восторг одновременно.

Люк качает головой, словно пытаюсь прийти в себя, и прижимается лицом к моей груди.

— Боже, я знаю, что это неправильно, но видит Бог, я так хочу тебя. Скажи мне. Пожалуйста, скажи, что ты тоже этого хочешь, — стонет он.

Я толкаюсь к нему и чувствую, как он скользит вниз, так что теперь находится почти у самого входа в меня, и с трудом произношу:

— Да. Да. Пожалуйста.

Он быстро выпрямляется. На секунду мне кажется, что он передумал, но это не так. Он тянет ящик на своей тумбочке с такой силой, что на нем отлетают пружины, и он с грохотом падает на пол. Кажется, это не беспокоит его; в течение пары секунд он роется в нем и возвращается, держа в руках маленький синий квадратик. Люк разрывает фольгу и раскатывает презерватив, не особо заботясь о том, что я подглядываю. Когда дело сделано, он снова устраивается сверху.

— Ты уверена? — шепчет он.

— Уверена. — Я развожу колени и впираюсь ногтями в его задницу, давая понять, что не могу больше ждать. Когда он качается вперед, толкаясь в меня, мы оба замираем, ошеломленные нахлынувшими ощущениями. Он больше, чем те, с кем я была до этого. Я на грани боли и наслаждения, это невероятно.

— Черт, ты такая узкая. Не двигайся! — просит он. Я до сих пор под ним и смотрю на его лицо, он изо всех сил старается выровнять дыхание. Его глаза впираются в мои, пока он медленно выскользывает из меня; не отрывая взгляда, миллиметр за миллиметром. Я не могу совладать с собой, когда чувствую новый толчок; выгибаюсь навстречу, прижимаясь бедрами, отчаянно желая чувствовать его глубже. Он издает страдальческий стон.

— К черту. — Он хватается мои запястья, как делал раньше, но теперь я более чем готова держать их над головой. Он целует мое горло, пока входит в меня снова, восхитительная смесь боли и удовольствия проходит между моих ног, пока он погружается глубже и глубже.

Я уже в раю или в аду, не знаю, и наконец, в теле Люка нарастает дрожь.

— О, дааааа... Я сейчас... Я не могу...

Я сцепляю ноги в замок, принимая его настолько глубоко, насколько это вообще возможно. Прижимаюсь к нему так, чтобы чувствовать его грудь своей грудью и неожиданно мы вместе кончаем. Напрягаясь, он освобождается, задыхаясь с криком, и я следую за ним, через мои нервные окончания проходит сильнейший импульс, и я разлетаюсь на кусочки.

По рукам все еще бегут мурашки, когда Люк отпускает меня. Я вожу вверх и вниз пальцами по его спине, наслаждаясь ощущением того, как перекачиваются его мышцы. Он накрывает меня своим телом и тихо шепчет нежности в мои волосы. Через пару минут я чувствую его напряжение и понимаю, что он собирается встать.

— Нет, — тихо говорю я. — Останься во мне.

Словно зная, что мне нужно, Люк сжимает меня в объятиях и придвигает ближе к себе. Мы лежим в той же позе, пока не исчезает последний луч дневного света, и засыпаем как единое целое.

Бегство

Холодный и яркий солнечный свет заливает комнату, и я просыпаюсь. Это напоминает мне о снеге горах в Вайоминге и безмолвной тишине. В Нью-Йорке тишину днем с огнем не сыщешь, независимо от погоды. Шум и смог — неотъемлемая часть города, и мне придется привыкнуть к этому. Люк спит на своей половине, закинув рук и за голову и обнимая подушку. Белая простынь обвивается вокруг его талии. Я встаю, стараясь не разбудить его. Я тише, чем когда либо, собираю свои разбросанные вещи и выхожу в гостиную в поисках футболки и лифчика.

В голове разгорается настоящая война по поводу того, стоит ли мне осмотреться здесь и приготовить кофе, но трусость, в конце концов, побеждает. Я хотела этого в течение нескольких последних недель. И получила, но сейчас, когда мы имеем то, что имеем, я в растерянности. Я выхожу настолько тихо, как только могу, и бегу вниз по трем лестничным пролетам, чувствуя себя все более опустошенной с каждым шагом. Я знаю, что должна делать, но поход в хоромы моей матери на Манхэттене — почти столь же пугающая перспектива, как и возвращение в Колумбийский. Слушайте, по-хорошему в такой ситуации я в первую очередь должна идти к матери. Она должна быть моей жилеткой. Но реальность такова, что она скорее поспешила бы на работу, чем стала разбираться с моими проблемами, неважно, насколько расстроенной я бы выглядела.

Я сильнее закутываюсь в пальто и выхожу на улицу, тут же понимая, что была права насчет снега. Он везде. Огромные сугробы у тротуаров, где дороги расчищены, серый и черный цвет покрыты семнадцатисантиметровым слоем белого. Люди уже заполняют тротуар с дымящимися чашками кофе в руках, сигаретами в зубах и с телефонами, прижатыми к ушам. Никто не замечает и не кидается с криками, когда я появляюсь среди них. Я растворяюсь в толпе.

Пройдя квартал, я вхожу в первый попавшийся небольшой ресторанчик и заказываю кофе. Делаю глоток и замираю у двери на выходе, услышав знакомый голос.

— Судя по тому, что стаканчик один, возвращаться ты не планировала?

Волосы Люка взъерошены и покрыты снегом, который снова начал сыпать, пока я была внутри. Он одет в одну только футболку и тренировочные штаны, и выглядит запыхавшимся.

— Что... Что, черт возьми, ты творишь?

— Нет, — он делает шаг навстречу мне и убирает руки в карманы. — Это что ты творишь?

— У меня занятия.

— Эвери, у тебя нет занятий. Сейчас шесть утра. И у меня есть серьезные сомнения, что ты собираешься туда возвращаться. Ты просто бежишь от меня.

— Я не бегу!

— Тогда почему не разбудила меня, когда собралась уходить?

— Потому что... — Я обвожу взглядом улицу, не желая встречаться с ним глазами.

— Ты реально умеешь заставить парня чувствовать себя дерьмом, ты в курсе? — Он делает еще один шаг ко мне. — Я, бл*дь, в шоке. Мы... Прошлая ночь... Я знал, что это

плохая идея, но, по крайней мере, надеялся, что ты не ополчишься против меня.

Я опускаю взгляд на наши ноги и замечаю что он в наспех надетых тонких кроссовках.

— Не будь дураком! Я ничего не имею против тебя. Просто мне показалось, что для тебя так будет проще.

— Для меня проще... — он не заканчивает предложение. Поднимает руки над головой и сцепляет пальцы, прижимая локти к ушам, как вчера, когда удерживал мои руки. — Проклятье, иногда ты думаешь только о себе, так?

— Постой, просто... Так будет лучше.

Он сужает глаза и сокращает расстояние между нами, тянет в сторону тротуара, подальше от людей, которые проходят мимо и толкаются.

— Почему, твою мать, так будет лучше?

— Открой глаза, Люк. Сегодня ночью ты переспал со мной, чтобы я почувствовала себя лучше. И мне действительно лучше. Так что спасибо.

— Спасибо? — В непонимании он трясет головой. — Спасибо? — Он сжимает кулаки, и на секунду я пребываю в уверенности, что он собирается впечатать их в стену. Вместо этого он хватает мою руку и прижимает ее к своему лицу. — Я не делал одолжение, когда спал с тобой вчера, идиотка. Господи, как ты не понимаешь, что я просто забочусь о тебе?

Я действительно знаю, что он заботится обо мне, и, возможно, это даже хуже. Потому что если он заботится обо мне, то все по-настоящему. И это... это мне незнакомо, понятия не имею, как справиться с этим. Я говорю первое, что приходит в голову, и это — самая хреновая вещь, которую я когда-либо говорила вслух:

— Ты не переживаешь обо мне. Просто жалеешь, потому что мой папа умер.

— Серьезно? Ты так думаешь? — Его щеки краснеют. Пронзительно темные глаза сияют лихорадочным блеском. — Ты очень сильно ошибаешься.

— Тогда, почему ты всегда предлагаешь мне встретиться? Приглашаешь выпить с тобой кофе?

Люк отступает дальше по улице, но не отводит от меня взгляд. Гнев искажает его красивое лицо.

— Сначала я предлагал тебе встретиться в память о твоём отце. Хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Но это быстро изменилось. Я... У меня проснулись чувства к тебе. Не тебе было всего шестнадцать, ты была так сломлена и чертовски, чертовски прекрасна, я не мог совладать с собой, как бы ни пытался. Я не помню и дня в то время, когда не хотел бы быть первым человеком, к которому ты придешь, если тебе будет нужна помощь. Дня, когда ты не была той, о ком я думал в первую очередь, проснувшись утром.

— Теперь ты выглядишь смешным, — говорю я, отступая на шаг. — Все то время ты был с Кейси. Я была ребенком.

— Ты никогда не была просто ребенком! А с Кейси я встречался по неправильным причинам. И понял это, когда мы вместе сюда переехали. Я, бл*дь, и спать с ней перестал, потому что, бл*дь, не любил ее! Я перестал с ней спать, потому что не мог выбросить тебя из своей гребаной головы! — Он срывается на крик.

Бизнесмены, проходящие мимо в своих дорогих, сшитых на заказ костюмах, хмурятся, глядя в нашу сторону. Я не могу больше этого выносить.

— Пожалуйста, Люк.

Он резко вдыхает через нос и переводит взгляд на отворот моего пальто, слишком злой, чтобы смотреть в глаза.

— Ну так что? Теперь ты просто вернешься к тому парню из Колумбийского? И он сделает тебя счастливой?

Я не говорила Люку о том, что решила после того, как мы с Морган приехали из больницы — что больше не буду видаться с Ноа. Сейчас он — идеальная отмазка.

— Ноа не делает меня счастливой. Мы... Мы просто... ничего. Это не имеет значения. Лицо Люка искажает выражение боли.

— Если ты просто спишь с ним для того, чтобы отвлечься, делай это со мной. Так будет лучше.

— Я не могу.

— ПОЧЕМУ? — вопит он.

Я смотрю на него, пытаюсь сдержать слезы.

— Потому что ты вселяешь в меня ужас, Люк.

Он отшатывается как от удара.

— Ты боишься меня?

Я причинила ему боль. Господи, я вижу это по его лицу. Ему так больно. Черт, мне хочется умереть от этого.

— Я боюсь того, что чувствую рядом с тобой, — шепчу я.

Он придвигается ближе, все еще тяжело дыша.

— Что? Что ты чувствуешь рядом со мной?

— Что я на краю пропасти. Что я теряю контроль. Теряю себя и больше никогда не найду, Люк. Я не смогу вынести этого. — Я разворачиваюсь и бегу. Не знаю, следует ли он за мной, но сомневаюсь в этом. Снег сыпет все сильнее, и я роняю кофе на асфальт. Я бегу от единственного хорошего, что есть в моей жизни.

Отравленный воздух

Аманда Сент-Френч, так же известная как моя мать, покидала дом, когда я, наконец, добралась до Манхэттена. Я замечаю облако ее светлых волос, отливающих золотом в серой мрачности этого пасмурного дня, пока она стоит у двери и видимо возится с ключами. Расплачиваюсь с таксистом, оставляя щедрые чаевые, так как у него нет сдачи, и бегу по улице, чтобы успеть догнать ее до того, как она сядет в свой «Лексус». И почти опаздываю. Она как раз открывает пассажирскую дверь, когда я оказываюсь рядом. Возникает момент неловкости, когда я, наконец, смотрю на нее, она видит меня и женщина, которую она держит за руку, тоже меня замечает. Как я могла не обратить внимания, что она не одна?

Почему не увидела, что она держит за руку какую-то женщину?

Ее глаза широко раскрываются, я никогда не видела их такими. Не думала, что это вообще возможно. Обычно она смотрит на меня с прищуром.

— Эвери? — Она бросает смущенный взгляд на... на подругу? Женщине около тридцати — слишком молода, чтобы быть одной из маминых подруг-адвокатов. Ее темно-каштановые волосы уложены в французскую косу и мягко струятся по плечам. Она одета в футболку с Led Zeppelin, очевидно фирменную. Я моментально проникаюсь к ней неприязнью. Люди, которые покупают ретро-футболки с рок-идолами, чтобы казаться крутыми, обычно ими не являются. За те пару секунд, что мама ловит ртом воздух и не знает что сказать, я сканирую состояние незнакомки (оживленное) и собственно мамы (в ужасе).

— Что ты здесь делаешь? Ты не получила мой е-мейл? — шипит она. Она слегка разворачивается, чтобы не было видно, как она держит ту женщину за руку.

— Какой е-мейл? — Может, она послала мне е-мейл, в котором объяснила, что здесь сейчас происходит. Я морщю лоб, пытаюсь припомнить. На ум приходит только одно объяснение, но оно слишком странное.

— По поводу денег. Рождество, — говорит она сквозь зубы.

— Рождество? — Моему мозгу требуется немного времени, чтобы понять, о чем она говорит. И тут я понимаю. Если она присылает мне деньги, это автоматически означает, что она будет вне зоны доступа, и мы не можем видеться, пока она сама не найдет для этого весомый повод.

Казалось, это невозможно — заставить меня чувствовать себя еще хуже, чем в последние двадцать четыре часа, но ей это удастся. Я полном дерьме.

— Мам, Мэгги Брайт была в кампусе. Она... — Я перевожу взгляд на женщину неуверенная, стоит ли рассказывать о том, что произошло перед ней. Брюнетка таращит глаза так будто у меня три головы. Переводит изумленный пристальный взгляд с меня на маму, которая приняла свой фирменный угрюмый вид. Кроме того, она выглядит даже более безумной, чем обычно.

— Мам? — переспрашивает женщина, поднимая бровь.

— Я собиралась рассказать тебе, — говорит она уверенно. Это голос адвоката — тот, который она использует, чтобы бесстрастно представлять сухие, неопровержимые факты.

— Понятно.

— Мы поговорим об этом позже. Почему бы тебе не отправиться по делам? Встретимся за обедом. — Со мной мама использовала этот прием сотни раз, но брюнетка, видимо, к такому не привыкла. Она разжимает мамину руку и протягивает мне ладонь.

— Я Брит. Приятно познакомиться... Эвери, правильно?

Я пожимаю ее руку и киваю.

— Эвери.

Брит дарит мне теплую улыбку и удаляется вверх по улице, через плечо бросая на маму взгляд, полный негодования.

— Какого черта? — Мама хватается меня за руку и тянет на лестницу, выискивая ключи в пальто, перекинутом через руку.

— То же самое хочу спросить у тебя! — кричу я. — Брит, мама? Брит? Ты что, теперь лесбиянка? — Она осторожно смотрит по сторонам, открывает дверь и толкает меня внутрь.

— Да, я теперь лесбиянка. Я лесбиянка последние три года.

— Что? — Я изгибаю бровь и усиленно моргаю, пытаюсь придать хоть какой-то смысл ее словам. Безрезультатно.

— Именно поэтому я ничего тебе не говорила, — заявляет она. Она опускает глаза на мои ботинки. — Снимай обувь. Мне только натерли воском пол.

Я со злостью снимаю ботинки и швыряю их на пол со всей силой, на которую способна.

— Что ты имеешь в виду под «Именно поэтому я ничего тебе не говорила»?

Уголки ее губ опускаются, придавая лицу еще более серьезное выражение.

— Я знала, что ты будешь осуждать меня.

— Осуждать тебя? Какого черта, мама? Думаешь, я какой-то там гомофоб?

— Это отвратительное слово. — Я отмечаю, что она не протестует. Качаю головой, полностью сбита с толку. С какого перепуга она взяла, что я буду ее осуждать за связь с женщиной? Пытаюсь прокрутить в голове наши разговоры об отношениях полов и ту мою фразу, которая могла натолкнуть ее на подобные мысли.

— Я не гомофоб! Поверить не могу, что ты так обо мне думаешь!

— Отлично, тогда что это было за выражение лица? — парирует она. И идет на кухню, в полной растерянности я следую за ней.

— Выражение лица? Ты имеешь в виду растерянность? Может, потому что ты только что заявила о своей нетрадиционной ориентации, которую сменила три года назад, не сказав мне ни слова, ты об этом?

— Не будь ребенком, Эвери. — Она отворачивается от меня и закатывает рукава на локтях, словно готовясь к схватке. Еще более ожесточенной схватке. — Просто скажи, что от тебя хотела Мэгги Брайт. Уже десять, я не могу опоздать, а на дорогах адские пробки.

— О, прости, я бы не хотела, чтобы ты пропустила встречу из-за своей дочери-истерички. Не волнуйся, буквально пару слов. Каждый в Колумбийском знает о папе. И о том, что я врала. Повсюду висят плакаты с моей фотографией и настоящим именем. Они называют меня...

— Эвери, прекрати! — На лице мамы ее обычное выражение. Отрицание. Она наклоняется над столешницей кухонного острова за двадцать тысяч долларов и кричит: — Это так предсказуемо!

— Извини, мама. В этом нет моей вины. — Я не тешу себя иллюзиями, что она расстроена из-за меня. Она, несомненно, напугана тем, что люди могут узнать, что она связана со мной. — Как долго ты встречаешься с Брит? — бормочу я, внезапно желая знать

— Девять месяцев, — ворчит она.

Истерический смех уже готов вырваться из моего горла, но я сдерживаюсь. Мама замечает это и спрашивает:

— Почему ты интересуешься?

— И ты всего лишь «собиралась рассказать» ей о том, что у тебя есть дочь? Она ни за что не простит тебя.

— Не твое дело, Эвери. — Она отклоняется назад и проводит руками по идеальному «конскому хвосту», волосок к волоску. — Что мне предпринять по поводу Мэгги?

— Я не знаю.

— Я могу добиться разрешения на запретительный ордер, но это займет время.

— Люк уже предложил заняться этим, если потребуется, но я сомневаюсь в том, что оно того стоит.

На мамином лице отражается недоверие.

— Люк Рид?

— Ага.

Она в ужасе. Хотя, скорее это отвращение.

— Ты виделась с ним? Когда? Зачем?

Ее реакция слишком неожиданная.

— Он помогает мне. Мы всегда на связи. А в чем, собственно...

Она пересекает кухню и, тыкая указательным пальцем мне в грудь, произносит:

— Ты больше не будешь встречаться с ним, поняла меня? Я не хочу, чтобы ты и близко подходила к этому парню! — Она подходит к буфету и тянет открытый ящик, доставая металлический ключ. Но не дает мне его в руки, а кладет на мраморную поверхность стола, слегка обиженно глядя на него.

— Я думаю, ты можешь остаться здесь на ночь сегодня. А я разберусь со всем в Колумбийском.

Я настолько ошеломлена ее вспышкой насчет Люка, что не могу вымолвить ни слова. Я знаю маму достаточно хорошо и понимаю, что она разберется со всем немедленно. Не откладывая в долгий ящик. Если, конечно же, это не касается вопроса о том, чтобы сообщить собственной дочери или подруге о существовании другой.

Я нервно меряю шагами ее кухню, пытаюсь найти что-то хотя бы отдаленно знакомое или домашнее, в то время как она добрых двадцать минут общается с деканом Колумбийского. Она заплатила маленькое состояние, чтобы гарантировать мое поступление в Колумбийский — даже при том, что мои оценки были достаточно хороши, чтобы сделать это все самой — и не боится напоминать о своих «благотворительных пожертвованиях». К концу монолога она получает гарантию, что плакаты к концу дня будут сняты, и любой, кто будет преследовать меня, будет строго наказан.

Точно так же как и в средней школе, моя мать, что думает телефонный звонок тому, у кого нет абсолютно никакого контакта со студентами, решит все мои проблемы. Или решит их достаточно, чтобы я не говорила, что она ничего не пыталась сделать.

— Сегодня вечером у меня встреча. И, скорее всего, после работы я не вернусь. Если решишь остаться здесь, мы не увидимся до завтра, вероятно. Не волнуйся о беспорядке. Утром придет Консуэла.

Она окружает меня облаком ванили от своих духов и уходит. Парадная дверь захлопывается за ней, и я остаюсь одна в холодной, недружелюбной кухне, все еще глядя на

ключ от своего дома, который она, наконец, мне дала.

Ноа: Эвери, возьми трубку. Нам нужно поговорить.

В сообщении все те же слова, сколько бы я его не перечитывала, но никак не могу заставить себя позвонить Ноа. После того, как я переспала с Люком... Ладно, он — это все, о чем я могу думать, и пока в голове творится неразбериха, понятия не имею, каким, мать его, образом, объяснить Ноа, что я больше не хочу его видеть? Моя личность рассекречена самым отвратительным способом, и все остальное, что я могу сказать, настолько же разрушительно. Хуже всего то, что я заперта как в ловушке в абсолютно холодном, бездушном доме моей матери, где даже нет ни одной моей фотографии. Психотерапевты всего мира, вероятно, посоветовали бы мне пойти и поговорить с кем-нибудь, прежде чем я начну рушить стены и наломаю дров. Но я не могу. Я просто хочу посидеть в тишине, и чтобы рядом был кто-то еще, просто побыл со мной. Человек, которого я хочу видеть рядом со мной больше всего, мертв. Единственный человек помимо него, кто сможет заполнить эту пустоту... С ним я облажалась. Просто охренительно облажалась.

Я вожу пальцами по сенсорному экрану телефона, не находя себе места, когда он начинает звонить. Неизвестный номер. Привет из ада. История повторяется, все идет по накатанной. Бросаю телефон на диван и иду на кухню, сажусь за стол. Тут же звонит домашний.

— Проклятье! — Я впиваюсь в него озлобленным взглядом. Мне не сойдут с рук разбитые вещи в доме моей матери, которые не будут подлежать ремонту. Вместо этого я сосредотачиваюсь на ярком синем экране, пока не включается автоответчик.

«Вы позвонили в личную резиденцию Аманды Сент-Френч. Пожалуйста, по всем деловым вопросам обращайтесь в мой офис. Спасибо».

Никакого «оставьте сообщение после сигнала». Никакого «если вы звоните не по рабочему вопросу, перезвоните позже». Я знаю почему; никто и никогда не звонит моей матери по нерабочим вопросам.

— Эвери? — голос Брэндона, звучащий из динамика, пугает меня до невозможности. — Эв? Ты там? Мой телефон разрывается все утро. Возьми трубку, ребенок.

У меня дрожат руки, когда беру трубку.

— Как ты узнал, что я здесь? — хриплю я. Горло горит. Слышать нотки беспокойства в его голосе — достаточно для того, чтобы я снова была на грани.

— Люк звонил, милая. Он волнуется за тебя. Ты расскажешь мне, что происходит?

— Люк? — Какого черта он звонит Брэндону? — Да ничего. Я... — Я не могу врать дяде. Он все равно поймет. Неважно, насколько я буду контролировать тон своего голоса, он поймет. Я тяжело вздыхаю. — Разве он не сказал тебе, что произошло?

— Кое-что он сказал. Но я хочу, чтобы ты мне рассказала.

Так похоже на Брэндона. Он знает, что я расскажу лишь половину истории, если будет возможность хоть что-то скрыть.

— Просто... — я упираюсь костяшками пальцев в лоб, — одна девчонка из Брейка

вместе с бывшей пассией Люка сговорились и разоблачили меня в Колумбийском.

— И?

— И? Это последнее, чего мне хотелось!

— И я уверен, что переспать с девчонкой, в которую он по уши влюблен, только чтобы увидеть, как наутро она сбегает, даже не разбудив его — последнее, чего хотелось Люку.

— Что за хрень? Он тебе это сказал? — Я закрываю глаза и опускаюсь на барный стул, в ужасе глядя пустым взглядом в стену. Брэндон лишь смеется.

— Вообще-то нет. Он позвонил мне в семь утра и был сам на себя не похож. И это единственный вывод, который я мог сделать. Он не отрицал, когда я напрямую спросил его об этом. Не злись. Он просто искал тебя.

— Он говорил тебе, что врал нам всем о смерти папы? — выпаливаю я. На другом конце провода в течение минуты сохраняется тишина.

— Нет, он мне ничего не говорил. Что ты имеешь в виду под «он врал»?

— Полиция кое-что скрыла от нас. Скрыла от общественности. Люк говорил, что когда отца нашли, он уже был мертв, но это не так. Люк говорил с ним. И держал за руку, когда он умер. Он...

— Что он сказал, Эвери

—...сказал, что держал его за руку, пока он умирал, когда они нашли его. Ему было очень больно. Все эти годы...

— ЧЕРТ, ЭВЕРИ, ЧТО ГОВОРИЛ МАКС?

Я замираю на полуслове и моргаю, глаза заволакивает пеленой слез. Брэндон чертыхается в трубку.

— Дерьмо, прости, ребенок. Что он сказал? Что-нибудь о том, что он натворил? Почему это сделал? Говорил ли, кто еще к этому причастен?

Его голос полон гнева. Я так удивлена его категоричностью, что мешкаю с ответом. Говорю прямо.

— Нет. Ничего подобного. Он сказал... Он сказал «сделка» и еще «Летай высоко, Икар».

Брэндон резко выдыхает по ту сторону трубки.

— Твой отец, этим именем он обычно называл...

— Я знаю. — Это действительно так. Еще один человек понял, что его последние слова — послание для меня. Это чертовски ранит.

— А что насчет «сделки», ребенок? Это что-то значит для тебя?

— Нет.

— Уверена? Подумай хорошенько.

— Я уже подумала! Я вообще последние восемь часов ни о чем другом думать не могу. Наверное, тебе стоит позвонить Люку и поговорить с ним об этом. Судя по тому, что он говорил мне прошлой ночью, у них были близкие отношения.

Я слышу, как Брэндон втягивает воздух сквозь сжатые зубы; он всегда так делает, когда расстроен или волнуется.

— Ты должна простить Люка, знаешь.

— Почему? Он врал нам. И у него все еще есть секреты. Ты знал, что папа взял над ним шефство, когда он был ребенком? Так что у него есть темное пятно в прошлом, раз уж нужна была помощь. Кто знает, что он за человек. Откровенно говоря, мы едва знаем этого парня. Он может быть опасен.

— Именно поэтому ты вчера легла с ним в постель?

Моя челюсть отвисает. Это больно. Больнее, чем я готова признать.

— Я совершила ошибку, Бренд. И больше ее не повторю.

— Он офицер полиции, Эвери. Как, черт возьми, он может быть опасным? И да. Я знал что Макс за ним приглядывал. Твой отец рассказывал мне несколько вещей о Люке, о которых, честно говоря, я предпочел бы не знать. Теперь мне сложно смотреть ему в глаза при встрече, мне жаль его. Если бы ты дала ему шанс, он бы пролил свет на то противное, темное дерьмо из своего прошлого, и ты поймешь, как неправа сейчас. Что касается лжи о нас, если полицейские утаили информацию от общественности, то Люк сделал то, что ему полагалось. Он, возможно, потерял бы свою работу, если бы рассказал нам то, что скрыли в тех бумагах. Или хуже того, попал бы в тюрьму.

Резкая критика Брэндона — совсем не то, чего я от него жду. Обычно он милый добряк, но сейчас, похоже, я задела его за живое.

— Прости, я... — опускаю голову ниже, — я веду себя как та еще стерва.

— Да. Так и есть. Послушай, проваливай из дома твоей мамочки, ладно? Воздух в том помещении точно отравлен.

— Не могу. Я ни за что пока не вернусь в Колумбийский. И если ты воображаешь, что я вернусь к Люку, то я закричу.

— Нет, идти к Люку — не вариант. Он едет сюда. Говорил что-то о том, что хочет приехать в дом и поискать дневник отца. Не ты ли предлагала ему обратиться ко мне за помощью?

Я хлопаю рукой по столешнице, чувствуя приближение головной боли.

— Я предлагала ему это до всего произошедшего! Какого черта он сейчас за это взялся?

— Понятия не имею. Возможно, ты попала в точку. Может, он был сломлен темными событиями из прошлого, и твой отец оказался тем человеком, который помог ему выбраться из этой ямы. Возможно, Люк чувствовал, что Макс спас его. И благодарен ему за это.

Я кусаю внутреннюю сторону щеки, несмотря на мягкость тона, понимая, что Брэндон все еще отчитывает меня.

— Мне жаль, ладно? Последние двадцать четыре часа выбили меня из колеи.

— Я знаю, ребенок. У тебя тоже есть свои скелеты в шкафу. Но прекращай строить из себя жертву. И тащи свою задницу в колледж.

— Кстати о колледже, не нужна твоя помощь, Бренд.

— В чем?

Я кусаю губу, пытаюсь сформулировать.

— Я... эмм, я должна взять у тебя интервью о том, что случилось.

Брэндон глубоко дышит на другом конце провода.

— Какое интервью?

— О том, что случилось... О папиной смерти. О том, как я это восприняла.

— С какого перепуга ты хочешь это делать?

— Я не хочу. Я должна. Это задание по «Право и этика СМИ». Мой профессор — исчадие ада. Он хочет, чтобы мы вытащили наши самые болезненные воспоминания. Плюс чтобы мы озвучили чью-то еще версию событий. Завалить этот предмет — последнее, в чем я сейчас нуждаюсь.

— Почему бы тебе не выбрать что-то другое, Эвери? Что-то, что не причиняет такую боль?

Я прижимаю кончики пальцев ко лбу, задавая себе тот же вопрос. Хотя уже знаю ответ.

— Потому что он загнал меня в угол. Я сказала ему, что честность — самое важное качество для журналиста, поэтому если сейчас я солгу, то выставлю себя ужасной лицемеркой.

— Ну, хорошо, если ты действительно хочешь поговорить со мной, договорились, Эвери. Но чтоб ты знала... Думаю, чисто географически есть человек, который ближе к тебе и был бы более разумным выбором.

Надеюсь, он не имеет в виду мою мать? Он не может быть настолько жестоким. На заднем фоне слышится звук автомобильного двигателя.

— Ко мне клиент, ребенок. Я должен идти. Просто подумай об этом, хорошо?

Он вешает трубку, и я остаюсь одна, с привкусом горечи во рту. Я хватаю свое пальто, намеренно оставляя ключ от маминой квартиры нетронутым на столе, и убираюсь оттуда.

Угрозы

— Я переживал, вернешься ли ты. Ты собиралась мне перезванивать?

Я решила обезопасить себя и вернуться в кампус незамеченной. Ноа, засунув рукава в карманы куртки, сидит на нижней ступеньке лестницы у входа в здание. Мои плечи поникают при виде его пронизательных глаз.

— Так теперь ты поджидаешь меня у дома? — Я сжимаю связку ключей в ладони.

— Только чтобы, наконец, увидеть тебя, любовь моя. — Из-за его случайного использования слова «любовь» я съеживаюсь. Он натужно смеется. — Не волнуйся, Эвери, это просто ласковое обращение.

— Я знаю, — голос звучит глухо, несмотря на все мои усилия казаться раздраженной. Я кручу в руках ключи и подхожу к двери. — Не хочу стоять здесь у всех на виду. Хочешь зайти?

Ноа выпрямляется, слегка горбит плечи, укутываясь в пальто.

— Никого нет, Эвери. Все на занятиях.

— Там, где должен быть и ты

— Там, где должны быть мы оба.

Я провожу языком по зубам.

— Я захожу. Если хочешь, пошли со мной.

Вхожу в здание и пару секунд стою за дверью — пойдет или нет? Идет. Мы проделываем путь к моей квартире в полной тишине. Почему-то я напрочь выкинула из головы существование Лесли. Когда дверь открывается, она выглядит как приведение, в удивлении широко открывает глаза:

— Привет, ребята!

— Прости, Лесли... Эмм, мы... Мы пойдем в библиотеку, — произношу я.

— Господи, зачем, я как раз ухожу. — Она спрыгивает с дивана, влезает в домашние тапочки, хлопает крышкой ноутбука, и мчится из комнаты. Она не собиралась уходить; на ней футболка, на голове — растрепанный пучок. Она даже не берет пальто. Звук с грохотом закрывающейся двери разносится о гостиной. Я на автомате направляюсь в свою комнату, сердце разрывается в груди.

— Дерьмо. — Я опускаюсь на кровать и смотрю на собственные руки, не обращая внимания на Ноа, который входит следом.

— Что такое? — Запах его одеколona знакомый, но все же слишком резкий. Его рука оказывается на моих плечах, и он пытается притянуть меня к себе, но я остаюсь в строго вертикальном положении.

— Лесли, наверное, думала, что я не вернусь. И она в ужасе, что придется делить комнату с дочерью серийного убийцы.

Ноа вздыхает.

— Ты преувеличиваешь.

— О, да? Ты не воспринял эту новость легко.

Он опускает голову и глубоко вздыхает.

— Я просто был в шоке. И расстроен, что ты сама не рассказала.

— Я тебя едва знаю, Ноа. Чтобы рассказать Морган, мне понадобились месяцы, и то это вышло случайно.

— Я знаю. Ты права, мне очень жаль. Но сейчас, когда я в курсе, ты можешь мне доверять, договорились? Я не хочу терять то, что зарождается между нами. Нам просто нужно...

— Ноа, нет. Я не хочу больше тебя видеть.

Он поворачивается, глядя на меня хмурым взглядом.

— Что? Почему?

— Это сложно объяснить. Все слишком сложно.

На мгновение он умолкает, затем хватая меня за руку. Я смотрю на него и вижу его взгляд, полный решимости.

— Ты не знаешь, где я рос; как я рос и что еще более важно, среди каких людей, Эвери, но у нас не было серийных убийц. Кое-кто из отцов моих друзей до сих пор в Порт-Лиисе без надежды на освобождение. Плевать, сколько дерьма твои предки совершили в этом мире, их ошибки — это их ошибки. Что бы он ни сделал, любовь моя, это делал он. Меня же волнует только то, что делала ты. И что собираешься сделать. — Он сжимает мою руку и медленно выпрямляется. Немного тянет, так, чтобы я села. Я сажусь, пряча лицо в волосах. — Посмотри на меня? — Голос звучит мягко. Мне от этого только хуже. Я делаю, как он просит, и вздрагиваю при виде странного выражения его лица. — Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Что?

— Поехала со мной в командировку в Сьерра-Леоне. Это даст нам шанс лучше узнать друг друга. Тебе просто нужно поговорить с профессором Лэнгом. Он даст разрешение на то, чтобы ты прошла его курс в конце года. Я уже поговорил с людьми в Африке, они будут рады еще одной паре рук, которая сможет помочь. Это хорошо скажется на твоей...

— Ноа.

— Что? И не говори, что ты не радуешься возможности уехать подальше отсюда. Нужно продержаться всего неделю, а там рождественские праздники. К тому времени как мы вернемся, все уляжется....

— Ноа, я спала с Люком.

Он прекращает говорить. Пару секунд я просто не могу поверить, что эти слова действительно сорвались с моих губ. Понять не могу, с чего вдруг я это лягнула. На лице Ноа написано замешательство.

— С Люком? Парнем из бара? Но... но ты говорила, он просто друг? — Его голос надламывается. Внутри меня все переворачивается, когда я вижу боль на его лице.

— Да. Я имею в виду... Он был моим другом. Теперь не уверена.

— И ты спала с ним?

Я киваю, так как не вижу смысла говорить что-то. Откидываюсь назад, спиной прижимаясь к стене, устраивая подбородок на коленях. Ноа устраивается на кровати и обхватывает руками голову. Пару минут мы молчим, в тишине комнаты слышно только наше тяжелое дыхание. Наконец он убирает руки с лица и смотрит на меня.

— Это неважно. — Ага, как же. Особенно, судя по тому, как он судорожно сжимает и разжимает кулаки. — Это не значит, что ты предала меня. Ты просто сходила с ума из-за своего отца. И сделала это, чтобы ни о чем не думать, так? — Надежда в его голосе смешана

с болью. Я отвратительный, отвратительный человек.

— Нет. Нет, Ноа. Не поэтому. Я сделала это, потому что он мне не безразличен.

— А я тебе небезразличен?

— Все верно, но...

— Тогда ты поедешь со мной в Африку.

— Ноа...

— Нет! — Он вскакивает, потирая шею. — Это все неважно, понимаешь? Слушай, я не говорю, что я счастлив от мысли, что ты переспала с другим парнем. Он тебе не безразличен — я не говорю, что мне не больно при мысли об этом. — Его лицо становится мертвецки белым. — Но ты сама только что сказала. Я тоже тебе не безразличен. Поэтому я не могу просто взять и отпустить тебя. Прямо сейчас я чувствую себя в полной заднице, потому что отчаянно хотел бы быть на его месте. Я хочу тебя, Эвери. Я не хочу ни с кем тебя делить. Ты должна быть только моей. Поэтому ты должна поехать со мной в Африку.

Он не слышит меня. Выбирает не слушать. Это полное сумасшествие. Абсолютный дурдом. Как будто я могу вот так запросто взять и уехать с ним в Африку после того как призналась, что спала с другим парнем. Это чистое безумие.

— Слушай, мне, правда, жаль, Ноа. Я знаю, это несправедливо по отношению к тебе. И мне очень, очень жаль, что ты тратишь свое время, но...

— Тебе очень, очень жаль, что я трачу свое время? — Глаза Ноа горят лихорадочным блеском, когда он смотрит на меня. Я и представить не могла, что они могут выглядеть настолько дикими, как будто через секунду он прыгнет в пропасть. Он судорожно проводит руками по своим волосам, качаясь взад-вперед на моей кровати. — Трачу свое время? Ты и правда, глупая мелкая сучка, Эвери. Ты хоть представляешь себе, сколько девчонок вешались мне на шею последние несколько недель, а? Я такой... — Кажется, у него кончился запал, и он не может подыскать слова. Я все еще прихожу в себя после «глупой мелкой сучки», когда он снова возвращается к кровати, подползает ко мне так, что теперь нависает сверху, своими ногами фиксируя мои, и упирает руки в стену по обе стороны от моей головы. — Я такой... тупой кретин, — выдыхает он. Все его тело дрожит. Каждая клетка полыхает Гневом. Наверное, мне стоило бы испугаться, особенно когда он наклоняется ближе и тычет пальцем мне в лицо, но у меня просто нет сил на это. Я безучастно смотрю на него, спокойная, задаваясь вопросом, ударит ли он меня, и это, кажется, только больше приводит его в ярость. — Ты едешь со мной в Африку, Эвери. — Голос дрожит, он пытается взять себя в руки. — Даже, мать твою, не думай о том, чтобы сказать мне «нет». Я не приму такого ответа, слышишь?

— Ты не поедешь в эту гребаную Африку с этим психопатом!

Ботинки Морган жутко скрипят, когда мы идем домой через кампус. Мы ходили за кофе, и я рассказала ей о выходке Ноа. Но не сказала, что ее спровоцировало. Ей не нужно знать о том, что у меня было с Люком.

— Журналисты умирают в Сьерра-Леоне, Эвери. Они едут туда, пытаясь быть добрыми самаритянами, и получают пулю в лоб от детей-солдат. Тебе это не надо. Никому не надо. Плюс, поправь меня, если я ошибаюсь, но все это звучит так, будто Ноа угрожал тебе.

— Так и было. Он был в ярости.

— Но он не причинил тебе вреда? — Морган переводит на меня взгляд прищуренных глаз. Она задает этот вопрос уже в пятнадцатый раз. И все еще нуждается в подтверждении.

— Он вообще не прикасался ко мне. Я сказала ему уйти, и он ушел. Конец истории. — Ага, конец, если не считать, что он разбил камеру, которую дядя Брэндон подарил мне на День благодарения. И по пути впечатал кулак в стену, но судя по тому, как он шипел от боли, а стена осталась целой, то себе он навредил больше, чем ей. Я даже не включала камеру, чтобы проверить, в рабочем ли она состоянии, а поступила умнее — ушла искать Морган, на случай, если он решит вернуться.

Мы почти на месте, и Морган тянет меня за рукав.

— Я рада, что между вами все кончено, Эв. Я ему не доверяю. Ты рассказала Люку?

— Нет, я не рассказала Люку. И не собираюсь.

Морган смотрит на меня так, будто готова придушить.

— А должна. Или хотя бы другому копу. Он может вернуться. И действительно попытаться нанести вред.

— Нет.

— Ты не можешь этого знать! — Морган хватается за меня, не давая и шагу ступить. — Послушай, я не говорю, что Ноа — психованный убийца, или что-то в этом роде, но ты не можешь быть в этом уверена. Я не хочу быть той рыдающей подружкой из ночного выпуска новостей, которая не заставил подругу сообщить о грозящей ей опасности, и теперь она мертва. — Она бросает мне вопросительный взгляд. — Я не буду спать по ночам, если ты этого не сделаешь.

— Хорошо, блин, ладно. Я позвоню копам и все расскажу. Но честно, в этом нет ничего такого.

Мы направляемся в здание и направляемся ко мне. Поднимаясь по лестнице, Морган обнимает меня, прижимая к себе ближе.

— Спасибо. Теперь я могу быть спокойна.

— Как насчёт того, чтобы успокоить меня и рассказать, как прошла твоя встреча с деканом, а? — Колумбийский не похож на заведение, лояльно относящееся к прогулам студентов из-за проблем с наркотиками. На этой встрече с советом колледжа решался вопрос не о том, сможет ли она закончить этот год обучения или придется начинать его заново. А о том, не выгонят ли ее к чертовой матери.

Морган хмурится.

— Ты должна быть на моей стороне. Декан был в ярости, но мне удалось убедить его, что подобного не повторится.

— И все? Тебе даже выговор не влепили?

Морган закатывает глаза и поправляет свой огромный красный свитер. Кстати, красный — совсем не ее цвет. Она все еще похожа на пылающую смерть.

— Ну, они упоминали постановку на учет в течение двух лет, но остановились на испытательном сроке.

Испытательный срок — это нормально. Испытательный срок — это чертовски более удачная идея, чем отметка в личном деле, которая повлияет на дальнейшее обучение.

— Просто убедись, что ты с этим справишься, ладно? Твоя мама права насчет этого. Образование можно отправить псу под хвост, если ты окажешься мертва.

Морган натянуто улыбается, и я вижу, что не пререкаться со мной стоит ей огромных усилий. Она выглядит уставшей. Даже более того — измотанной и опустошенной. Под

глазами синяки, скулы очерчены гораздо сильнее, чем обычно.

— Ты будешь есть? — Я завожу нас в квартиру, ломая голову в попытках вспомнить, есть ли что-то съестное в холодильнике, чтобы накормить ее. Морган качает головой.

— Не могу. Тейт Родс отбил у меня аппетит на всю жизнь. Я, наконец, дозвонилась его матери на Бали. Она сказала, что ничего не слышала о нем. И даже не выглядела расстроенной. Больше переживала о том, что СМИ пронюхают о его исчезновении. Она сказала, цитирую: «Иногда он так поступает, дорогуша. И появляется, когда сам того хочет, а мне приходится вытаскивать его из очередной переделки. Просто позволь полиции этим заняться и не переживай».

Я сажусь за стол, кусая щеку изнутри.

— Мне жаль. Я бы могла попросить Люка рассказывать нам новости о Тейте, если они будут, но... — Но я охренеть как испортила наши с ним отношения, и теперь даже позвонить этому парню — огромная проблема.

Лицо Морган приобретает бледно-зеленый оттенок.

— Все в порядке. Его мать сказала, что отследила выписку по его карточке. Оказывается, ею расплачиваются в стрип-клубах. Похоже, она считает, что он просто ушел в загул.

— Он поступал так раньше?

— Видимо да. — Ее голос стихает. — Я так переживаю о нем, Эв. Мы расстались. Я порвала с ним. И оставила ему четыре сообщения, в которых сообщила об этом. В общем, он может отчаливать и со спокойной душой развлекаться со стриптизершами. Не то чтобы я думаю, что он будет чувствовать вину из-за этого.

Бедная Морган. Тейт — чертов придурок. Он знал, насколько ей сейчас плохо и даже не взял трубку? Поверить не могу, что он такой ублюдок.

— Мне так жаль, Морган. Знаешь что? К черту этого парня. Давай возьмем напрокат фильм и устроим девичник? А с завтрашнего дня приступим к поиску сексуального мачо, который будет о тебе заботиться. Идет?

— Давай. Я согласна.

— Тогда я закажу китайской еды, — добавляю я. Морган надо хорошенько поесть. Но стоит только подумать о китайской еде, и я вспоминаю, как Люк заказывал ее для нас в своей квартире. Стопка комиксов про Человека-паука, горы нот, гитара, аккуратно сложенные полотенца и одеяла в коридоре. Его океан из книг и бесконечные запасы «Джека».

— К черту китайскую кухню. Лучше индийскую.

Не обращай внимания на всяких ублюдков

Я просыпаюсь с привкусом кормы (инд. блюдо из тушеных овощей, прим. пер.) на языке, несмотря на то, что я дважды почистила зубы перед сном. Привкус не настолько плох, как звон в ушах. Я тяну ладонь, чтобы выключить будильник, но вдруг понимаю, что это не он. Возможно, этот противный гул больше связан с пятью бутылками пива, которые были выпиты накануне, чем с тем фактом, что пора вставать. Кстати, когда я, наконец, разлепляю глаза, дневного света не видно. Единственный свет, который разливается по комнате — голубое свечение экрана телефона, шумно вибрирующего на тумбочке.

Я беру телефон и вздрагиваю, попутно отмечая, что сейчас всего шесть часов. Дрожь перерастает в удивление, и я хмурюсь, увидев на экране имя Люка. Я беру трубку и говорю громким шепотом:

— Какого черта ты звонишь мне в шесть утра? — На секунду я надеюсь, что мой номер был набран случайно, в кармане, и собираюсь молча положить трубку. Но он начинает говорить, и я понимаю, что мой номер набран не случайно, а по пьяной лавочке.

— Разница между Вайомингом и Нью-Йорком два часа, так что... здесь четыре. Твой дядя сказал, что нужно дождаться восхода солнца и позвонить тебе, но он не уточнил, где должно взойти солнце, так что... По-моему, сейчас самое время. Проверишь?

— Нет! Солнце еще не взошло! Тебе надо проспать, Люк.

— Я не могу спать.

— Почему нет?

— Ты знаешь, почему нет, — мягко отвечает он.

Я чешу нос, пытаюсь выровнять дыхание.

— Да, я знаю.

— Брэндон сказал передать тебе, чтобы ты позволила мне вытащить себя из скорлупы, — произносит Люк. Он не очень четко выговаривает слова. Не то чтобы совсем непонятно, но это не речь трезвого человека. — Понятия не имею, что это значит, но если тебя нужно вытаскивать, я готов.

Черт побери Брэндона и его длинный язык.

— Мне не нужна помощь с вытаскиванием, но спасибо. Тебе нужно пойти поспать, Люк.

— Мы можем увидеться, когда я приеду домой? — шепчет он.

Я натягиваю одеяло на голову и закрываю глаза. Похоже, мое сердце готово разорваться.

— Ты хочешь этого? В последнюю нашу встречу...

— Ты сказала, что стоишь на краю пропасти.

И я все еще чувствую эти слова, сорвавшиеся с моего языка.

— Да, прости.

— Не извиняйся, — его голос звучит тихо и нежно. — Просто перестань прятаться от меня. Я не совсем понял, что ты имела в виду под этими словами. Это прозвучало как что-то плохое. Но ты должна знать одну вещь, я поймаю тебя. Что бы ни случилось, я всегда поймаю тебя.

Внезапно я чувствую себя самой огромной идиоткой на планете. Глаза наполняются слезами, и они готовы пролиться в любую секунду.

— Люк?

— Да?

— Я облажалась. Реально облажалась. Ты должен ненавидеть меня.

На мгновение он замолкает. Я слышу его дыхание на том конце провода. В конце концов, он говорит:

— Ты знаешь, что я не ненавижу тебя. Точнее, наоборот. Вот в чем проблема.

Я впиваюсь ногтями в собственную руку.

— Ты прощаешь меня? За то, что я сбежала? Будет ли слишком с моей стороны просить тебя об этом?

— Нет. С твоей стороны будет слишком — снова убегать от меня. Вот чему я действительно не могу радоваться.

— Я не буду. Обещаю, я не буду.

— Я не хочу, чтобы между нами оставались какие-то секреты. Брэндон посоветовал мне рассказать тебе... про то, что со мной произошло в детстве. Но я не думаю, что смогу. Не сейчас. Ты же подождешь? — он говорит слишком быстро, проглатывая слова, алкоголь делает его уязвимее. И еще более желанным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я прикасаюсь кончиками пальцев к губам, пытаюсь понять — улыбаться мне или плакать.

— Я подожду.

Я так и не засыпаю снова. В голове кружит слишком много мыслей. Мне хочется свернуться клубочком и рыдать, но не от горя, а от счастья. Я никогда, ни мгновения, не верила, что мы можем быть вместе. Ни секунды. Даже когда он на всю улицу кричал о том, что я ему не безразлична с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, я не позволяла себе об этом задуматься. Я не была готова к риску остаться с разбитым сердцем, не готова к риску испытать вообще какую-либо боль, но сейчас... Я не знаю. Сейчас, возможно, я верю в то, что все будет хорошо.

Возвращение в Колумбийский — одна из самых тяжелых вещей, которую мне приходилось совершать в жизни. Если бы пять лет назад у меня был выбор, я бы ни за что не вернулась в школу. Я бы бросила ее. Перешла на домашнее обучение. Переехала бы в другой штат и начала все сначала. В общем, просто сбежала. Возвращаясь назад, я понимаю, что моя мать просто взяла все в свои руки, не поинтересовавшись моим мнением. Мне пришлось лицом к лицу столкнуться с реальностью, и это было ужасно. Но сейчас я сама контролирую происходящее, и не хочу однажды обернуться назад и понять, что сама выбрала путь изгоя. Путь, полный насмешек и издевательств. Время убегать истекло.

Едва я вошла и до самого окончания лекции, все взгляды были обращены на меня. Все плакаты на территории колледжа были сняты по требованию Аманды Сент-Френч, но даже моя мать не могла заставить людей не глазеть. Я вроде как привыкла к подобному, но не в таком масштабе. Колумбийский университет гораздо крупнее Брейквотерской старшей школы, здесь чертова туча народу, если проводить параллели. И, к сожалению, каждый

теперь в курсе, кто я такая. Время, которое я жила здесь инкогнито, было замечательным, но каждую секунду я боялась того, что будет, когда истина будет раскрыта. Теперь мне нечего скрывать, и это почти облегчение. Больная и извращенная форма облегчения, но все же.

Занятие проходит без эксцессов. Мне удастся абстрагироваться от перешептываний и обсуждения за спиной. Но не от взгляда Ноа, направленного через всю аудиторию и застывшего на мне. Каждый раз, когда я украдкой поглядывала на него, он со злостью смотрел на меня. И я понимала, что если на меня так действует его хмурый вид, когда он находится в противоположном конце аудитории, то встречаться с глазу на глаз я точно не горю желанием. Я возвращаю ему такой же внимательный и сердитый взгляд, и сердце начинает биться сильнее, когда он, наконец, отворачивается. Оставшееся время урока я не смотрю на него.

За десять минут до конца занятия жужжит мой телефон. Это Люк.

Люк: Извини за ранний звонок, который тебя разбудил. Если тебя это утешит, у меня адское похмелье. Простишь?

Я набираю ответ и отправляю.

Я: Возможно. Зависит от...

Люк: От чего?

Я: От того, сможешь ли ты мне пообещать, что мы не будем с тобой разговаривать всю неделю. Мне нужно время, чтобы во многом разобраться.

Я думаю это то, что нам нужно. Это то, что нужно мне. Неразбериха с Ноа, похожая на ночной кошмар; непонимание того, как все разрулить в колледже... Папа. Все накладывается одно на другое. При следующей встрече с Люком я хочу, чтобы в моей голове все было разложено по полочкам. И я могла думать о нем и только о нем. Он этого заслуживает.

Люк: Как скажешь, Эвери. Я никуда не денусь. X

Это «X»(прим.ред. в переписке так обозначается поцелуй) похоже на запоздалую мысль. Он колебался — стоит писать, не стоит? Так мило, что он приписал в конце сообщения поцелуйчик. И снова пишет.

Люк: И мне, правда, жаль, что я позвонил тебе пьяным. Это не круто.

Я: Да ладно, все в порядке. Хотя я не думала, что когда-нибудь такое услышу. Была уверена, что бутылка — это мой запатентованный способ решения проблем.

От его ответа сердце пропускает удар.

Люк: Нет, не в порядке. Это совсем другое. Это ты.

Ноа оказывается рядом еще до того, как толпа с галерки вываливается из аудитории. Он

без шапочки, и несколько девчонок смотрят на него во все глаза. Ноа запускает руку в волосы и натянуто улыбается:

— У тебя еще есть занятия после этого?

— Я не хочу с тобой разговаривать, Ноа.

— Нда, но мы должны это сделать. Ты же не считаешь, что здесь подходящее место для подобного разговора?

Я качаю головой, крепче прижимая папку к груди.

— Мы ничего друг другу не должны. Давай оставим все как есть.

— Но между нами не все...

— Между нами никогда ничего не было, Ноа! — Я останавливаюсь, оборачиваясь к нему лицом.

Он движется быстрее, чем я понимаю, к чему это приведет. И у меня просто нет возможности предотвратить то, что следует дальше. Он шагает вперед, резко прижимает меня к стене и впечатывает свое тело в мое. Его рот обрушивается на мой, а губы так сильно впиваются в мои, что я чувствую вкус крови. Кто-то в коридоре громко улюлюкает, видимо, со стороны это кажется романтическим проявлением чувств на публике. Крики стихают, когда я со всей силы толкаюсь, пытаюсь избавиться от него. Мне удастся повернуть голову в сторону, я тяжело дышу, но попытки отодвинуть его тело проваливаются.

— Ноа! Какого черта?!? — Злость в моем голосе смешана с паникой. Три девчонки с хмурым видом останавливаются в коридоре, пытаюсь понять что это — ссора двух голубков или нечто более серьезное.

Ноа отступает назад, но все еще держит меня за руку, крепко вцепившись пальцами в мою кожу.

— Ты строишь из себя гребаную святую, а на деле — просто шлюха, Эвери. Самая обыкновенная, — произносит он. — Не нужно было увиваться вокруг меня, если ты не хотела быть вместе.

У меня просто отвисает челюсть. Некоторые слова — как красный флаг, стоит их произнести, и дальше сплетни разрастаются с пугающей скоростью. Шлюха — одно из них. Рядом с застывшими в тревоге девушками останавливаются два парня, идущих по коридору. Тот, что повыше, брюнет, покрытый татуировками, улыбаясь, подходит ближе.

— Салют, Эвери! — его ухмылка намекает на близкое знакомство, но мы не знакомы. Он продолжает, не обращая внимания на мое смущение. — Ты помнишь о тех конспектах, которые спрашивала на прошлой неделе? Найдешь время зайти за ними? — Его глаза опускаются на руку Ноа, которая держит мою мертвой хваткой, их яркий стальной блеск посылает четкое сообщение — убери свои гребаные лапы или я тебе их переломаю.

Ноа хмурится, но отпускает. Я вырываюсь и делаю шаг от него, молчаливо благодаря незнакомца глазами.

— Да, конечно. Сейчас идеальное время.

Незнакомец посылает мне улыбку — без осуждения и всего такого, — и кивает.

— Ну, хорошо. Тогда пойдем.

И я иду вперед, прижимая к себе папку как самое дорогое, что есть в моей жизни. Не оглядываясь, я чувствую горящий взгляд Ноа пока мы идем по коридору, дверь за нами захлопывается, и я оказываюсь на улице с парнем, с которым ни разу не разговаривала.

— Спасибо... Это был небольшой...

— ...трындец, — подхватывает парень с татуировками.

Я пытаюсь улыбнуться, настраиваясь на позитивный лад. Этому парню не стоит знать, что на секунду Ноа действительно меня испугал.

— Да. Именно. Прости, я... Мы знакомы? — Я не видела татуировки. Его лицо тоже незнакомо — неудивительно, учитывая, что студгородок насчитывает около шести тысяч человек, и я, как правило, держусь особняком.

— Неа, не знакомы. — Татуированный парень протягивает руку. — Я Алекс.

Яжимаю руку, хотя и терзаюсь смутными сомнениями.

— Но ты мое имя знаешь, так ведь?

Он поджимает губы в тонкую линию, наклоняя голову в бок.

— Да. Но это не моя вина. Твои фото были развешены повсюду в кампусе, вплоть до вчерашнего вечера, кстати.

— О. Понятно. — Я забираю руку и опускаю голову, мечтая провалиться на месте.

Алекс просто жмёт плечами.

— Да не переживай ты. Здесь каждый день — новый скандал. На следующей неделе о тебе и не вспомнят. — Он собирается уходить. — Не позволяй никому заставлять чувствовать себя будто тебе здесь не место. Ты здесь по праву. Как и они.

От этой мысли меня пробивает на смех.

— Легко сказать.

Он жмёт плечами.

— Мне пора. Увидимся. Не расстраивайся из-за всяких убожеств, ладно?

Я разглядываю свои ботинки, покрытые темными разводами от тающего снега.

— Тоже проще сказать, чем сделать.

— Неправда. Вот. — Он лезет в карман и что-то достает — клочок бумаги, судя по всему.

— Я занимаюсь организацией вечеринок в клубе, в качестве дополнительного заработка. Приходи на любой концерт. Выпьешь пиво. Потанцуешь с подругами. Тебе полегчает, я обещаю. — Алекс протягивает мне флаер — черный с белой окантовкой. Это список предстоящих музыкальных мероприятий. И уходит, закинув сумку на плечо. — И прими совет. Тебе стоит сообщить об этом парне в службу безопасности на кампусе. Он выглядел немного сумасшедшим. — Он улыбается, поворачивается, и уходит. Никаких вопросов о плакатах, правда там написана или нет, похожа ли я на своего отца и тому подобное. Ничего.

Я вижу, как он исчезает в толпе людей, которые направляются на следующее занятие, меня поражает одна мысль: может быть, он прав. Может быть, в этот раз все будет не так плохо. Может быть, в этот раз на следующей неделе обо мне забудут.

Хотя один человек точно не забудет.

Я, конечно, сказала Морган, что заявлю на Ноа в полицию после вчерашнего, но честно говоря, собиралась спустить ему это с рук. Он просто разозлился, и я чувствовала себя виноватой. Но сейчас... Сейчас я взволнована. У Ноа было время остыть и обдумать все, но вместо этого он кажется еще злее и угрюмее. И у меня будто упала пелена с глаз, когда это сказал незнакомец, подтвердив слова Морган. Кроме того, я больше не хочу чувствовать себя уязвимой из-за Ноа Ричардса.

Никогда.

По пути домой я разворачиваю флаер, который дал Алекс, и в глаза моментально бросается название одной группы из списка.

D.M.F.

Группа Люка.

Убираю листовку и направились к полицейскому участку, хотя должна была сделать это еще утром. Молодая девушка в полиции принимает мое заявление о поведении Ноа, но не кажется и мало-мальски заинтересованной. Похоже, работа в студгородке, где каждые выходные гулянки и пьяные драки, повлияла на ее чувствительность. Но она заверила меня, что «серьезно относится к подобного рода вещам». Я не вмешиваю сюда Люка. Для его работы не очень полезно быть вовлеченным в «романтические» разборки.

И ухожу домой, все еще крепко зажав пальцами в кармане листовку.

*Брейквотер
11 лет назад*

Люк

Я слышу шипящий звук выпускаемого газа. Щелк, щелк, щелк. Мои глаза закрыты, но я точно улавливаю, когда поворачивается ручка — с таким звуком, вффффф..., затем слышу как вспыхивает огонь. Открываю глаза и надеюсь, что он ушел, но это не так, конечно.

Он берет эту серебристую штуковину — мамочка использует ее для жарки яиц, не могу вспомнить, как она называется, — и поднимает ее так, чтобы я видел. Он выглядит вялым и бледным, как те наркоманы на картинках, которые нам показывали в школе. Но он не под кайфом. Нет, все еще хуже, он пьяный. По крайней мере, если бы он был под кайфом, то не злился бы так. Он почти роняет ее — маленькую девочку, которую держит свободной рукой.

— Я не шучу. Ты меня слышишь, Лукас?

Я пячусь назад и прячу руки за спиной, что отражает, насколько я не хочу делать то, что он мне велит делать.

— Хочешь, чтобы я сделал ей больно? — невнятно произносит он.

— Я не... Я не могу... — говорю я ему.

— Чертова размазня! Чертов педик-размазня! Делай, как я тебе сказал, мать твою!

Я тут же отскакиваю и ныряю за стол, немного успокоившись, когда между нами возникает хоть какое-то препятствие. Сердце вырывается из грудной клетки. Что он сделает? Что он теперь сделает? Он хмурится, пытаясь собраться с разбегающимися мыслями.

— Хорошо, — ворчит он. — Ты знаешь, что будет. — Он снова наклоняется к плите и засовывает серебряную штуковину в огонь.

И держит ее там до тех пор, пока металл не становится красным.

Хитрая лиса

— Самое ужасное во всем этом, Глен, что этот парень был частью общества. Он работал с трудными подростками, которые попадали в неприятности. Кто знает, чем он с ними занимался.

Женщина со слишком высоким начесом на голове, ведущая вечерних новостей, привычным жестом проводит языком по зубам — видимо, проверяет, нет ли остатков помады. Ее напарник в течение секунды заворочено следит за этим действием, и я рассеянно задаюсь вопросом, не спят ли они вместе. Парень делает глоток воды из стакана и кивает.

— Думаю, жители Вайоминга задаются тем же вопросом, Кейти. Мы только теперь можем оценить степень болезни этого человека, спустя годы после событий, которые имели место быть. Макс Бреслин был не только харизматичной личностью, он также был невероятно умен. И прекрасно скрывал свою темную сущность. Кто знает, что еще тогда происходило...

Я выключаю телек и глазею на черный экран. Серьезно? Seriously? Темная сущность? Мой отец иногда выходил из себя, особенно из-за миссис Харлоу, когда ее карликовая собачка породы гадила на наш газон, но блин. Высшей степенью его членовредительства было — написать грубое слово на ее потовом ящике. Я откидываю голову назад и тяжело вздыхаю. Не стоит даже пытаться прятать голову в песок, пытаюсь выбросить эту хрень из моей головы. Это отвратительно, но, что примечательно, я и в половину не чувствую себя так хреново, как думала. Скорее всего, из-за того, что это ложь — при том нелепая.

Лесли смоталась куда-то из дому на вечер, Морган забрали родители на ее первый «после инцидента» сеанс терапии в «Сибрук». Сразу после этого они возвращаются в Чарлстон, что, несомненно, будет способствовать улучшению настроения Морган в ближайшие дни.

Когда я возвращаюсь с занятий, под моей дверью виднеется постер с фильмом про Вайомингского Потрошителя, кто-то прилепил лицо моего отца на лицо убийцы в капюшоне. Я делаю то, что первым приходит в голову, и оставляю его там. Возможно, совет Аманды Сент-Френч сработает: если не реагировать на чужие выходки, скоро им это надоест. А если людям надоест, они скоро забудут обо мне и моих скелетах.

Знание того, что постер все еще на том месте меня дико бесит, но я тренирую силу воли. Я хочу, чтобы меня снова игнорировали. Если мне придется мириться с этим пару недель, я хочу чтобы кто-то меня научил как.

Я гипнотизирую телефон, затаив дыхание, как будто в любую минуту он может зазвонить. Хотя он не звонит. Неделя. Я сказала Люку, что мне нужна неделя, чтобы разобраться во всем, а прошло только три дня. Он, без сомнения, даст мне ее. И я должна быть той, кто соблюдает уговор. В конце концов, я решаю позвонить Брэндону вместо Люка. Он еле переводил дыхание, когда берет трубку.

— Скажи, что ты занимаешься спортом, а не затеял странные секс-игры с Моникой Симпсон. Пожалуйста.

На том конце провода слышно как он с отвращением произносит «беее».

— Ты больная, что ли? — смеется Брэндон. — Я был на улице. Пришлось бежать к телефону. Мы с Моникой решили не продолжать наш жаркий роман.

— Слишком жарко, чтобы продолжать, да, дядя Би?

— В точку. Честно говоря, и сиськи у нее слишком...

— БРЭНДОН! — Я качаю головой, пытаюсь избавиться от образа, возникшего в голове — Я уже достаточно травмирована. Пожалуйста, не усложняй все.

Еще больше смеха.

— Хорошо, ребенок. Я надеюсь, тебя будет преследовать это незаконченное предложение. Как дела? Вы с Люком пришли к чему-то? Я говорил ему позвонить тебе.

— Да. Спасибо за это.

— Это просто мой гражданский долг как твоего ответственного дяди.

— Разве тебе не стоило посоветовать ему держаться от меня как можно дальше? Он... он все еще с тобой? — Я такая хитрая лиса.

— Уехал утром. Ему бы еще поспать часов пять, но я не смог уговорить его. Он сказал, это как-то связано с музыкой.

С музыкой? Что-то такое я слышала. Прикладываю телефон к уху и иду через комнату. Мое пальто там, где я его оставила — под вешалкой. Роюсь в карманах.

— Так во сколько он умчался?

— Почему бы тебе не спросить это у него? — задает вопрос Брэндон. Он меня дразнит. Я улавливаю самодовольные насмешливые нотки в голосе.

— Потому что я спрашиваю у тебя, тупица. — Я нахожу то, что искала — флаер, который мне дал тот парень в татуировках, Алекс. D.M.F — в середине списка групп. Дата: завтра вечером.

— Он рано уехал. Парень выглядел бледнее поганки. Я ему не завидую. Вот что бывает, когда пытаешься быть наравне с профи, — говорит Брэндон со смехом.

— Черт, Бренд, ты взял его с собой, когда собрался выпить с друзьями? Понятно, почему он был в стельку.

— Я ни при чем. Напиться до потери сознания — ритуал в этой семье, ребенок. Он справился с честью.

— О боже, не говори мне подобные вещи. Пожалуйста. — Брэндон ржет как злой гений, кем он и является. — Я так понимаю, ты рассказал ему многое из того, чего я не хотела бы, чтобы он знал? — спрашиваю я.

— Конечно.

— И почему я не удивлена?

— Эвери?

Я закрываю глаза.

— Да, Брэндон?

— Он влюблен в тебя. Не прощаясь это.

30 глава

Энергия

Люк

Я продержался три дня и не позвонил ей. Чудеса космических масштабов. То, что я не на работе, не помогает делу. То, что я в ее старом доме, хожу среди этих запертых комнат, заставляет думать о ней постоянно. На стене в ее спальне — постеры с мальчиковыми группами. Странные долговязые подростки, которыми увлекаются все девчонки. Я сделал фотки на случай, если потом будет нужен на нее компромат.

Дневник я не нашел, и это полный отстой. Если бы он существовал, то это был бы вопрос времени — найти информацию, что делал Макс в то время, когда Потрошитель совершал убийства. Если бы он работал, был в командировке и тому подобное, у него появилось бы алиби. Таким образом, он не смог бы оказаться убийцей.

Но нет дневника — нет алиби. Я вернулся опустошенным, чувствуя, что эта поездка — пустая трата времени. Хотя мне нужно было убраться из Нью-Йорка. Прочистить голову. Возвращение домой, к привидениям и плохим воспоминаниям, немного помогло.

Я вырубился на диване, все еще чувствуя во рту вкус опилок, когда звонит Коул.

— Где тебя носит, убудок? Мы должны репетировать для завтрашнего выступления. Уже почти четыре.

Я проверяю часы — он прав. Без двадцати двух четыре. Я должен был поставить будильник на три.

— Черт, прости, приятель. Я хреново себя чувствую, — и начинаю стонать, пряча лицо в диванную подушку.

— Будет еще хуже, когда я приеду и надеру тебе зад, — предупреждает меня Коул.

— Ладно, ладно. Уже еду, блин.

— Захвати еды, — с этими словами Коул вешает трубку.

Я принимаю душ, смывая с кожи остатки похмелья; и немного больше чувствую себя похожим на человека, хотя и не совсем. По пути к Коулу я забираю пиццу из «У Розиты», место, где мы были с Эвери, когда я рассказал ей о книге Колби Брайта. И хочу свернуть к ее дому вместо его. Поговорить с ней. Но не могу. Она просила меня об одном единственном одолжении, и я сдержусь. Это хреново, но что такое четыре дня?

Когда я подъезжаю, со склада доносятся взрывные хиты Alt-J. Черт, я тащусь по Alt-J. Коул бросает в меня барабанные палочки, стоит только войти.

— Посмотри на время, мудака.

— Ты хотел еды.

Гас и Пит вгрызаются в пиццу как изголодавшиеся пираньи. Я успеваю схватить кусочек до того как испаряется каждый треугольник с пепперони и грибами. Коул не притрагивается к еде. Он рывком указывает на террасу, подавая сигнал следовать за ним.

Снова начинается снег. Крупные, пушистые хлопья оседают на незаконно присвоенной садовой мебели, которую мы с Коулом притащили в один прекрасный летний день, когда сидели здесь вместе и делали наброски новых песен.

— Ну что, — говорит он. — Ты подумал? Насчет контракта?

Я все ждал, когда он заведет эту тему. Счищаю снег с ближайшего ко мне садового кресла и сажусь, засовывая руки в карманы.

— Ага.

Коул не садится. Обнимает себя руками, внимательно глядя на меня.

— И?

— И мне нужно больше времени.

— MVP нужен ответ до конца декабря, Люк.

— До конца декабря еще две недели. Можешь дать мне время до этого срока?

Коул смотрит вниз на свои ботинки, медленно кивая головой.

— Могу. — Он улыбается, стреляя в меня боковым взглядом. — Просто помни, все зависит от тебя, ты же не подставишь друзей?

— Эмм, ты же меня знаешь. С удовольствием превращу твою жизнь в ад.

— Лучше бы мне этого не узнать. Лучше согласишься, Рид. Я уже сказал одной цыпочке, что скоро мы проснемся знаменитыми. Ты же не хочешь, чтобы я выставил себя перед ней лжецом, правда?

— Ты лжец, — смеюсь я. — Наверное, пытался затащить девушку в постель, да?

Он усмехается.

— Что-то вроде того. Ладно, пошли, а то замерзнем здесь нахрен.

Мы заходим внутрь. Я разогреваюсь только к тому моменту, как мы прогоняем первую часть, которую будем играть завтра. По майке стекает пот, когда мы заканчиваем.

Я еду домой, мое тело поет, ключом бьет энергия. Что бы он ни говорил, Коул имеет на это право. Я люблю играть. Это часть меня, это внутри меня, я преображаюсь, когда беру в руки гитару.

Настроение все еще хорошее, когда я становлюсь под душ. Когда выхожу, то вижу пропущенный звонок и голосовое сообщение на телефоне. Оба от Хлои Мэтерс. Приходится прослушать его дважды, чтобы понять, что я не ослышался.

«Привет, Рид, это я. Ты все еще в Брейке? Позвони, когда прослушаешь это. Есть сдвиги по делу. Кое-что серьезное. Кое-что, что раз и навсегда докажет невиновность Макса Бреслина».

D.M.F

Я иду на концерт D.M.F.

Мне не стоило бы идти туда. Мне стоило бы позаниматься. Стоило бы посмотреть The Price is Right (амер. игровое шоу, что-то вроде телевикторины). Мне стоило бы заняться тысячью других дел, например, слушать, как Морган рассуждает о преимуществах клизм из кофе. В общем, чем угодно, кроме как идти смотреть выступление группы Люка Рида.

— Ты можешь ему написать и дать знать, что мы пришли? Он внес бы нас в список или что там обычно делают, я уверена. И дал бы нам пропуск за кулисы. — Морган идет рядом и дрожит, когда мы пробираемся через весь город в клуб, где сегодня играет D.M.F.

— Детка! Тебе противопоказан алкоголь. Твое тело все еще оправляется от передозировки, помнишь? Или уже забыла о недавнем пребывании в больнице? Я не спущу с тебя глаз. И попадание в список вроде как полностью разрушит мою идею о том, чтобы он не был в курсе, что я там. Нет, я не буду писать Люку.

Морган ворчит куда-то в шарф, стреляя в меня опасными взглядами.

— Офигеть как холодно, Эв. И я все еще не оправилась от передозировки наркотиками, а ты собираешься вынудить меня мерзнуть на улице в очереди, чтобы потешить свою гордость.

— Бар «У старины Джо» — обычная дешевая забегаловка. Очень сомневаюсь, что выстроится очередь из желающих в него попасть. А если так произойдет, я согрею тебя своим телом. Либо так, либо мы возвращаемся домой.

— Хорошо, — дуется Морган. — Но чтоб ты знала, это полный отстой, что я вынуждена стоять в самой отдаленной части бара, в тени, как гребаный призрак оперы, чтобы ты смогла воплотить в жизнь свои сталкерские замашки, еще и без стаканчика холодного пива в руке, к тому же. Я до сих пор понять не могу, почему бы тебе просто не трахнуться с этим парнем и не покончить с этим. Люк просто...

Люк — это просто Люк. Если бы она и вправду знала, каково это, насколько шикарен, великолепен и горяч этот парень в постели, то просто умерла бы от зависти. Я старалась не думать об этом, пока тащила ее по улице. Свернув третий раз налево, мы оказываемся у неоновой желто-синей вывески, «Старина Джо!», «Старина Джо!», «Старина Джо!», которая мигает, светится и затухает, освещая улицу метров на шесть.

Очереди нет. Я поворачиваюсь лицом к Морган.

— Я же говорила.

— Да, да. Просто проводи меня внутрь, и я смирюсь с этим. Кажется, сегодня примерно минус двадцать градусов мороза.

На улице и правда где-то минус двадцать, поэтому меня не надо просить дважды. Мы направляемся к распахнутой двери, толкая друг дружку в спешке. По другую сторону двери нас сразу же окружают звуки болтовни, смеха и оглушающая музыка. В темноте видна длинная узкая лестница, которая внезапно озаряется красными, зелеными и синими огнями. Там битком. По ушам бьет треск от музыкальной аппаратуры и, подталкиваемая в бок чужим локтем, я делаю вдох и шагаю вперед.

— Вы готовы, дамочки? Вы готовы к специальному подарку, который приготовил для вас Старина Джо? — раздаётся звучный, приятный голос. Хором слышны восклицания ктооооо и обожеобожеобоже! в ответ таинственному голосу. Это похоже на беспорядочный вой. К тому времени как мы спускаемся по лестнице и осматриваем переполненное подвальное помещение бара, убеждаемся, что это так и есть. Полное сумасшествие. Море людей моментально оказываются между мной и Морган, в дальнем конце зала установлена сцена. Место на самом деле больше похоже на клуб, с барной стойкой справа вдоль стены. Крупный парень в фетровой шляпе — Старина Джо, я полагаю, — стоит на сцене, усмехается и потеет, окруженный толпой взволнованных женщин, у всех как одной стаканы в руках. Я вижу в них просто массу прыгающих женщин, а Старина Джо, я уверена, видит долларовые банкноты.

— Дамочки, надеюсь, вы захватили с собой запасные трусики, потому что сегодня прямо здесь парни, которые сведут вас с ума и сделают влажными. Старина Джо думает, пришло время поприветствовать на этой сцене наших любимчиков, рокеров из D... M... F!!! — кричит он в микрофон, вскидывая кулак в воздух, а девчонки просто визжат как умалишенные. Это выглядит немного жалко, что они теряют голову из-за какой-то группы, выступающей в подвале, и ведь многие из них выглядят приличными и даже трезвыми. Морган вскидывает бровь и переводит взгляд на меня.

— D.M.F? Это твой парнишка?

Я не говорю ни слова. Растягиваю рот в улыбке до ушей, потому что, блин, Люк Рид похоже вполне может быть моим парнем и это здорово, черт побери. Я снимаю пальто и направляюсь к скаучающему за стойкой гардеробщику. Кладу его на прилавок и ослабляю шарф на шее, игнорируя тот факт, что Морган пялится на меня во все глаза — точнее, на прозрачное шелковое зеленое платье, которое было под моим пальто.

— Что, черт возьми, это такое? — требует она ответа.

— Это называется платье, Морган. Уверена, у тебя под пальто скрывается точно такое же, поэтому ты должна знать.

Она показывает мне язык.

Морган снимает пальто с искусственным мехом и под ним оказывается маленькое черное платье, которое облегает ее во всех нужных местах, а также имеет во всех нужных местах разрезы и блестки. Она выглядит как рок-богиня со своими соблазнительными волосами и в этом убийственном наряде. И особенно в кожаных байкерских ботинках, которыми она завершила образ. А мои конверсы, я подозреваю, не сочетаются с платьем, ну и что? Главное, мне удобно.

Ликующий рев толпы перекрывает грохот музыки. По покалыванию в моем затылке и ошеломленному виду Морган я понимаю, что Люк и его ребята поднимаются на сцену. Я переплетаю свои пальцы с пальцами Морган и тащу ее через гомонящую толпу к бару.

— Никакого алкоголя, — напоминаю я ей.

— Но мы будем тусить у бара?

Я киваю.

— Мы будем тусить у бара.

Она морщится, но это показное.

— Хорошая работа, люблю тебя, Паттерсон. И это действительно хорошая работа, потому что отсюда мне все еще их видно, — говорит она, указывая на сцену позади меня. — А ты, если хочешь, можешь идти в самый темный угол. — Она облизывает губы и проводит

кончиками пальцев по затылку, а я чувствую непреодолимое желание дать ей по шее. Вместо этого заказываю две бутылки содовой и толкаю одну ей, сопротивляясь желанию оглянуться через плечо. Похоже, она читает мои мысли.

— Как тебе удастся не смотреть туда, Эвери?

— Я пришла, чтобы послушать их. И могу обойтись без того, чтобы пускать слюни как озабоченная девка.

— Озабоченная девка? — давится смешком Морган. — Ладно, а я могу попускать слюнки. Проклятье, девочка! Эта четверка дико сексуальна! Их бас-гитарист — его татуировки — это что-то... они... они... везде. Мне нужно облизать их все.

Я никогда не видела парней Люка, но Морган в экстазе. А если она говорит, что они сексуальны, значит, они сексуальны. Дайте ей шанс, и она-таки оближет все чернила на коже горячего незнакомца. Я встряхиваю головой и отпиваю содовую, отбивая ногой ритм под стойкой бара.

— Привет, ребята! Как настроение сегодня? — Сердце уходит в пятки, когда я слышу эхо от микрофона, разносящееся по клубу. Голос Люка. Его стиль отличается от Старины Джо, он просто разговаривает с нами, приветствует публику, здоровается. То, что он не говорит о себе в третьем лице, на самом деле круто. Морган визжит и хлопает в ладоши, поддаваясь общей атмосфере. Я чувствую себя не в своей тарелке. Господи, это была чертовски глупая затея. Моя затея. Все нормально. *Ты здесь, чтобы просто послушать музыку, он никогда не узнает, что ты здесь была.* Только почему-то я уже чувствую его горящий взгляд, который путешествует по моей голой коже.

— Спасибо, что пришли, несмотря на мороз за окном. Мы бы хотели поднять вам настроение своей музыкой. Как вам такая идея?

Толпа вокруг нас неистовствует. Крики и аплодисменты Морган сливаются в общем шуме, а я сижу и пью содовую, глядя на свое отражение в зеркальной стене бара. И вижу там же клубок тел, но не сцену, к счастью.

Люк смеется.

— В таком случае мы начнем с песни, которая, надеюсь, поможет вам согреться! И пусть название вас не обманет, договорились? Она называется «Холодные руки, холодное сердце».

Мгновенная вспышка света ослепляет зал, первые аккорды льются из динамиков и зрители буквально сходят с ума. Следом вступают барабаны, и через несколько ударов Люк начинает петь. Выступление ничем не напоминает то, что было в «У О'Фланагана». Это огонь и лёд, слились воедино. Каждая нота пропитана сексом.

Люк поет на разрыв, вгоняя публику в бешеный восторг.

*Я знаю девушку — прекраснее на свете нет,
Но ей всего восемнадцать лет.
Ребенок, который тревожит мои сны.*

*Вырываешься, убегаешь прочь,
Снежная королева
С сердцем черным, как ночь.*

Ты станешь моей невестой.

*Зря убегаешь,
Ведь когда мы вместе
Ты таешь.*

*Холодные руки, холодное сердце
Не стоило целовать тебя
Никогда мне не удастся согреться.*

*Ты превратила меня в лед,
Заморозила до смерти.
И я бросаю тебя,
Разрываю нити.*

Из-за текста все внутри меня замирает. Песня заканчивается, и голос Морган уже охрип от громкого крика. А руки покраснели от аплодисментов.

— Святое дерьмо, Эв, они невероятны!

— Да, — тихо говорю я. — Они такие.

D.M.F играют еще три песни, и за все это время я ни разу не поворачиваюсь. Голос Люка посылает мурашки по моему телу, и превращает кровь в лед, интересно, могу ли я считаться Снежной королей в таком случае? Я знаю, в первой песне он пел не обо мне, хотя бы потому, чертовски уверена, он меня не бросал. Нет, это скорее о Кейси, конечно? Женщина, с которой он так долго был в одной постели, но разорвал нити? И стал моим на одну ночь. Все, что мне пришлось для этого сделать — потерять отца и заработать нервный срыв.

В баре яблоку негде упасть, все пытаются пробиться поближе к сцене, чтобы увидеть, как играет D.M.F. Вскоре только мы с Морган остаемся у бара, рядом Старина Джо разговаривает с барменом. Старина выглядит расстроенным. Наверное, из-за того, что ни один из его клубных посетителей не заказывает сейчас напитки, пока играет музыка, и он не работает на этом.

Морган, наконец, берет свою содовую и подносит к губам, не отрывая взгляд от сцены. Шум позади меня усиливается. Она чуть не выплевывает напиток, когда вдруг начинает громко кричит:

— Мать твою, Эв! Только что он спрыгнул со сцены! И идет сюда!

— Что? — шиплю я. Глупый вопрос. Я точно знаю, о чем она говорит. Мое тело горит все сильнее, я чувствую что Люк уже ближе, еще ближе, еще... И удивлена, что до сих пор не сгорела заживо, когда слышу голос прямо у себя над ухом.

— Простите. Не могли бы вы повернуться на секунду?

О черт. По моей задумке, этого не должно было произойти. В голове лихорадочно крутятся мысли. Как, черт возьми, он рассмотрел меня здесь со сцены? Делаю глубокий вдох и поворачиваюсь.

О. Боже. Пресвятая. Дева. Мария.

Люк Рид собственной персоной стоит рядом, с гитарой, перекинутой через плечо, одетый в рваную майку, которая открывает черные завитушки в виде спиралей обвивающие его бицепсы и плечи. Взъерошенные волосы падают на лицо, с них градом льется пот. По правде говоря, его лицо, и руки, покрытые блестящим потом, напоминают мне только об

одной вещи: о нем, лежащем сверху на мне, о нем, находящимся во мне. Мои ноги начинают дрожать, стоит улыбке расцвести на его лице.

— Ооох, я знал, что это моя красавица, — рычит он. То, как он это говорит, настолько манит, что я моментально теряю голову. — Вы знаете, это очень мешает играть, когда кое-кто стоит спиной, мисс Паттерсон...

Сотня или около того девчонок, стоящих за его спиной, таращат глаза и отчаянно стреляют в меня злыми взглядами, пока мужчина их мечты дарит мне свою лучшую улыбочку в стиле «трахни-меня». Не похоже, что он отдает себе в этом отчет. Это не в стиле Люка. Или, по крайней мере, того Люка, которого я знаю. Этот парень — совершенно другой человек. Он пугает меня до чертиков.

— Мне нужно немного вашего внимания, мисс Паттерсон. — Люк делает еще один шаг ко мне. — Я могу на него рассчитывать?

Кислород просто не успевает попадать в мои легкие. Двумя руками я хватаю пустую пластиковую банку, тело напряжено как стрела. Все пространство окутано тишиной. Морган смотрит на нас с открытым ртом, переводя взгляд с одного на другого, как и несколько других девушек в баре. Люк ухмыляется, сокращая оставшееся расстояние между нами. Протягивает руку, забирает у меня банку, наклоняясь достаточно близко, чтобы коснуться, когда ставит ее на стойку справа от меня.

— Так что случилось с семью днями, а? — шепчет он.

— Математика никогда не была моей сильной стороной.

Он усмехается, и у меня внутри все переворачивается.

— Я рад, что ты не умеешь считать. — Он отрывает от меня глаза, устанавливает зрительный контакт с барменом и говорит, — Две, — показывая цифру указательным и средним пальцами. В панике, смешанной со смятением и крайней степенью возбуждения, воюющими между собой, я задерживаю дыхание, в то время как Люк забирает у бармена две стопки и бросает ему двадцатку. Одну из них он протягивает мне. Она до краев наполнена янтарной жидкостью, и я понимаю, что это «Джек».

— Я не буду это пить.

— Почему нет? — его улыбка все шире растягивается на лице. — Я думал, ты любишь «Джек».

— Только когда хочу забыться.

Люк качает головой, все еще ухмыляясь.

— Я не хочу, чтобы вы забывались, мисс Паттерсон. Я хочу, чтобы ты помнила это. — Люк поворачивается и бросает улыбку через плечо, словно, наконец, припоминая, что за ним толпа народа, куча похотливых студентов, с любопытством наблюдающих за нашим шоу. — Ребята, как думаете, ей стоит выпить?

— Да, черт возьми!

— Да!

— Выпей это, сучка!

— Давай я это сделаю!

Ответные выкрики оглушительны. Парни из группы начинают свистеть со сцены. Тот, что с бритой головой и татуировками, — видимо, басист, о котором говорила Морган, — наклоняется и говорит в микрофон, который там оставил Люк:

— Лучше бы тебе это сделать, таинственная незнакомка. Иначе мы будем здесь всю ночь. А я бы и сам не возражал пропустить стаканчик «Джека» после нашего сета.

— Я куплю тебе столько «Джека», сколько ты захочешь, милый, — вызывается Морган. Парень подмигивает ей, и я понимаю, что мы вляпались. Похоже, она оправилась от ситуации с исчезновением Тейта и его последующим появлением в стрип-клубах. Люк поднимает бровь.

— Давай, Эв. Всего одна стопка.

Морган врзает локтем мне по ребрам.

— Выпей эту чертову стопку, девочка. Боже! Тебе не стоит отказываться только потому, что я в завязке.

Я в удивлении перевожу на нее взгляд, затем протягиваю руку и беру у Люка стопку.

— Хорошо. — Я не могу заставить себя посмотреть на Люка. Я слишком взволнована для зрительного контакта с его новым «Я». Вместо этого начинаю подносить стопку к губам. Рука Люка взлетает вверх, останавливая меня.

— Неа, не так, Паттерсон. — Я в смятении. Наконец сдаюсь и смотрю на него.

Передо мной шаловливая, самонадеянная улыбка и полный желания взгляд, от которых у меня пересыхает в горле. Кто, черт возьми, этот парень? Люк медленно ведет мое запястье так, чтобы я поднесла стопку к его губам, и тут я понимаю, чего он ждет от меня. Он хочет, чтобы я вылила Джек прямо ему в рот. Мои пальцы касаются колючей щетины на подбородке, пока он прижимает свою полную нижнюю губу к стопке, глазами предлагая мне закончить работу. Прекрасно. Я могу это сделать. Это не так уж страшно. Я наклоняю стопку, янтарная жидкость стекает прям в рот Люка. Он не сводит с меня глаз. Как только стопка пустеет, я вырываю руку, но Люк не собирается глотать. Он наклоняется вперед и запускает руки в мои волосы, притягивая к себе. Убирает гитару за спину, впечатывая свое тело в меня, и крепко впивается губами в мои.

Толпа начинает реветь в восхищении, и я застываю. Еще секунду я просто стою в попытке понять, что, черт возьми, происходит. Пальцы Люка еще сильнее зарываются в мои волосы, в то время как он углубляет поцелуй. Сначала я реагирую неохотно, неуверенная в том, что целовать его в помещении, где на нас смотрит куча людей, для меня норма, но тут Люк языком раздвигает мои губы, его тело изгибается под моим, и все меняется. Моему рту Люк необходим больше, чем моей голове — уединение. Языком он дразнит мои губы, между нами разливается огонь, обжигающий, горячий и становится чертовски жарко. Он делится со мной «Джеком», которым я только что его напоила.

Каким-то чудом я не подавилась алкоголем. Я глотаю его, и Люк стонет мне в рот, прижимаясь еще ближе. Он не может оторваться. Сомневаюсь, что в тот момент я бы позволила это ему. И я возвращаю ему поцелуй.

Преуменьшение века.

Я целую его так, будто это первый поцелуй в моей жизни и я в минуте от того, чтобы умереть девственницей. Я целую его так, будто он собирается на войну, и я могу больше никогда его не увидеть. Целую его так, будто последние пять лет он заботился обо мне, присматривал за мной, делился теплом своего сердца и давал то, что мне было нужно, по его мнению. Потому что так и было. Клуб заполняют аплодисменты.

Когда Люк, наконец, отстраняется, его самонадеянность слегка пошатнулась. Он наклоняет мой подбородок и проводит по нему кончиками пальцев, внимательно изучая мое лицо, и снова улыбается. Улыбка ярче солнца, она способна разогнать облака.

— Рид, ты не заставишь нас одних отдуваться! Тащи свою задницу на сцену, черт побери! — вопит барабанщик. Люк отступает назад, с улыбкой от уха до уха, пока толпа не

поглощает его, и возвращается на сцену. Они исполнили только половину программы. Сейчас, раз уж Люк знает, что я здесь, мы с Морган можем подойти ближе. Группа зажигает. Они играют еще четыре песни, и тут Морган говорит, что не очень хорошо себя чувствует.

Она мертвенно-бледная, кожа липкая от пота.

— Жаль портить тебе вечеринку, но мне нужно прилечь, — говорит она.

Когда мы покидаем «Старину Джо», Люк все еще поет — голова запрокинута назад, вены на шее вздулись от напряжения. Он чертовски великолепен.

Лесли снова осталась у сестры, так что квартира пуста, когда я, наконец, попадаю домой. Я отправляюсь в постель, чувствуя себя истощенной, но и странно взволнованной в то же время. Стоит тишина, ничто не должно мешать сну, но вибрация телефона на тумбочке заставляет глаза моментально раскрыться. Светящийся экран показывает сообщение от Люка.

Люк: Ты не спишь?

Я резко подсакиваю в постели, заправляя пряди волос за уши.

Я: Не сплю. Ты на афтепати?

Люк: Я снаружи.

Снаружи? Типа, снаружи здесь? Я отбрасываю одеяло и поднимаю жалюзи, съеживаясь от холода, когда прислоняюсь рукой к холодному стеклу, чтобы выглянуть на улицу. И вижу «Фастбэк» Люка, припаркованный не по правилам, прямо под уличным фонарем. Он вышел из машины и, опираясь на пассажирскую дверцу, смотрит в окно. Виден пар, который идет от его дыхания и становится оранжевым в свете зажженного фонаря. Его руки освещаются синим, когда он концентрируется на экране телефона.

Люк: Ты занята?

Я опускаю жалюзи. Не думала, что еще увижу его сегодня, и сердце бьется как птица в клетке.

Я: Нет. Хочешь зайти?

Проходит минута, а ответа все нет. Что он делает? Я облокачиваюсь спиной о стену и зажмуриваю глаза в ожидании, когда телефон в моей руке зажужжит. Но он молчит. Черт. Я снова отодвигаю шторы, и он стоит все там же у машины. Голова опущена, и какой-то момент я не могу понять, что он делает. Когда он выпрямляется, то понимаю, что держит в руке телефон. Верчу свой и бросаю экраном вниз, пропуская волосы сквозь пальцы. Что, черт возьми, со мной происходит? Почему я так нервничаю?

Ворчу сама на себя и мчусь к шкафу, вытаскивая аккуратно сложенные джинсы и светло-серый свитер. На ходу засовывая руки в рукава пальто, хватаю шапку, перчатки и иду

ему навстречу. Закрывая дверь, обращаю внимание, что плакат с фильмом о Вайомингском Потрошителе все еще на месте. Кто-то подрисовал маньяку усы как у Гитлера. Игнорирую это и сбегая вниз по лестнице. Телефон гудит, стоит мне выйти из здания.

Люк: Прости, если разбудил, Эв. Это плохая идея, наверное. Я позвоню завтра. Возвращайся в постель.

— Ты немного опоздал с этим, — говорю я. Люк который уже почти сел в «Фастбэк», останавливается.

Снег скрадывает мои шаги, и он, вероятно, не слышал, как я подошла. Его щеки покраснели, глаза невероятно светятся в темноте. Он улыбается, уголки губ медленно ползут вверх.

— Я пришел извиниться.

— За то, что целовал меня посреди оживленного бара?

Он шаркает краешком ботинка по снегу.

— Ага, я так думаю. Я немного увлекся, как обычно, когда нахожусь в такой атмосфере.

— Так для тебя обычное дело — вот так делиться «Джеком» с девушкой на своих выступлениях, да? — Эта мысль заставляет меня почувствовать себя ужасно. Зря я об этом подумала.

Люк мягко рассмеялся.

— Нет. Никогда. Только с тобой.

Между нами возникает тяжелая тишина, я пытаюсь осмыслить его слова. В конце концов, он говорит:

— Так как наш семидневный запрет на общение был вроде как нарушен и снят, я также пришел сказать тебе, что я нашел кое-что, когда был в Брейке. То есть, не я, но неважно. Думаю, ты должна знать.

— В доме моих родителей?

— Нет. — Его взгляд на мгновение смотрит куда-то в дальнюю точку. — Там ничего не было. Только... Воспоминания.

— Ты помнишь это место?

Люк грустно улыбается.

— Я помню, как меня вырвало в саду. А ты, конечно, выглядывала в окно.

— О. Да. — Это не то, о чем можно легко забыть. У меня была истерика. — Я просто подумала, может, папа... Приводил тебя к себе ну или что-то в этом роде.

Люк слегка качает головой.

— Нет. Обычно мы где-нибудь обедали. Твой отец знал, что я обожаю молочные коктейли.

— Да, он раньше и меня водил туда из-за коктейлей. — Почему папа никогда не водил нас вместе? Неужели Люк был настолько пропащим ребенком? Я попыталась выбросить из головы смутившую меня мысль, но она не уходит. Люк выглядит так, будто ему тоже неловко.

— Слушай, на вокзал Брейквотер было подброшено видео. Это важно, Эвери. Похоже, кто-то еще был с твоим отцом и теми людьми в день, когда он умер.

— Видео?

Люк кивает и на секунду мне кажется, что он снова улыбнется.

— Мне пока не рассказали, что на нем, но там точно был пятый человек.

— Кто-то еще? — Земля уходит из-под моих ног. В тот день, когда умер папа, на складе был еще кто-то. Другой человек, человек, который до сих пор жив? Было всего четыре тела. Так сказали, было четыре мертвых тела, а теперь Люк говорит, что существовал кто-то еще, свидетель, который видел, что произошло? Я открываю и закрываю рот в попытках что-то сказать, но не выходит произнести ни звука.

— Я знаю, в это трудно поверить. — Люк делает шаг ко мне, я резко отступаю на два. То, чего мне действительно хочется — это развернуться и скрыться за дверью, запереться в квартире и мерить шагами комнату, пытаясь понять, что же это значит. Вместо этого я сжимаю руки, на которых надеты перчатки, в кулаки, понимая, что я смогу выяснить что-либо стоящее, только если возьму себя в руки и успокоюсь.

— Расскажи мне все.

— Холодно, Эвери. Сядешь в машину?

— Да, конечно. — Мы садимся, и он начинает говорить; он кажется взволнованным, глаза бегают и опасно блестят. Не знаю, это последствия сыгранного концерта или эта новая информация действительно многое значит. — Хлоя, моя бывшая напарница, помнишь? Она позвонила, когда я был в Брейке. И рассказала, что анонимный абонент сообщил дежурному на станции о пакете, который оставили на вокзале. Сначала они подумали, что это бомба. Но когда поняли, что взрыва не будет, то открыли его. Тогда-то и началось самое веселье. ФБР изъяли кассету для их частного расследования.

— ФБР?

— Да, они изучают обвинения Брайта против твоего папы.

Фантастические новости. Федералы не интересовались этим делом изначально, потому что все выглядело понятно и безнадежно. Стоить только связать смерть пятнадцати девочек-подростков и внезапно появляются Люди в Черном.

— И что говорят федералы?

Люк усмехается и кладет руки на руль.

— Ничего.

— Ничего? — Почему он выглядит чертовски счастливым, если они ничего не говорят? Это не имеет никакого смысла. Он тянется вперед и берет меня за руку, крепко ее сжимая.

— Сейчас это лучшее, на что мы могли рассчитывать. Это значит, что они всерьез рассматривают вероятность того, что виноват может быть кто-то другой, Эвери. Подумай об этом. Если там был кто-то еще и участвовал в их невинной вечеринке, какого черта они не пришли потом в полицию, почему сбежали? А если этот кто-то был тем, кого похитил твой отец и собирался убить как Адама и всех остальных, почему потом он не заявил в полицию?

— Ну да, они должны были, — сказала я медленно.

— Именно. Поэтому остается предположить, что если там был кто-то еще, они тоже виноваты в происшедшем. Не так-то просто вынудить кого-то выстрелить себе в голову. Твой отец был ранен в горло — полная жесь. Вполне возможно, это оказалось результатом борьбы между ним и нападавшим, который пытался спустить курок.

Голова идет кругом, а слова Люка не проясняют ситуацию.

— Но патологоанатом сказал, что так часто происходит, когда люди стреляют сами в себя. Они колеблются.

— Могло быть и так, конечно. Но представь себе, всего лишь на секунду... что, если это правда? Это могло бы доказать невинность твоего отца. В убийстве на складе, в убийстве

тех девочек. Все может закончиться.

Моя рука дрожит в его руке. Глаза застилает пеленой, я ничего не вижу. И только когда я чувствую на щеке горячую полосу, понимаю, что плачу.

— Я не могу себе этого представить, Люк. Это слишком опасно. Мы понятия не имеем, что на той пленке. Возможно, все это зря.

Из него понемногу улетучивается запал, когда я забираю свою руку.

— Я знаю. Просто я хочу верить в лучший исход событий.

— И по своему опыту работы в полицейском участке можешь сказать, насколько велика вероятность того, что у нас будет лучший исход? — Я не могу смотреть на вещи так же оптимистично, как Люк. Если я поверю в то, что моего отца могут оправдать, и мои надежды не оправдаются — это уничтожит меня.

— Не слишком велика, — уступает Люк. По его лицу проходит тень печали. — Но это не умаляет моего оптимизма. И не меняет мнение о Максе. И знании того, на что он способен или не способен.

И что, черт возьми, он имеет в виду? Мое волнение и смятение как рукой снимает. Он считает, что знает моего отца лучше, чем я? В голове не укладывается.

— Да пошел ты, Люк.

Я цепляюсь за ручку двери в попытке сбежать и оказаться подальше от него. Он наклоняется ближе и накрывает мои руки своими, пресекая попытки. Я стараюсь оттолкнуть его и уйти, но он хватает меня за плечи и усаживает обратно. В его движениях нет грубости, но и вырваться я не могу.

— Выпусти меня!

— Нет.

— Ты не знаешь моего отца лучше меня, Люк! И не можешь обвинять меня в том, что я не верю в него!

— Я этого не говорил, — шипит он с оттенками раздражения в голосе. Я пытаюсь отпихнуть его локтем, но проще гору с места сдвинуть. — Я просто сказал, что никогда не верил в то, что Макс убийца. Только не так. Я знал, что он не мог тронуть тех ребят. Перестань вырываться, Эвери! Проклятье! Просто можешь успокоиться на минуту? Почему между нами всегда разворачиваются какие-то военные действия?!?

Я падаю назад на пассажирское сиденье, целиком и полностью сдавшись. Грудь вздымается, пока я борюсь с рыданиями.

— Знаю, я сказала, что подожду, Люк, но ты должен мне все рассказать. Я никогда не смогу понять, что ты имеешь в виду, если ты не расскажешь мне, почему вы были так близки.

В машине устанавливается напряженная тишина. Приглушенный свет падает в окошко, делая кожу Люка призрачно-бледной. Его глаза, огромные как блюда, смотрят прямо на меня. Его челюсти сжимаются, и я готова поверить, что он сейчас начнет говорить, но вот Люк отворачивается и смотрит в окно.

— Ты не собираешься ничего рассказывать, так?

— Я не могу. Пока нет.

— Что за хрень, Люк. Ты знаком с каждым скелетом в моем шкафу. А я даже не была в курсе, что ты играешь в группе, пока мы не столкнулись в кампусе.

— То, что я в группе — это, несомненно, великое дело, Эвери.

— Так и есть! Я видела, как ты играл сегодня. Ты влюблен в то, что делаешь. И почему

ты до сих пор здесь, в форме копа, если сможешь построить карьеру в музыке?

Сквозь печаль на лице Люка проступает злость.

— Думаешь, музыка настолько важна для меня? По сравнению с этим? У меня есть возможность помогать людям, предотвратить то, что случилось с тобой... и со мной. Я могу это делать. А музыка — это мой способ убежать, Эвери, это то, что есть во мне, но это не весь я. Быть копом или жить жизнью гастрوليрующего музыканта, по полгода проводя в автобусах — не одно и то же. Что касается моих скелетов в шкафу, то ни один нормальный человек не хотел бы, чтобы такие отвратительные и грязные вещи были вынесены на поверхность. Если ты узнаешь... Если я расскажу тебе...

— Если ты расскажешь мне, то что?

— Тогда ты сбежишь, Эвери! Ты, черт возьми, сбежишь от меня, и это будет самым разумным поступком за всю твою жизнь!

Поверить не могу, что он действительно так думает.

— Ты совсем меня не знаешь, даже половина из того, что думаешь обо мне, неверна, если ты веришь в подобное.

Люк хватается руками за голову и опускает ее.

— Это ты сейчас так говоришь.

— Может, просто стоит дать мне шанс и довериться?

Люк поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, все еще сидя на своем сидении. Он выглядит убитым горем, когда качает головой.

Это все, что мне нужно. Я выбираюсь из машины и ухожу.

Со вторника, как известно, жена серийного убийцы, Аманда Бреслин, переехала в Нью-Йорк, в связи с чем многие задались вопросом: а была ли она в курсе делишек своего мужа? Близкие друзья семьи Бреслин сообщили, что Айрис, единственный ребенок четы Бреслин, находится в шоке и не реагирует на внешние раздражители. По заключению специалистов, такая реакция — не редкость. Многие из них были свидетелями того, как жертвы вели себя подобным образом, когда их освобождали из лап насильников. Очевидно, что психологическая травма, которой мог подвергаться ребенок, оказалась значительной.

В библиотеке тишина. Студенты сидят в наушниках, подключенных к плеерам, склонив головы над книгами, в то время как я пялюсь на кусок мятой газеты, которая лежит в моей сумке. В местах сгиба бумага совсем тонкая — я почти до дыр зачитала эту заметку. У прессы в Вайоминге было полное раздолье при описании истории моего отца. В то время я была так охвачена горем, что я не могла защитить его. Все приняли мое молчание, мою неспособность дышать без адской боли как знак того, что он что-то со мной сделал. Он бы никогда ничего такого не сделал, он просто любил меня. Нервничая, я прошлась пальцами по сложенной и пожелтевшей от времени газете, затем уложила ее обратно между страниц учебника. Интересно, когда я буду в состоянии двигаться дальше. И произойдет ли это вообще.

Летай высоко, Икар. Он всегда повторял эту фразу. В данный момент нет ни единого шанса на то, что я оторвусь от земли. И это противоречит папиным советам. То, как я веду себя, как позволяю другим с собой обращаться. Как я вывожу людей из себя. Под людьми я

имею в виду Люка. Я влюблена в парня — страшно это признавать — и каждый раз, когда он упоминает моего отца, я становлюсь поганым, ужасным человеком, которого ненавижу. Со злостью запихиваю книги в рюкзак и вдруг замечаю Морган, которая врывается в двери. Волосы небрежно выбились из хвостика, футболка с коротким рукавом — помята и перекручена на теле.

— Здесь не бегают! — кричит библиотекарь, но Морган не слушает. С диким блеском в глазах, она идет в мою сторону. Я на автомате замираю, попутно отмечая, что она плачет.

— Что такое? Что случилось? — спрашиваю я, хватая ее за плечи, когда она врывается в меня. Уткнувшись мне в пальто, она рыдает, и я не разбираю слов. — Морган?

Она отклоняется и со слезами в голосе произносит:

— Тейт. Тейт... — Тело извивается в неконтролируемых рыданиях, и она снова падает ко мне на руки. Я пытаюсь поддержать ее, но она слишком тяжелая. Сквозь пустоту в моей голове пробивается тоненький голосок, который нашептывает — неужели это действительно могло случиться? Это на самом деле произошло? Но я уже знаю. Знаю ответ: Тейт мертв.

— Передозировка?

— Да. — Морган вытирает слезы с щек, пытаюсь взять себя в руки. После произошедшего в библиотеке три дня назад ей это удавалось нечасто. Эти несколько дней мы ждали заключения о причине смерти. В итоге, как и все, прочли об этом в газете. Как будто не были частью жизни Тейта и не заслуживаем знать. Морган тяжело сглатывает.

— Люди из соседних домов не видели его тело на крыше, потому что... — ее голос дрожит, — потому что там много снега. Возможно, его не нашли бы еще пару недель, если бы не дворник, который вышел туда покурить. И увидел его ботинок...

Я тянусь вперед и беру ее за руку. Она холодная, но что еще более тревожит, она дрожит. Она просто не перестает дрожать.

— Родители Тейта говорили с тобой?

Она качает головой.

— Они сказали декану, чтобы он запретил мне звонить им. Они думают, что я в курсе, как он там оказался. Но это не так. Я бы рассказала им обо всем, если бы знала. Да я и так рассказала все, что мне было известно. Я отключилась. Последнее, что я помню — как какой-то парень орал на Тейта, потому что его рвало в ванной, и затем... ничего. Я приняла всего одну таблетку, — рыдает она. — Он принял три.

— Шшшш, все хорошо. Я с тобой. — Я притягиваю Морган к себе. Кажется, она не уходила из моей квартиры с тех пор, как мы узнали все это, и я не собираюсь выгонять ее. Она просто уничтожена. — Родители Тейта понятия не имеют, что произошло, как и все мы. Они думают, что ты скрываешь нечто важное. Не переживай. После обеда мы узнаем, что же все-таки случилось.

После обеда Морган направится в полицейский участок, чтобы дать показания. Ее родители не в курсе о смерти Тейта. Она не хочет, чтобы они возвращались в город после того как, наконец, уехали и оставили ее в покое.

Морган резко падает на мою кровать, крепко обнимая себя руками.

— Они будут спрашивать, где мы достали наркоту, — шепчет она.

— Конечно, будут. И ты должна рассказать им, Морган. Это важно. Тот парень может продавать эту гадость и другим студентам. Люди должны знать.

Глаза Морган, покрасневшие из-за постоянных рыданий, сосредотачиваются на мне.

— Ты не понимаешь, Эвери.

— Я бы понимала, если бы ты рассказала мне. — Я сто раз уже спрашивала имя ее дилера, но она упорно отказывается его называть. Сегодня — не исключение.

— Я не могу. Прости... Я... Это кое-кто, кого ты знаешь.

Кое-кто, кого я знаю. Это кое-кто, кого я знаю? Мысли в голове кружат со скоростью света, пока мы тащимся по пробкам через весь город. И наконец, мы вместе оказываемся в полицейском участке, но Морган сразу же уводят. Я остаюсь наедине с собой в пустой, к счастью, комнате ожидания, пока гудящий звук не нарушает тишину — из кабинета выходит Ноа. Наши глаза встречаются, и мой желудок делает сальто.

Это кое-кто, кого ты знаешь

Надеюсь, это не Ноа?

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я голосом, способным заморозить кого угодно в лед. Ноа вздрагивает. Засовывая руки в карманы, он медленно приближается ко мне. Жестом указывает на стул рядом со мной, я в замешательстве и слишком взволнована обо всех и вся, чтобы возразить. Он опускается на него, и тяжело вздыхает.

— Нужно было дать показания насчет того, когда я в последний раз видел Тейта, — говорит он тихим голом.

— Понятно. — *Это кое-кто, кого ты знаешь.* Так или иначе, вероятность того, что Ноа может быть виноват в смерти Тейта и в том, что Морган попала в больницу, ранит сильнее, чем то, что у него есть от меня секреты. Все, о чем я могу думать, — это его вина? Воспоминания о встрече Ноа, Тейта и Морган однажды в библиотеке, когда они обменялись крупной суммой денег вроде как за учебники, внезапно обрушиваются на меня. О нет, черт возьми. Так поступают дилеры, нет? Делают заначки внутри книг или CD-дисках, или в том, что есть под рукой, чтобы спрятать наркотики. Краешком глаз я осторожно смотрю на Ноа, и замечаю, что он тоже меня рассматривает.

— Эвери, я бы и правда очень хотел с тобой поговорить, пожалуйста? Мы можем поговорить? Я... Я знаю, что ты обратилась в полицию. В этом не было необходимости. — Он протягивает руку, чтобы коснуться моего колена. Я застываю, и он это видит. Но руку не убирает. Усиливает хватку, так что костяшки пальцев белеют. — Слушай, я, правда, сожалею о том, что случилось у тебя дома. И тогда в коридоре. Иногда я могу погорячиться, но я бы никогда не причинил тебе боль. Тебе не стоит волноваться.

— Но я волнуюсь, — говорю я. Я перекладываю ногу на ногу, но он не отпускает ее. В попытке подавить панику я полностью поворачиваюсь к нему, лицом к лицу, чтобы смотреть в глаза, когда буду задавать вопрос. — И не только об этом. Мне нужно кое-что знать. В тот день... Когда мы встретили Тейта и Морган в библиотеке...

Ноа по-прежнему не двигается.

— Да?

— Те книги. Это были просто учебники или...

Мне не удастся закончить предложение. Мне не удастся закончить предложение, потому что в одну секунду Ноа все еще смотрит на меня холодным безучастным взглядом и крепко держит мою ногу, а в следующую он уже растянулся на полу полицейского участка. Ярость черного и золотого ураганом несется вперед, и Люк — Люк! — хватается Ноа за

футболку, практически отрывая от пола.

— Убери от нее свои грязные руки!

— Я не сделал ничего плохого! — ревет Ноа, поднимая высоко руки. — Она моя девушка.

— Она, бл*дь, не твоя девушка! — Люк замахивается кулаком. Холодное понимание того, что Люк ударит его и этим завершит свою карьеру проходит через меня. Я вскакиваю и бегу к нему, хватая сзади за запястье. Второй рукой касаюсь его кожи, Люк разжимает кулак. Он резко вдыхает и выдувает воздух через нос, издавая гортанный рык, и отпускает Ноа. Тот с круглыми глазами, полными страха, падает на пол.

— Отвали от нее нахер, прямо сейчас, — огрызается Люк. — Если когда-нибудь я узнаю, что ты хотя бы просто прошептал ее имя вслух, твою мать, то пересчитаю все до одной косточки в твоём гребаном теле.

Ноа поднимается на ноги и спешит к двери. Люк медленно поворачивается, его темные глаза почти черные от злости.

Я тяжело сглатываю, пытаюсь выпрямить спину. Меня накрывает волна облегчения и благодарности за то, как он защищал меня, но я слишком взволнована, чтобы сказать ему об этом.

— Что ты здесь делаешь, Люк? Это не твой участок.

Глаза Люка сужаются.

— Перевозка заключенного. А ты почему здесь?

— Выяснилось, что наш друг Тейт умер в тот вечер, когда Морган было плохо. Она сейчас дает показания.

Гнев Люка утихает.

— Парень на крыше?

— Угу.

Он кивает, сжимая кулаки. Это нехорошо. Никогда не видела его таким.

— Тебе нужно прийти ко мне позже. Есть еще кое-какие новости о твоём отце. Я звонил.

Он звонил, но честно говоря, я была так расстроена нашим разговором в машине — своей реакцией — что избегала его.

— Не могу, мне нужно позаботиться о...

— Просто приходи.

Он разворачивается, впечатывает кулак в дверной косяк, и, не оглядываясь, уходит вглубь служебных помещений. В любой другой день я бы проигнорировала такое требование. Но не сегодня. Не после того, что произошло. И Люк вряд ли в восторге от перспективы находиться в моей компании. Что бы он ни хотел мне рассказать, это явно касается расследования федералов. Следующий час я провожу в ожидании, неловком и одиноком, напрягаясь, каждый раз, когда открывается дверь, и одновременно надеясь и молясь о том, чтобы это был Люк и в то же время не он. Наконец дверь распахивается и появляется Морган, мы уходим. Она плачет всю обратную дорогу, отказываясь говорить что-либо кроме того факта, что она призналась, кто дал ей те таблетки.

*Брейквотер
11 лет назад*

Люк

— Он идет. Я слышу его. Не дай ему найти меня. Пожалуйста, Люк.

— Шши! — Я прижимаю девочку поближе к своему телу, чувствуя ее кости через тонкое летнее платье. Она всегда была такой тоненькой, хрупкой, маленькой как мышка. Она зарывается лицом в мою грудь, что не может быть удобно, так как на мне все еще костюм для игры в лазертаг. Мама купила все для этой игры мне на день рождения. Мой день рождения, который сегодня. Мы играли в лесу, я и мои друзья, звуки электронных выстрелов с шумом рассекали воздух, до этого момента, когда стемнело, и он вышел сюда искать нас.

— Лукас! — ревет он. — Лукас, маленький гаденыш! — он где-то близко, переходит от дерева к дереву, еле стоя на ногах, и ищет нас. Волосы на моих руках становятся дыбом.

— Ты его видишь? — спрашивает девочка рядом со мной. Я качаю головой.

— Веди себя тихо, Розы. Он не найдет нас, если мы будем тихо себя вести. — И девочка молчит, она так затихает, что я почти не слышу ее дыхания. Но в итоге ее молчание не помогает.

Потому что я ошибся.

Он находит нас.

Признания

— С чего ты взял, что можешь указывать мне, что делать? — Дверь еще даже не успела открыться, когда я произношу эти слова. По крайней мере, я их просто говорю, а не ору. Люк стоит в дверном проеме с полотенцем, обернутым вокруг талии, капельки влаги блестят на теле. Я молча поздравляю себя с тем, что не таращусь на его невероятно притягательное тело, когда он хватает меня за руку и тянет в свою квартиру.

— Заткнись, — бросает он.

— Какого...

— Просто помолчи! — Он хлопает дверью и скрывается в спальне, мышцы на спине шикарно перекачиваются. — Я сыт этим по горло. Пойдем.

—...черта? — заканчиваю я. Ошеломленная, я следую за ним, останавливаясь в дверях спальни, и отвожу взгляд, когда он скидывает полотенце и, с остервенением пиная его, натягивает джинсы. Он надевает футболку через голову и босиком идет ко мне. Я никогда не видела его настолько взвинченным. То есть, никогда до сегодняшнего утра. Он крепко хватает меня за запястье и тянет в комнату, затем усаживает на край кровати.

— Люк, какого черта?

— Жди здесь. — Он выбегает из комнаты и через минуту возвращается со стулом в одной руке и моей Super 8, прикрепленной к штативу, в другой. Стоп, моя Super 8?

— Какого черта она у тебя делает?

— Я одолжил ее.

— В моей квартире?

— Да, в твоей квартире. — Он устанавливает камеру, прикрепленную к штативу, непосредственно передо мной, и включает ее. Затем ставит стул в нескольких сантиметрах от меня и садится на него. — Давай просто сделаем это, — говорит он.

— Сделаем что? Какого хрена здесь происходит, Люк? Ты вломился ко мне домой?

— Я сделал нечто, что гораздо хуже. А теперь приступим, — выдавливаю он из себя.

— Блин, что это, Люк? Что ты имеешь в виду?

Люк складывает руки на коленях, видимо для того, чтобы успокоиться. Сжимает губы в линию и упрямо не смотрит мне в глаза, устремив взгляд в окно за моей спиной.

— Твое задание для колледжа. Завтра — срок сдачи, так ведь?

— Что? — О боги, каким образом он вообще об этом узнал? И тут меня озаряет: Брэндон. Он не имел в виду мою мать, когда говорил об интервью. Он имел в виду Люка. И рассказал ему об этом. Спрашивается, зачем? — О нет, мы не будем этого делать. Ты последний человек, у которого мне бы хотелось брать интервью о том, что тогда произошло.

Плечи Люка опускаются, но лицо остается напряженным. Он все еще не смотрит на меня, глядя в окно, холодный зимний свет падает на его лицо, создавая контраст света и тени.

— Почему нет?

— Потому что у тебя не получится быть откровенным, а суть задания именно в этом.

Он, наконец, поворачивается и пристально смотрит мне в глаза.

— Если ты считаешь себя гребаным Халком и сможешь это выдержать, я расскажу тебе каждую кровавую деталь о случившемся в тот день.

— Это не так! Ты не... Но ты даже не рассказал мне сразу, что отец был жив, когда вы его нашли, ты сказал об этом спустя годы! И все остальное. Почему он взял над тобой шефство. Почему вы, бля*дь, были так близки, и другие секреты, ты нихрена не хочешь рассказывать!

Я ненавижу себя. Ненавижу за то, что плачу, кричу, срываюсь и не могу выговаривать все слова.

Люк прячет руки под бедра, буквально садится на них. Если бы я не знала его лучше, то подумала бы, что он равнодушный сукин сын, который отказывается смотреть на меня, вместо этого уставившись в пол. Но я знаю его. Я знаю, что если бы он не сел на руки, если бы не прятал от меня глаза, то уже через две секунды навис бы надо мной, пытаюсь успокоить. И от этого я еще сильнее реву. Опускаю голову, волосы закрывают мое лицо от него, и тогда он начинает говорить.

— Первое, что ты должна знать, это то, что я влюблен в тебя, Эвери.

Он меня любит.

Мир перестает вращаться. Мое дыхание останавливается. Все вокруг просто... останавливается. Мне нужно поднять голову, посмотреть ему в глаза. Увидеть ответ на его лице. Если его вид соответствует тем словам, которые он говорит, тому тону, каким он их произносит, то моя душа моментально окажется в огне без надежды на спасение. Люк сидит неподвижно, пока я прихожу в себя, пытаюсь вспомнить, как дышать. Он меня любит? Боже мой. Как мне с этим справиться?

— Вторая, что ты должна знать, это... — Стул скрипит под Люком. — Тебе было четырнадцать. Ты не разговаривала уже пять дней. Доктора были этим обеспокоены, а твоей матери не было никакого дела, она даже не заходила к тебе в комнату проверить как ты. Мой напарник и я пришли в дом, чтобы узнать кое-какие подробности у твоей мамы, но я чувствовал... Я не мог просто переступить порог вашего дома. Хлоя отвела меня подальше, на улицу, и сказала, что возьмет все на себя. Я сидел на заднем дворе, прямо на лужайке перед домом, один, и плакал. Но вдруг ты... Ты пришла ко мне и села рядом. Я был в шоке.

Ничего из этого я не помнила. Я подавила рыдания, вернулась на кровать и обняла себя, прижимая колени к груди. Люк продолжает, невзирая на то, что я почти парализована и его слова бьют сильнее ножа.

— Ты заговорила. Твои первые слова за пять дней были обращены ко мне. Ты спросила, почему я грущу. — Люк поднимает голову и смотрит прямо на меня, прямо в камеру, прямо в мою душу. — И я рассказал почему. Я рассказал, почему я такой грустный и почему смерть твоего отца — худшее, что со мной произошло за всю жизнь.

Глаза застилают слезами, я покачала головой.

— Этого не было. Я этого не помню.

— Это было.

— И что ты мне рассказал?

Люк качает головой.

— Какое-то время ты молчала, потом просто бросилась ко мне в объятия и разрыдалась. Снова и снова повторяя одно и то же: «Это так больно, так больно, больно». Я не мог вынести этого, Эвери. Я поклялся тебе, что однажды боль уйдет, я пообещал тебе... Потом увел в дом и уложил в постель. После этого вернулась Хлоя, и мы ушли. Но я дал тебе такое

обещание, Эвери, и хочу сдержать его. Вот почему я всегда возвращался, чтоб увидеть тебя, в течение последних лет.

— И поэтому ты здесь сейчас? Все еще пытаешься унять мою боль?

Взгляд Люка мрачнеет, когда он снова качает головой.

— Нет, я уже говорил тебе об этом. Все изменилось, когда я приехал в Брейк и увидел тебя с тем парнем, Джастином. Мне хотелось убить его. Ты уже не была ребенком, ты была женщиной, и я сходил с ума от нахлынувших чувств. От... — он перевел взгляд на потолок и сжал челюсти. — От ревности. Пришлось уехать. Я даже не смог заставить себя поговорить с тобой в тот раз. Я просто, мать его, уехал.

Он на мгновение замолкает, и я пытаюсь восстановить в памяти эти события, связать их с тем, что он говорит... Но не могу... Такого не было.

— Я была в шоке одиннадцать дней после смерти отца, Люк, я не могла разговаривать с тобой пять дней спустя. — Люк не спорит. Просто смотрит на меня, широко распахнув свои карие глаза; его футболка слегка влажная на груди — он надел ее, не вытерев кожу как следует. Его плечи все еще опущены, как будто он чувствует, что делает нечто ужасное. Я вижу, какую боль ему это причиняет. Я вижу, как он нуждается в том, чтобы я ему поверила. И по какой-то причине я так и делаю. — Почему ты был так зол на меня в участке? — шепчу я.

Люк закусывает губу и сосет ее.

— А ты и правда не знаешь? — говорит он, запуская пальцы в волосы. — Я был вне себя от того, что ты сидела там, как ни в чем ни бывало, в то время как... в то время как...

— В то время как что?

Наконец он не выдерживает.

Поднимается, но не подходит ко мне. Меряя шагами спальню, смотрит на меня исподлобья своим хищным взглядом.

— Рука того парня была на твоей ноге, Эв.

— Что? Люк, я не хотела, чтобы он трогал меня. И вообще, сообщила о нем копам на прошлой неделе. Он прижал меня к стене в колледже. С тех пор мы не виделись и не разговаривали.

Люк перестает метаться. Он медленно разворачивается на пятках, чтобы оказаться со мной лицом к лицу, уставившись немигающим взглядом.

— Что он сделал?

— Он... Он толкнул меня к стене. И не отпускал руку.

Цвет лица Люка резко меняется — от розового к красному.

— Я убью его нахрен.

— Я подумала, что ты знал. И из-за этого разозлился в участке.

— Я разозлился, потому что он трогал тебя, Эвери. Твою мать, он не должен этого делать. Ты моя.

— Мы этого еще даже не обсуждали, Люк.

— Хорошо, успеется. К тому времени как ты выйдешь из этой квартиры, то пообещаешь, что ты — моя, договорились? — Я смотрю на него с открытым ртом. Он этого не замечает. — Скажи, что ты никогда не думала обо мне, — приказывает он.

Я раздраженно вздыхаю.

— Конечно, я думала о тебе. Ты делаешь так, что невозможно не думать. Звонишь, приходишь ко мне домой, целуешь меня на публике, говоришь, что не считаешь моего

отца...

Он перебивает меня на полуслове, когда бросается ко мне и обхватывает мою голову обеими руками. Прижимая меня к своей груди, он обрушивается губами на мои губы, и целует так исступленно, что мне ничего не остается, кроме как ответить. На один удар сердца, всего на одно крохотное сердцебиение, я позволяю себе это. Он выпрямляется, поднимая меня на ноги, и тяжело дыша, отступает назад, с отчаянием глядя на меня.

— Скажи мне, что тот поцелуй в клубе не поразил тебя. Скажи, что ты не думала о нем, о нас, — говорит он грубым, полным страсти голосом. Святые угодники.

— Нет. Не думала, — я все еще боюсь признаться ему в этом.

Уголок его рта искривляется в усмешке.

— Обманщица.

Черт. Он снова прижимает меня к себе, и на этот раз я не сопротивляюсь. Я изо всех сил старалась не поддаваться, но это сильнее меня, он нужен мне. Я так чертовски скучала. Я прижимаюсь крепче к нему. Он запускает руки в мои волосы, и не успеваю я вздохнуть, как он снимает с меня одежду. От Люка, которого мучили сомнения в прошлый раз, когда мы были вместе в этой комнате, не осталось и следа. Сейчас он неистовый, жаждущий, требовательный и до одури сексуальный.

— Я завоюю тебя, Эвери. Я не отпущу тебя. Неважно, что ты говоришь. Я нужен тебе так же как и ты мне.

— Нет. Ты ошибаешься. — Я вру, но продолжаю хвататься за его одежду как одержимая. Резким нетерпеливым движением Люк срывает с меня штаны и стягивает их, так что я могу обхватить ногами его бедра. Он делает шаг вперед, едва не опрокинув штатив и мою камеру, бросает меня на кровать, обнимая сильнее. Еще один глубокий поцелуй, его язык раскрывает мои губы и играет с моим, тяжело дыша, я цепляюсь за его руки. Он целует мое лицо и спускается вниз, на шею. Я никогда никому не говорила об этом тайном местечке, прикосновение к которому заставляет меня таять и кричать от восторга, Люк находит его сразу же. Он и мое слабое место — лучшие друзья, я так понимаю.

— Люк! — задыхаюсь я.

— Скажи мне, — рычит он. Признай это.

— Нет. — Я задыхаюсь, лужицей растекаясь у его ног, когда он скользит пальцами в мои трусики. Слабый стон слетает с моих губ, когда он находит еще одно местечко и посылает меня на вершину. Он дразнит меня, двигая пальцами настолько медленно, что мое тело горит в невыносимой лихорадке.

— Скажи мне, — повторяет он.

— Я не могу.

Люк замирает, его пальцы останавливаются. Он отклоняется назад и смотрит вниз, ищет мое лицо.

— Тогда мы должны остановиться, — бормочет он.

Этот парень собирается убить меня. Я чувствую, как он прижимается ко мне, практически обнаженный, его эрекция тверже камня между моих ног, и я знаю, его это тоже убивает.

— Нет, — хнычу я. В любое другое время это было бы унижительно и показывало мою слабость, но сейчас он мне нужен. — Пожалуйста...

— Я не могу снова заниматься с тобой сексом, пока ты не признаешь это. — Тихо говорит он, пригвоздив меня взглядом к кровати. Я дрожу, когда его пальцы вновь приходят

в движение, но пропускают небольшой участок, прикосновение к которому сводит меня с ума. Пару секунд назад он легко нашел его, так что я уверена — он делает это намеренно.

— Люк, не дразни меня. Пожалуйста.

— Ты сама делаешь это с собой. Все, что нужно сделать — признаться.

— Признаться в чем? — Я хватаю одеяло и сминаю его в руках. Это единственный способ остановить себя от того, чтобы не наброситься на него за то, что он заставил мое тело гореть.

— Ты знаешь, в чем. — Его карие глаза спокойны, когда я смотрю в них. Как ему это удастся? В эту игру могут играть двое, приятель. Склонившись между нашими телами, я касаюсь его эрекции и сжимаю ее. Его глаза блестят ярче, но он не отводит от меня взгляда. Даже когда я начинаю гладить его, чувствуя, как он увеличивается и становится тверже в моей руке с каждым прикосновением, он не отворачивается.

— Я хочу тебя, Айрис, — шепчет он. — Я знаю это. Ты знаешь это. Проблема не во мне. Не я тот, кто боится признать свои чувства. Я люблю тебя, веришь? И знаю, что ты любишь меня.

Я продолжаю поглаживать его, пытаюсь натянуть улыбку на лицо. Темная часть меня хочет высказать ему все, что я думаю о его идиотских рассуждениях. И о том, что, по его мнению, он обо мне знает. Но этому не суждено сбыться. Люк гладит рукой мое лицо, мягко касаясь линии губ. Все это время я, не отрываясь, смотрю на него, пытаюсь понять, какого черта здесь происходит. Почему я все еще не выпрыгнула с кровати и убежала, куда глаза глядят? Люк кусает губу и подтягивает вторую, прежде чем, наконец, сдается, скользя пальцем внутри меня. Взрыв удовольствия пронзает мое тело, и я не в состоянии остановить смущенный стон, срывающийся с губ.

— Скажи это, — шепчет он.

Я закрываю глаза и таю под его руками, когда второй палец скользит вслед за первым.

— Скажи это, Эвери.

Кивни. Просто кивни, черт тебя подери! Но я не делаю этого. Вместо этого я двигаю бедрами, умоляя его войти в меня.

— Ты мне нужен, — простонала я.

— Это не то, — отвечает он, убирая пальцы.

Я вскрикиваю, и он возвращает их обратно, немного. Он такой твердый под моей рукой, мышцы беспорядочно сокращаются. Не может быть, чтобы ему не хотелось кончить.

— Пожалуйста, Люк.

— Все еще не то, — опалая горячим дыханием мою шею, срывающимся голосом говорит он. Я дрожу всем телом, еще крепче прижимаясь к нему. Люк отклоняется назад, снова заставляя меня разочарованно стонать. Я катастрофически близка к тому, чтобы разрыдаться, когда он опускается на колени передо мной и садится. Его пальцы по-прежнему двигаются во мне, вторую руку он кладет поверх моей на свою эрекцию.

— Ты не сможешь заставить меня кончить.

— Ты... хочешь подкупить меня?

Люк качает головой, в его глазах видно напряжение.

— Секс важен для меня, Эвери. Вот почему я перестал спать с Кейси. Я готов любить тебя и заниматься с тобой сексом, но я не могу быть с тобой, пока ты не признаешь, что у тебя есть ко мне чувства.

Моя голова идет кругом от его логики. И крышу сносит окончательно, когда он

начинает гладить себя рукой, лежащей поверх моей. Ничего сексуальнее в моей жизни еще не было. Я хочу рассмотреть все получше, но он толкает меня на кровать, разводит ноги и окончательно стаскивает трусики. Я знаю, что будет дальше, но все равно кричу, когда его язык касается меня.

— Черт! Люк, пожалуйста! — умоляю я.

Он не останавливается. Кажется, моя мольба заводит его еще больше; его язык двигается в самом чувствительном местечке, медленнее и медленнее, пока все мое тело не начинает дрожать. Я больше не выдержу этого. Я сажусь, хватаю его за руки и тяну на кровать. Он ложится на меня сверху, все еще предельно сконцентрированный.

— Просто сделай это, Люк. Пожалуйста, сделай это. Ты мне нужен.

Он так близко к тому, чтобы оказаться внутри меня, невыносимо близко, но как бы я ни извивалась под ним, он продолжает отодвигаться. Наконец он пресекает мои попытки, захватывая руки над моей головой и прижав меня к постели.

— Я не один из тех недоносков, что спят с кем попало, Эвери. Ты должна быть откровенной со мной. Скажи это!

Я брыкаюсь под ним, тщетно пытаюсь освободиться.

— Ты безумец, — шиплю я.

— А ты врешь мне и себе, — говорит он. — Просто скажи это сейчас. — Он придавливает меня сверху, эрекция прижимается прямо к моему входу, заставляя кожу гореть. Я в огне.

— Я... Я не могу!

— ПРОКЛЯТЬЕ, ЭВЕРИ, СКАЖИ МНЕ ПРАВДУ!

И тут преграды рушатся. Барьеры пали. Стены, которыми я окружила свое сердце, за которыми так долго пряталась, в мгновение ока разрушены, и я оказываюсь полностью безоружна перед ним.

— Хорошо! Я люблю тебя, Люк! Я люблю тебя до смерти! Теперь ты доволен? — Я открываю глаза и смотрю на его лицо, чувствуя неловкость, когда он начинает светиться от счастья.

— Это правда? — шепчет он.

Я не могу ответить. Слезы градом льются по щекам, когда я киваю, подтверждая свои слова, мое сердце разбито, я чувствую себя маленькой испуганной девочкой. Я никогда еще не была настолько обнажена душой. Но ничего не вернешь. Не знаю, что я ожидала увидеть на лице Люка — может, триумф? — но точно не боль. Тем не менее, это так.

— Слава Богу, — говорит он тихо. И толкается внутрь меня. Я резко всасываю в себя в воздух и задерживаю дыхание, не желая издавать ни звука. — Не закрывайся от меня, — говорит он, как будто он точно знает, что происходит у меня внутри: чистая, неконтролируемая паника. Я сказала ему. Я сказала ему! — Посмотри на меня, детка. — Люк спускает меня на землю нежностью в своем голосе, и я делаю то, о чем он просит. Он снова толкается в меня, и тело сотрясает дрожь.

— О боже, — я не в состоянии остановить то, что приближается. Ничто не сможет. Люк двигается еще интенсивнее, толкается все сильнее, его плечи начинают подрагивать.

— Ты моя! Скажи это! — рычит он.

Мне удастся сказать это, когда я распадаюсь на осколки в его руках, мое тело слепо подчиняется удовольствию.

— Я твоя, Люк! Я твоя. — И это действительно так.

Проклятие.

Все еще темно, когда в квартире Люка раздается телефонный звонок. Честно говоря, я не свожу с него глаз, как гребаный сталкер, и он ловит меня на этом, когда открывает свои. Он дарит мне легкую улыбку и встает. Сонно трет глаза, потягивается и, наконец, берет трубку, которая лежит у кровати. Его лицо мерцает голубым от подсветки экрана, когда он отвечает:

— Коул, если это ты, то поплатишься за это. Сейчас гребаных четыре утра, — стонет он в трубку.

Четыре утра, я голая в постели Люка Рида, и при этом не планирую побег. Такое впервые. А еще никогда до этого я никому не признавалась в любви, так что это не единственный первый раз за эту ночь.

Люк напряженно застывает, пока слушает приглушенный голос на том конце провода; он, кажется, даже затаил дыхание. Голос в трубке замолкает. Люк тупо смотрит в потолок пару секунд, прежде чем закрывает глаза и щиплет себя за кончик носа.

— Подожди, что? Повтори.

В течение нескольких секунд он молчит, уставившись вперед немигающим взором. Я с ужасом и паникой изучаю его лицо, пытаюсь понять, что заставило его окаменеть.

— И какого черта они так решили? — спрашивает он, медленно садясь на кровать. Свободную руку он кладет на затылок и в нетерпении потирает его. Тон его голоса слишком напряжен — недобрый знак. — Да, она здесь. Ее телефон, наверное... Он должен быть в другой комнате. — Мой желудок переворачивается. Я сажусь прямее, сжимаю руки и прикрываю ими рот. Люк моргает с совершенно ошалевшим видом. — Да. Да, я буду там. — Кладет трубку и наклоняется вперед, прижимая телефон ко лбу.

— Что такое, Люк?

— Полиция Брейквотера, — шепчет он.

О. Господи. Сердце вырывается из груди.

Как бы то ни было, они просто позвонили Люку в четыре утра. И судя по разговору, мне тоже пытались. Я стремглав поднимаюсь с постели, прижимая одеяло груди, пытаюсь сообразить, как сбежать от всего, что бы это ни было, раньше, чем оно меня догонит.

— Просто скажи мне, — слова вылетают шепотом, прежде чем я успеваю подумать. Я хочу забрать их в тот же момент, как они были произнесены, и спрятать обратно в рот.

— Это был дежурный из моего старого участка. Он сказал... — Он замолкает, безучастно качая головой.

— Что он сказал?

Глаза Люка как темные омуты горят в полумраке.

— Он сказал, они только что увели твоего дядю на допрос.

Брейквотер

— Мне нужны ключи, мобильный телефон, ювелирные украшения, мелочь, в общем, все, что у вас может быть в карманах. Поместите все предметы на поднос и ждите, когда вас позовут. — Я не знакома с этой молодой женщиной-офицером из полицейского участка Брейквотера, она тоже меня не знает, но мы приходим к мгновенному взаимному соглашению: ни одна из нас не нравится другой. Хотя к Люку у нее нормальное отношение. — Ты тоже можешь пройти, если хочешь, дорогой. Хлоя ждет тебя.

— Все в порядке. Я подожду здесь, — говорит он ей, скользя своей рукой по моей. Мы уже час сидим в участке, когда Хлоя Мэтерс, бывший напарник Люка, находит нас. Я узнаю ее, стоит ей появиться в дверях. Она была с Люком в тот день, когда они приходили рассказать нам об отце. Она заварила маме чашку чая, будто это могло все исправить.

— Айрис, — говорит она, кивая в мою сторону. — Рада снова тебя видеть. Как дела, Люк? — Она не обращает внимания на его протянутую руку и притягивает к себе, чтобы обнять. — Не самые лучшие обстоятельства для новой встречи, но я все равно рада. — Люк неловко обнимает ее за плечи.

— Да, приятно снова увидеть тебя, Хлоя.

Она кивает головой в сторону двери, ведущей вглубь участка.

— Пойдем. Его уже допросили, я не должна этого позволять, но черт. У вас есть пять минут, чтобы увидеться.

Мое сердце выскакивает из груди. Я до сих пор понятия не имею, почему они задержали дядю, что они могли выяснить такого, что доказывало бы его причастность. Они ошибаются. Мы следуем за Хлоей по участку и проходим к изолятору. Место напоминает мне больницу: белые стены, непроницаемые лица и мерцание ламп дневного света. Хлоя останавливается перед дверью, открывает ее и жестами приглашает нас внутрь. За дверью посреди помещения одиноко стоит стол, три стула, и сидит мой дядя Брэндон. Он выглядит испуганным, когда поднимает голову вверх и встречается со мной взглядом.

— Что ты здесь делаешь, ребенок? Не нужно было приходить. — Он выглядит так, как будто побывал в аду. Он всегда кажется немного потрепанным, но небритость и мешки под глазами ухудшают дело.

— Дерьмово выглядишь, дядя Б. — Я занимаю место за столом напротив него и поворачиваюсь к Люку, который стоит в дверном проеме.

— Я дам вам минуточку, ребята, если хотите?

Я качаю головой.

— Все нормально. Остайся. Пожалуйста. — Ни за что я не хотела бы остаться здесь одна. Кроме того, Люку лучше знать, есть ли у них какие-то основания для задержания Брэндона. Люк кивает и усаживается на стул рядом со мной.

— Я вернусь в пять, — говорит офицер Мэтерс. Она дарит нам легкую улыбку и закрывает дверь, оставляя нас одних.

— Какого черта здесь происходит, Брэндон? Нам ничего не говорят.

Брэндон закрывает глаза, его подбородок дрожит. Он выглядит подавленным.

— Они думают, я был там в тот день, когда умер твои отец и остальные. И что я имею к этому отношение.

Коленки дрожат так, что стучат о крышку стола. От его слов в горле собирается комок.

— Какого черта им пришло это в голову?

— Из-за моей старой камеры. У них есть видео с нее, полученное неделю назад. Похоже, снятое на определенный вид пленки. Тот, что я раньше использовал.

— Но это смешно! Кто угодно мог использовать такой вид пленки! Так?

Какое-то время Брэндон молчит, покусывая губы.

— Да, но в моей камере есть особенность. Проблемы со вспышкой. Это отражается на видео специфическим образом. Судя по всему, запись, которая была передана в управление, скорее всего, снята моей камерой.

Я обдумываю это в течение секунды.

— Таким образом, это точно твоя камера. Они могут доказать, что видео снял ты? — Сердце бьется как сумасшедшее. Небольшая частица меня в ужасе, вызывая хаос в мозгу, кричит: «Он это сделал? Он это сделал?» Конечно, он не делал этого, я знаю, но все-таки. Из-за неприятных подозрений мое тело дрожит. Люк под столом кладет руку мне на колено и посылает ободряющий взгляд.

— Я постоянно говорю им, что я одолжил эту камеру твоему отцу, Айрис, но они, кажется, не слушают. Он взял ее за несколько месяцев до смерти. Я не забирал ее обратно. Они нашли ее в уликах, и говорят, что кто-то держал камеру, когда твой папа был в той комнате с другими мужчинами... она не была установлена на штатив, а следовала за ним по комнате. — Боль искажает лицо Брэндона. Как будто у него свело все внутри. — Ты же знаешь, я бы никогда не причинил никому вреда, правда, Айрис? Ты же знаешь, я бы никогда ничего не сделал твоему отцу?

Я сразу же киваю головой. Но не могу выговорить эти слова. Не то чтобы я ему не верю. У меня перехватывает дыхание. Все так запутано. Все. Вся моя жизнь, жизнь Брэндона Люка ...

— Брэндон, я пойду узнаю, можно ли принести тебе кофе, — бормочет Люк. Он сжимает мою руку в последний раз и запечатлевает мягкий поцелуй на моей макушке. — Я скоро вернусь.

Брэндон проводит рукой по щетине, его глаза ищут мое лицо.

— Я знал, что ты у меня умная девочка, — вот и все, что он говорит. Его пристальный взгляд опускается на руки, и я замечаю, на запястьях наручники.

— О боже, они сковали тебя?

— Я под арестом, ребенок. Обычное дело в таких случаях, это не пятизвездочный курорт.

— Это все полная херня. И мы это исправим, договорились? Ты знаешь, что на пленке?

Брэндон вздыхает, тяжело и безнадежно.

— Они не распространяются об этом, думаю, пытаются заставить меня ошибиться, ждут, что я сам расскажу им, что на видео. Уверен, они хотят подловить меня на этом.

— Возможно, Люку они скажут, что... — Фраза остается незаконченной. Распахивается дверь и появляется высокая женщина в брючном костюме, которая останавливается, уставившись на нас. Ее рыжие волосы стянуты в тугой пучок, так плотно, отчего что мне интересно, не нарушило ли это циркуляцию крови в ее голове.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — Женщина упирается одной рукой в дверной

косяк, другой в бедра. Она смотрит прямо на меня, разъяренная.

— Я-я, мне сказали, что можно?

— Нет, нельзя. Кто ты такая?

— Айрис Бреслин. Она моя племянница, — отвечает Брэндон. Я получаю еще один стальной взгляд от женщины, появляется стойкое ощущение, что она более убедительна, чем я, и вытянет из него все, что можно.

— Я агент ФБР Косгроув, и это Федеральное расследование. Вам нельзя здесь находиться. — Она жестом приказывает мне встать и взмахом руки отсылает прочь. Вон.

Я встаю, стреляя в Брэндона быстрым взглядом.

— Я позвоню адвокату, ладно? Завтра ты выйдешь отсюда.

Мне приходится уйти, находясь под бдительным оком агента Косгроув. Она метает в меня ножи взглядом, когда захлопывает дверь, отрезая от дяди, и в ее лице при этом нет и намека на улыбку.

В пустынном коридоре появляется Люк с пластиковым стаканчиком, от которого исходит запах кофе.

— Что происходит?

— Какая-то сучка из ФБР выставила меня вон. Она как бульдог, ей-богу. — Люк кусает губу, уставившись на закрытую дверь перед нами. Он вручает мне кофе. Я беру его дрожащими руками.

— Мы не можем оставить его здесь, Люк. Я знаю, он не имеет никакого отношения к этому. Мы должны вызвать адвоката.

Между бровей Люка прокладывается складка. Что-то произошло. Он выглядит... взволнованным.

— Я взял это на себя. Звонил только что.

— Хорошо. — Я не говорю больше ни слова. Лучше подождать с тем, что он не хочет мне говорить.

— Я связался с юридической фирмой, которая представляет интересы Брэндона.

— Ясно. Когда они появятся? Что за фирма?

Люк явно бледнеет.

— Они будут здесь первым делом с утра. И агентство ... это — Хэррод, Уитт и Сент-Френч, — выпаливает он.

Все три имени звучат как взрывы в моих ушах. Хэррод. Уитт. Сент-Френч.

Проклятье.

— Скажи, что ты шутишь...

Люк вздрагивает.

— Черт, мне жаль, Эвери. Твоя мама уже в пути.

Марлена

Удивительно, но в законах ничего не сказано о том, что адвокаты не могут быть членами семьи. Фраза «конфликт интересов» витает в воздухе, в то время как я и Люк покидаем участок, но люди из ФБР ничего не могут с этим поделать. Я уезжаю с камнем на сердце весом в десять тонн. Мама на полпути из Нью-Йорка, чтобы защитить Брэндона. Мне плохо от одной мысли, что я увижу ее в Брейке снова. Понятия не имею, что сказал Люк, раз она согласилась. Предполагаю, она заботится о Брэндоне так же, как заботится обо мне. И этой заботы не слишком много.

На город опускается ночь, когда мы, наконец, оказываемся снаружи. Мы сели на первый самолет, когда проснулись, и не успели взять машину, когда оказались здесь. Чертовски холодно, идет снег, и мы берем один из старых грузовиков Брэндона из его автомастерской, чтобы было на чем передвигаться. Люк открывает для меня дверь; он не растерял манер среди безумия последних двенадцати часов.

— Моя мама, — начинает он и качает головой.

— Что? Твоя мама, что?

— Эмм, она настаивает, чтобы мы пришли к ней сегодня на ужин, — он морщится, видимо, подозревая, насколько сильно я хочу побыть одна. Хотя слабый проблеск надежды все же теплится в его глазах. Неожиданно до меня доходит: как хорошо, что утром, когда мы слышали о моем дяде, он был со мной. Он заказал нам билеты; позвонил на работу и договорился о переносе дежурств на пару дней; он возил меня по Нью-Йорку по утренним пробкам, чтобы я взяла с собой одежду и туалетные принадлежности из Колумбийского. Он поддерживал меня весь день, пока я была на грани срыва. Самое меньшее, что я могу сделать, это пойти поесть с его матерью.

— Все в порядке, — мягко говорю я. — Мы можем пойти.

Удивление, а затем и радость отображаются на его лице.

— Нам не обязательно здесь оставаться. Мы можем уехать.

Я качаю головой.

— Все нормально. Ты не виделся с ней на День благодарения. И должен уделить ей немного времени.

Пока мы едем через весь Брейк, внутри меня бушует ураган. Я не была здесь всего пять месяцев, но по ощущениям — целую вечность. Как будто здесь все должно было кардинально измениться за это время, так же как изменилась я, черт побери. Но все тот же боулинг, тот же стрелковый клуб, в котором состояли мой и папа Люка, продуктовый магазин, закусочная с ее ужасными коктейлями... все находится там, где и было еще полтора года назад. Люк выбирает самый длинный путь от здания полиции к дому своей мамы, и я точно знаю, почему. Самый быстрый маршрут — через Брейквотерскую старшую школу, учреждение, где я провела четыре худших года в своей жизни. Люк достаточно умен, чтобы понимать это, а я, наверное, разрыдалась бы при виде этого здания снова. Я хватаюсь за его руку, когда мы подъезжаем к дому в стиле ранчо, мимо которого я проезжала много раз, зная, что он там вырос, но никогда не была внутри.

— А... — я набираю в грудь воздуха, чтобы сделать глубокий вдох. — А твоя мама знает о... — Хм, почему я не могу просто сказать это? Так неловко.

Люк нежно улыбается.

— О нас? Думаю, нет.

Не знаю, что я почувствовала — облегчение или новую волну беспокойства. Неужели нам стоит пойти сейчас и рассказать о наших сложных отношениях с Люком его маме, либо вообще о том, что мой дядя под арестом?

— Эй, не надо так нервничать. Моя мама очень милая. Она не будет задавать вопросов, на которые ты не хочешь отвечать. — Люк кладет пальцы под мой подбородок, поворачивая голову, так чтобы я посмотрела на него. В его глазах напряжение, на лице беспокойство. Глубокие карие глаза старательно осматривают меня, пытаюсь понять, все ли в порядке. На его лице щетина — он так и не побрился в шесть утра, когда мы выехали сегодня, чтобы добраться до аэропорта вовремя, — делает его старше. Я все еще чувствую себя маленькой рядом с ним, глупой девчушкой с секретами внутри. Так и есть. А он действительно сексуальный. Не говоря уже о том, что любящий, терпеливый и добрый. Я чувствую себя просто никчемной, глядя на него.

— Эй. Эй, что такое? — шепчет он.

— Просто я... Я не заслуживаю тебя. Я вела себя как стерва с тобой, Люк. Неблагодарная, эгоистичная, заноза в заднице, и ты этого не заслуживаешь.

— Да, ты та еще заноза в заднице. — Он криво ухмыляется, и две крупные капли слез текут по моему лицу. Он нежно их стирает, отчего мне еще сильнее хочется плакать. — Но мы оба немного сломлены, ты и я. Я понимаю тебя, Эвери. Я понимаю тебя, знаю твои больные места, и я хочу быть человеком, который исцелит тебя. Я знаю, нужно время, чтобы ты не связывала меня с прошедшими событиями, но я готов ждать. Я так сильно этого хочу.

И я больше не могу сдерживаться. Слова Люка словно разрушают все преграды внутри меня. Слезы свободно текут лицу, обжигая глаза.

— Ты прав. Я сломлена, и ты понимаешь меня. И я тоже хочу понимать тебя, Люк. Я тоже хочу быть человеком, который исцелит тебя. И больше я не ассоциирую тебя с тем, что здесь произошло.

Он резко всасывает воздух, который застревает в его горле. Его глаза полны эмоций.

— Это хорошо. — Словно камень упал с его души. Легкая улыбка трогает уголки его губ. Это восхитительно сексуально.

— Да, теперь я ассоциирую тебя с алкоголем и нереально горячим сексом.

Люк давится смехом и отворачивается, чтобы не смотреть от меня. И замолкает, прислонившись к окну автомобиля, вглядываясь в дом своего детства. Над ним навис груз, который я чувствую практически кожей. Видимо, я сказала что-то не то. Он проводит пальцами по волосам, выпрямляясь, прежде чем мне удастся спросить, все ли в порядке.

— Ладно, — говорит он. — Время познакомиться с моей мамой.

Конечно, я миллион раз встречалась с миссис Рид до этого. Брейквотер — маленький городишко, а она член родительского комитета, плюс держит бакалейную лавку, куда приходят за покупками все жители. Входная дверь открывается еще до того, как Люк успевает достать ключи, и все сто пятьдесят сантиметров этой крошечной женщины

бросаются нам на встречу.

— Слава богу, вы приехали! Надвигается ужасная метель. Я боялась, что вы застрянете. — Она хватается за воротник футболки Люка, наклоняя для объятий, не дав ему и рта открыть. Заключение в ее руках, он притворно стонет. Его мама переводит взгляд на меня через плечо и улыбается. — Айрис Бреслин, с каждым днем ты становишься все больше похожа на отца. Иди сюда. — И она сжимает меня в объятиях, здорово этим напугав.

Никто и никогда в Брейке не говорил о моем отце, даже чтобы сказать, что я на него похожа. В горле нарастает комок. Это самые милые слова, которые я когда-либо надеялась услышать.

— Рада видеть Вас, миссис Рид, — хриплю я. В этой маленькой женщине столько силы и властности. Она отплывает назад, держа меня на расстоянии вытянутой руки, и изучает меня. Ее карие глаза такого же оттенка как у Люка. Такие же теплые.

— Не глупи. Ты больше не в школе. Можешь называть меня Марлена. Давайте, давайте, проходите, пока оба не подхватили воспаление легких.

Дом пахнет корицей и свежей сосной, два аромата, которые, вероятно, не должны сочетаться вместе, но сочетаются. У двери лежит неразобранная куча писем, а гладильная доска прислонена шкафу в прихожей. Марлена ведет нас на кухню, где она, очевидно, устроила прачечную. Аккуратная стопка одежды сложена на кухонном столе, в помещении витает аромат свежей сосны. Говорят, у каждого дома есть сердце, а у пекаря — это кухня. Помещение... обжитое. Уютное. Дом. Мой ум мгновенно подбрасывает картинки стерильной квартиры моей мамы, и я даже не могу их сравнить. Ее дом — холодный и пустой, как и мама, в то время как дом Люка — отражение Марлены: любящей и теплой.

— Обед будет готов через час. Почему бы вам двоим не взять по бутылочке пива и не составить мне компанию, пока я закончу? — Она указывает на ворох одежды в корзине у ее ног. Люк смотрит на меня — как ты насчет этого? — прежде чем я киваю и сажусь на край стола. Он слегка улыбается, вешает пальто на спинку стула и направляется к холодильнику.

— Мне тоже откроешь, сынок? — Марлена протягивает мне охапку стирки, подмигивая, и подключает к процессу. Это маленький жест с ее стороны, но своего рода знак. Знак того, что она понимает меня, приветствует и принимает. Даже если она и не в курсе, что я сплю с ее сыном. Я беру футболку и начинаю ее складывать.

Люк поднимает бровь, когда смотрит на меня. Он достает три пива и отвинчивает крышки с помощью выдавшего виды края столешницы. Марлена, кажется, не имеет ничего против. Моя мама была бы в ужасе, если бы я просто поставила бутылку не на подставку, не говоря уж о том, чтобы открыть ее об стол.

— Я вижу, ты нашла, чем заняться нашей гостье, мама. А что, твой второй раб умер? Где моя сестренка?

— Она сегодня ночует у друзей. Не знала, что ты приедешь. Увидитесь утром. — Марлена в промежутках между словами потягивает пиво, выдавая эти неожиданные вещи.

— Эм, вообще-то я собирался остановиться в доме у Брэндона вместе с Эвери, просто чтобы убедиться, что утром ее не занесет снегом.

Марлена ставит на стол свою бутылку, переводя взгляд со своего сына на меня и обратно.

— Ни один из вас не остановится в том доме. Что если меня утром занесет снегом?

— Умм... Ну... — Люк теряет дар речи.

Я опомнилась, только услышав собственные слова:

— Все нормально. Я с удовольствием останусь.

Марлена кивает, будто по-другому и быть не могло.

— Хорошо. Я постелила вам в твоей комнате, Люк. Можете пойти разобрать вещи, пока я готовлю обед.

Мы с Люком обмениваемся взглядами, но не произносим ни слова. Когда Марлена заканчивает с бельем, мы делаем, как она велела, и переносим вещи в комнату Люка. Так и есть: двуспальная кровать, свежее постельное белье, два полотенца аккуратно сложены поверх него, запасная зубная щетка, неоткрытая, в розовой упаковке. Видимо, для меня.

— Я думала, ты ничего ей не говорил, — шиплю я, ударив его по руке.

Люк качает головой.

— Клянусь, я не говорил. Но она всегда все знает. Она как чертов Йода. И так с детства.

Пережить ужин оказывается удивительно легко. Марлена бесконечно долго рассказывает о сестре Люка, Эмме, и это еще одно качество, за которое ее можно любить. Она без слов понимает, что я не хочу говорить о Брэндоне, который сидит в тюремной камере, пока мы наслаждаемся пивом и домашней лазаньей. Каким-то образом она знает, что тему моих хрупких отношений с Люком тоже лучше не затрагивать. Он был прав; эта женщина действительно все знает. Пока разговор не касается больной темы, моей матери.

— Я слышала, Аманда едет сюда, — делает она вроде бы случайное заявление, но я должна быть слепой, чтобы не заметить любопытство в ее глазах. Она ждет, как яотреагирую. Общеизвестный факт, что моя мама бросила меня и переехала в большой город так быстро, как только позволяли приличия после смерти моего отца. Хотя никто никогда не спрашивал, переживала ли я из-за этого. Кроме Марлены, которая не спускает с меня глаз сейчас. Она задает вопрос, чтобы понять, все ли в порядке между мной и мамой, не будет ли проблемой ее появление здесь.

— Эээ, да. Она будет с утра пораньше. — Я делаю внушительный глоток пива. — Я даже была не в курсе, что она адвокат моего дяди, если честно.

— О, понятно. Уверена, ради Брэндона она горы свернет, милая.

Это замечание застает меня врасплох.

— Что вы имеете в виду?

— О, да ничего. В старшей школе они все были так близки. Неразлучны, я бы сказала. Мне всегда казалось, что твоей матери больше нравился Брэндон. Говорю тебе, твоя мама и твой папа, плюс Мелани и Брэндон, вся четверка, были не разлей вода. Мы никогда не могли понять, кто из них с кем.

— Мам! — Люк, похоже, в ужасе. То, как она говорит, склоняет нас к мысли, что между Брэндонем и моей мамой что-то было. Ее лицо говорит о том же. Она кладет вилку и улыбается Люку.

— Сынок, я не растила тебя ханжой. И уверена, что ты не такой, поэтому успокойся. Я не говорю плохо о мертвых. Мелани и Макс были хорошими людьми. Мне просто кажется, что они неправильно выбрали себе супругов, вот и все.

Я втыкаю вилку в лазанью, сосредоточившись на тарелке.

— Не уверена, что Брэндон и моя мама так близки сейчас, как вы помните их, Марлена. Не думаю, что она говорит с ним о чем-то, кроме меня. И то не очень часто. — Электронные письма, которые она посылала мне с копией Брэндону, тому доказательство. Она даже не была в состоянии написать ему отдельное сообщение.

— Боль творит с людьми разные вещи, дорогая. Просто потому, что Аманда держит себя

на расстоянии от людей, не значит, что она не заботится о них. — Скрытый послыл этого заявления невозможно не уловить. Я почти застываю над едой; меня безудержно тянет рассмеяться. Мне удастся сдержаться — Марлена просто пытается быть милой, и я не хочу ее обидеть. Или огорошить новостями, что моя мать в настоящее время предпочитает женщин мужчинам. Мы едим, затем Люк и я уходим мыть посуду, а Марлена — смотреть «Голос». Люк постоянно касается меня, проводит рукой по спине, убирает волосы с глаз, в общем, не дает забыть, что он рядом, что все нормально.

И все действительно нормально. Это жизнь, и то, как все должно происходить внутри семьи. Это мило, и почти вытесняет из моих мыслей Брэндона, папу и ночные кошмары, которые вернутся вместе с возвращением в Колумбийский. Блин. Мне нужно пойти на похороны Тейта, поддержать Морган, разобраться с Ноа. О боже, Ноа. У меня так и не нашлось времени подумать про наркотики.

Хотя даже переживания обо всех этих вещах не мешают мне уснуть. Последние двадцать минут я лежу на диване, прежде чем мои веки начинают тяжелеть. Следующее, что я понимаю, — Люк бережно укладывает меня в свою постель, высунув язык от сосредоточенности на том, чтобы перенести меня, не разбудив.

— Извини. Я хотел как лучше. Старался не разбудить.

— Все в порядке. Все равно мне нужно переодеться.

Все еще сонная, я встаю и начинаю рыться в сумке, прекрасно понимая, что там ничего нет — я не брала ничего, в чем можно спать.

— Тебе нужна какая-нибудь футболка? — Люк оказывается рядом, неожиданно близко.

— Я... эээ... да, было бы отлично. — Вместо того чтобы успокоиться, мое сердце начинает выскакивать из груди, голова идет кругом. Окружающий мир меняется, когда он рядом. Я чувствую его каждой клеточкой. Всякий раз, когда мы в одной комнате, по коже идут мурашки от осознания того, как он близко.

Его глаза не отрываются от моих, пока я жду предложенную футболку. Маленькая улыбка касается уголков его губ.

— Что?

— Ничего. — Улыбка вырастает до ушей. — Вот, надень это. — Он снимает свою футболку через голову и бросает ее мне. Я ловлю ее в воздухе, от удивления раскрыв рот. Черная ткань хранит его тепло и запах.

— Серьезно? — смеюсь я.

Он кивает.

— Серьезно. — Я стараюсь не глазеть на него, на его голую грудь, накачанные мышцы живота и узоры татуировок, обвивающие его плечи, пока он медленно наступает на меня. Это движения хищника, и я застываю как испуганный олененок, который хочет удрать прежде, чем его поймают. Может быть, в какой-то степени так и есть. Так странно быть с ним здесь.

— Так ты ее наденешь? — В его глазах видны искорки.

— Может быть. Если мне предоставят немного уединения.

Я играю, и он это знает, поэтому делает вид, что дует, когда говорит:

— Не волнуйся, я не буду смотреть. Твоя добродетель не пострадает.

Я расстегиваю джинсы и спускаю их вниз, не отрывая глаз от него. Хочешь поиграть, так давай поиграем. Я знаю, что сегодня на мне красивые, кружевные трусики. О чудо из чудес, лифчик тоже кружевной. Обычно такого не случается. Когда я стягиваю через голову

майку, то чувствую, как он наблюдает за каждым моим шагом. Его темные глаза прожигают каждый миллиметр моей кожи. Я засовываю руки в рукава его футболки и надеваю ее, наслаждаясь его запахом, который меня окутывает. Едва успеваю поправить волосы, как он тут же набрасывается на меня, хватая за талию.

— Прошу прощения, но это самое сексуальное, что я видел в своей жизни.

— Что, девушка в твоей одежде?

— Ты в моей одежде, — шепчет он в ответ. Его рот оказывается на моем, прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово. Еще двадцать секунд назад мне чертовски хотелось спать, но сейчас я окончательно проснулась. Я запускаю руки в волосы Люка, вызывая его низкий стон. И этот короткий звук отдается вибрацией в моем теле, застывая чуть южнее талии. Я растворяюсь в нем. Он подхватывает меня, поднимая свою футболку, которая теперь на мне, чтобы схватить мои ягодицы. Я и не представляла, что ощущение рук на моей заднице может отправить меня прямиком в рай. Дыхание сбивается, как и у него. Люк прижимается сильнее и хватается меня за волосы, наматывая их на кулак. Он наклоняет мою голову назад и целует шею, другой рукой скользя под футболку. Я задыхаюсь, когда его пальцы нащупывают чашку лифчика.

— Люк! Люк, твоя мама! — Он достаточно долго смотрит на меня, чтобы я поняла, — больше нет никакого смысла протестовать. Желание, животное и неоспоримое, горит в его взгляде. Это происходит, и я хочу, чтобы так и было. До одури. — Плевать.

Дерзкая улыбка скользит по лицу Люка. Он наклоняется и подхватывает руками мои бедра, поднимая меня одним плавным движением, так, что я оборачиваю ноги вокруг его бедер.

— Как жаль. Эта футболка дико заводит, но пора ее снять, — стонет он. У меня достаточно времени, чтобы поднять руки, прежде чем он срывает свою футболку с моего тела, что заставляет меня немного застонать. Ни разу не сексуально, но Люк не замечает. Он слишком занят, пожирая меня глазами. Чистая похоть в его взгляде придает мне смелости. Большие пальцами я скольжу под лямки бюстгалтера и спускаю их вниз, кусая нижнюю губу.

— Хочешь избавить меня и от этого? — Я провожу рукой по лифчику, вызывая дрожь по телу Люка. Его эрекция упирается прямо в мой живот, еще сильнее, когда он в три больших шага оказывается у стены и прислоняет меня к ней.

— Ты напрашиваешь на неприятности, да?

Определенно, да. И я не напрашиваюсь, я умоляю о них.

— Пожалуйста, Люк. Скажи, чего ты хочешь.

Наконец, я расстегиваю застежку и снимаю лифчик, стягивая лямки с плеч. Люк делает еще один глубокий вдох. Судорожно. Отчаянно.

— Эв, ты такая красивая. Я не могу ждать... — он опускает голову и всасывает один из моих сосков в рот, проводя языком снова и снова. Я изгибаю спину, вжимаясь в него, отчаянно нуждаясь. Опускаю руки между нами, борюсь с его ремнем. У меня уходит две попытки, прежде чем я расстегиваю пряжку и полностью срываю его джинсы.

— Я хочу тебя во мне, Люк. Сейчас

Наверное, это волшебные слова. Люк даже не утруждает себя тем, чтобы снять мои трусики. Он срывает их так, как будто, они сделаны из тонкой бумаги, а не из невероятно дорогого кружева, и вот их уже нет. Он скользит рукой по передней части своих боксеров, и наконец, я чувствую его. Святое дерьмо, он собирается...

Мой разум отключается. Он толкается в меня, и в такой позиции я чертовски растянута и наполнена. Мои нервные окончания запускают восхитительные стрелы огня по моему телу, рассеивая любую надежду на возможность здраво мыслить. Люк издает страдальческий рык и напряженно застывает.

— Ты в порядке? — шепчет он. Мое тело замерло. Кажется, он думает, что причинил мне боль. Я не способна ответить. Я снова обнимаю рукой его шею и накрываю губами его губы, тяжело дыша ему в рот. Не могу ничего с собой поделаться; я должна двигаться. Я начинаю раскачиваться на нем вверх и вниз, упираясь в стену.

— Эвери! Твою мать!

Это все, что мне нужно услышать. От меня не ускользает тот факт, что Люк не надел презерватив, но в данную секунду это беспокоит меня меньше всего. Это безрассудство, но он ощущается невероятно. Я сжимаю ноги, обхватывая его сильнее.

— Кончи в меня, Люк. Я хочу почувствовать, как ты кончишь.

Люк отклоняется назад, чтобы посмотреть на меня, на мгновение наши глаза встречаются.

— Ты уверена?

Я киваю, прижимаясь к нему, удерживая его внутри себя настолько сильно, насколько это вообще возможно.

— Я хочу тебя. Я хочу всего тебя, без остатка.

И он делает, как я прошу

Удар под дых

Мягкое вууух от скользящего с крыши снега будит меня. Я в объятиях Люка. Нежные звуки его дыхания посылают сквозь меня импульс счастья. Я не должна быть счастлива. Мне стоит быть несчастной и напуганной. Я вернулась в Брейк, ради всего святого. А сегодня увижусь с матерью, потому что Брэндон в тюрьме. Хорошо, в общем, может, я немного волнуюсь, но на одну крошечную секунду, в тишине внешнего мира и с Люком, который прижался ко мне так близко, — я действительно счастлива. Как это вообще возможно?

Стук в дверь, наконец, будит Люка. Момент радости нарушен в ту же секунду, как появился, но я уже сохранила его в памяти, чтобы вызвать, когда мне понадобится толика трезвого ума.

— Эй, вы двое уже проснулись? — зовет Марлена через дверь. Люк издает невнятный полустон. Наверное, в доме Ридов это означает согласие, потому что Марлена входит. Я толкаю Люка, задевая его лицо в попытке удостовериться, что полностью прикрыта.

Люк неловко уворачивается.

— Святые угодники, мама! Какого черта?

Я выглядываю из-под одеяла, морщась, когда замечаю лифчик и разорванные — разорванные! — трусики на полу. О, милостивый Боже, дай мне провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Марлена усмехается, глядя на нас. У нее в руках поднос с двумя чашками кофе.

— Да ладно, вы не давали мне спать большую часть ночи. И нуждаетесь в кофе, чтобы восполнить с утра немного потраченной энергии.

Люк откидывается на подушки, закрывая глаза.

— Просто уйди, мам. — Марлена пожимает плечами, все еще усмехаясь. Она собирается уходить, но он ее останавливает. — Эй, кофе оставь.

Она ставит чашки, подмигивает мне и удаляется. Мы слышим ее смех, пока она идет в другую часть дома.

— Ты выглядишь так, будто спала в курятнике, Эвери. В мире существуют расчески, ты это знаешь? — Мы с мамой встретились тридцать минут назад, и за это время она успела раскритиковать мое пальто, зубы, а теперь еще и волосы. Также она сказала, что мои щеки горят неподобающим для леди образом. На улице минус двенадцать, так что я не знаю, почему она ожидает, что мои щеки не будут румяными. Или почему это не подобает леди, в первую очередь.

Она также не одобряет, что я пришла под руку с Люком, но это молчаливое неодобрение. Поджатые губы, прищуренные глаза, острые как лезвия бритвы, куда бы она ни смотрела. Я уже готова прибить ее. Марлена предложила ей переночевать в свободное комнате, но моя мать не слишком вежливо отказалась, мотивируя тем, что ей нужно пространство, чтобы разложить бумаги, а у Ридов не так много места. В результате, она

потратит двести восемьдесят долларов за ночь в хостеле «Клиффинсон», оплатив все пять спален, потому что отказывается жить там вместе с кем-то еще.

Она никогда не любила Брейк, хотела сбежать отсюда, как только они с папой закончат колледж, но мои бабушка и дедушка по отцу одновременно слегли, и естественно отец захотел остаться. Мама всегда была против этого. Папа был нянькой, поваром и уборщицей для бабушки и дедушки все четыре года, когда они медленно угасали, пока мама не настояла на их переводе в дом престарелых. Бабуля умерла через две недели от сердечного приступа, а дедуля через шесть месяцев после нее от пневмонии. Папа так и не простился ни с одним из них. И все, что моя мать могла сказать: «Это к лучшему, Макс. По крайней мере, теперь ты можешь устроиться на полный рабочий день и по специальности». — «Специальность» в ее устах прозвучало как ругательство. Как будто он не работал все эти годы, пока она изучала право с утра до ночи, чаще всего вне дома. Папа просто улыбнулся и проглотил это. Он был практически святым.

— Я не останусь в этом полицейском участке ни секундой дольше, чем того требует дело. Лучше поеду в дрянную закусочную, возьму кофе и попытаюсь разобраться в протоколах.

Люк бросает в нее кинжалы взглядом, выезжая на парковку на грузовике Брэндона. Ему даже не приходится ничего говорить; Аманда Сент-Френч не открывает для себя двери автомобиля. Он выходит и открывает дверь с ее стороны, величественно жестикулируя перед ней, пока она пытается подняться и балансировать на до смешного непрактичных высоких каблуках.

— Эвери, дай мне свой мобильник. Мой здесь не ловит. Попрошу дежурного на стойке перезвонить, когда они будут готовы принять меня, — говорит она через окно. Технически, платила она, так что это и ее телефон. Я опускаю стекло со своей стороны и передаю его ей. — Нам нужно поговорить чуть позже, — произносит она на выдохе. Ее светлые, безупречно уложенные волосы, длиной до середины спины, качаются из стороны в сторону, пока она пытается дойти пешком по снегу в «Обед у Джерри». Люк поворачивается и смотрит на меня, убрав руки в карманы. Какого черта?

Я вылезаю с заднего сиденья, где была до этого, и карабкаюсь на переднее. Люк тоже усаживается, все еще качая головой.

— Она настоящая стерва. Не припомню, что она была такой, когда я был ребенком.

— Ну, конечно, она пыталась быть милой с людьми, от которых могла что-то получить. Свою роль сыграло то, что твоя мама состояла в родительском комитете, наверное.

— Ага. Похоже на то.

Мы дежурили в участке, но нам не позволили увидеть Брэндона. Видимо, Хлое всыпали по первое число за то, что она позволила нам вчера увидеться.

— Эта сука Косгроув клевала мне мозг двадцать минут, — смеется она. — Быть мне регулировщиком уличного движения в обозримом будущем.

— Мне жаль, Хло. — Люк выглядит подавленным; видимо, должность действительно хреновая. Хлоя пожимает плечами. — Ах, все нормально. Все для вас, детки. — Она протягивает руку и снимает что-то с моего пиджака. — Волосы, — говорит она, пожимая плечами. — Вы, ребята, можете прийти ко мне на ужин завтра вечером, если захотите? Это, конечно, не Нью-Йорк, но тепло, и я знаю, как жарить стейк. Что думаете?

Ужин — последнее, о чем я могу думать. Люк соглашается, оговаривая, что мы примем приглашение, когда узнаем, что с Брэндона. По дороге из участка агент Косгроув проходит

мимо нас в коридоре. Она бросает на меня едкий взгляд, и клянусь, мое дыхание превращается в лед. Мы возвращаемся в дом Люка, его сестра дома; она визжит как умалишенная, стоит нам переступить порог. Бросается на него, улыбаясь от уха до уха. У них столько много семейных черт — одинаково темные волосы и глаза, причудливый способ улыбаться. То, что они брат и сестра, сразу бросается в глаза. Несмотря на то, что она младшая сестра Люка, Эмма еще в школе училась на два класса старше меня. Она была популярная, чирлидерша, но всегда намного добрее, чем другие девочки. Она улыбается при виде меня и тянется, чтобы обнять.

— Рада встрече, Айрис, — говорит она с искренней улыбкой. — Думаю, мой брат хорошо о тебе заботится?

Я смотрю на него, притворяясь, что размышляю над ответом. Люк кажется недовольным, пока я не произношу:

— Знаешь, он хорошо обо мне позаботился. Лучше всех. — Его кривая улыбка дарит обещание позаботиться обо мне еще лучше, когда мы останемся одни, что заставляет мои щеки гореть.

Звонок от моей матери раздается в полдень, спустя три часа после того, как мы высадили ее. Люк передает мне старую трубку домашнего телефона Ридов как ядовитую змею, словно опасаясь, что моя мать укусит его, будучи на том конце провода.

— Алло? — отвечаю я.

— У них нет оснований его задерживать. — Она говорит сразу по делу. Ни тебе приветствия, ничего. — К завтрашнему дню его выпустят. У них был ордер на обыск дома, но они ничего не нашли. Я посоветовала Брэндону подать на них в суд, но этот упрямый осел даже слышать не хочет...

Я поднимаю руку вверх, как будто она может это видеть.

— Стоп, так его не упекут за решетку? У них ничего нет для этого?

В трубке слышен разочарованный мамин вздох.

— Именно это я только что и сказала, разве ты не слышала?

Мощная лавина облегчения обрушивается на меня.

— Так что это значит? Они все еще обвиняют во всем папу?

— Не знаю, Эвери. Я здесь не поэтому. Я приехала, чтобы вытащить твоего дядю Брэндона. И моя миссия выполнена. Все остальное по этому делу меня не касается.

Я уже смирилась с тем, что моя мать все это время ненавидит отца, так что оказалась почти готова к подобному ее заявлению. Но сжимая челюсти, я не позволяю ярости ускользнуть в этот раз. Она невероятна.

— Какого черта ты это говоришь? Ты знаешь, что у них есть улики, которые могут доказать, что отец невиновен, так? Может, попробуешь разузнать о них? Ты отвратительная мать, но первоклассный адвокат. Ты добила того, что Брэндона отпустят, менее чем за три часа. Не считаешь ли ты, что способна на еще одно такое чудо?

Моя мать фыркает.

— Ты больше не ребенок, Эвери. Чудес не существует. Есть черное и белое. Виновный и невиновный. Дядя Брэндон невиновен, поэтому я могу решить эту проблему за три часа. Даже если я в лепешку разобьюсь с файлами федералов, это не сделает твоего отца менее виновным.

— Ты невыносима! — Я сжимаю трубку с такой силой, что она скрипит, угрожая рассыпаться в руках в любую секунду.

— Нет, я реалистка. Я знаю, кем был твой отец. И твой новый друг тоже. Я говорила держаться от него подальше, не так ли? Он объяснил, почему твой отец был его наставником? — Я дрожу от гнева и не могу вымолвить ни слова. Мама игнорирует мое молчание. — Уверена, что нет. Тогда я сама тебе расскажу — если бы он был на два года старше, когда сделал то, что сделал, чертовски уверена, его бы не взяли в полицию. Он был бы поставлен на учет как насильник и не устроился бы даже грузчиком в продуктовую лавку. Так что послушай меня, Эвери, тебе лучше держаться от него подальше!

— ПРОСТО ЗАТКНИСЬ, ЧЕРТ ПОБЕРИ! — звучным эхом разносится по дому Ридс. Все стихает. Люк останавливается и пересекает кухню, на его лице написано беспокойство. Чистый ужас проходит сквозь меня, в ушах громко и четко гремят слова матери. Поставлен на учет как насильник. Что, черт возьми, он сделал? На этот раз моя мать молчит на том конце провода. Я набираю побольше воздуха, выдыхаю и говорю то, что должна была сказать уже давно. — Ты не имеешь права контролировать мою жизнь, если не принимаешь в ней участия, Аманда. Все, что ты делаешь — так это даешь деньги, будто я проблема, от которой можно откупиться и исчезнуть. Я рада, что ты здесь, что ты помогла Брэндону, но как только ты уедешь, я не хочу больше тебя видеть. Мне не нужны твои деньги, и уж точно не нужно твое вмешательство в мою любовную жизнь, в то время как ты не можешь быть откровенна со своей партнершей и сообщить ей о том, что я, по крайней мере, черт побери, существую!

Я швыряю трубку на рычаг так, что телефон падает со стены и отскакивает от стола, распадаясь на части и провода вываливаются как кишки. Вот так я себя сейчас чувствую: истекающей кровью, раздавленной, обнаженной. Мои внутренности выставлены напоказ.

Люк смотрит на сломанный телефон и вытягивается по стойке смирно. Он выглядит нервным.

— Что это было?

Я не могу думать. Слишком больно говорить, а эти пять слов — они угрожают забрать то единственное хорошее, что есть в моей жизни, и уничтожить навсегда. Поставлен на учет как насильник?

Марлена переступает с ноги на ногу, рукой прикрывая рот. Люк отступает, его лицо лишается красок.

— Что? — говорит он, задыхаясь.

— Моя мама... она сказала, что ты должен был быть поставлен на учет как насильник. Она сказала, именно поэтому папа взял над тобой шефство. Она говорит правду?

Боль, ужасная, выворачивающая наизнанку боль, отражается на лице Люка. Ему не нужно даже отвечать, но он это делает.

— Да.

Одно слово, как удар под дых. Я спотыкаюсь, руки тянутся к столешнице, чтобы удержаться на месте себя

— Что... — Я не могу даже закончить. Я хочу спросить, что случилось, что он сделал. Но это знание уничтожит меня, я уверена.

— Эвери, стой. На самом деле это не то, что ты думаешь. Клянусь, если ты выслушаешь...

Я беру себя в руки и спешу мимо него в спальню. Я не могу, просто не могу. Я бросаю какие-то вещи в сумку, когда за мной входит Марлена.

— Все не так просто, как кажется на первый взгляд, — говорит она тихо, заламывая руки. — Ему было двенадцать. Его отец...

О боже. Двенадцать лет. Кто он? Кто этот парень, с которым я росла всю свою жизнь? Парень, который так долго за мной приглядывал. Парень, с которым я спала. В которого влюбилась по уши как идиотка. Желудок скручивается в узел. Неожиданно я бегу мимо мамы Люка в ванную. Колени горят огнем, когда я падаю на пол и избавляюсь от всего, что было съедено сегодня. Меня выворачивает до тех пор, пока на глазах не показываются слезы.

Я не возвращаюсь в комнату Люка. Прохожу прямо на кухню и беру ключи, игнорируя Люка. Он все еще стоит, замерев на месте, слепо уставившись на разбитый телефон, лежащий на полу. Я подавляю рыдания, когда вижу бесконечную печаль в его глазах. Наконец он смотрит на меня — в глазах боль, сожаление, гнев, страх — и это ломает меня окончательно. Я выбегаю из кухни, ухожу через парадную дверь и долго вожусь с ключами, прежде чем, в конце концов, мне удастся попасть в замок машины, взятой у Брэндона, и тронуться с места.

Дом

Я никогда не умела водить машину во время снегопада. Бен, сотрудник Брэндона из автомастерской, предлагал поставить цепи на шины автомобиля, когда мы его брали, если мы его пригоним, но мы не сделали этого. Колеса проворачиваются каждый раз, когда я скольжу на поворотах с головокружительной скоростью. Сквозь слезы я лишь смутно осознаю, насколько я близка к тому, что машину занесет.

Когда я подъезжаю к дому Брэндона мои красные глаза на мокром месте. Я паркую грузовик и выскакиваю, полная решимости запереться в единственном месте, где, скорее всего, почувствую себя в безопасности в этом богом забытом городе: моей старой спальне. Но когда подхожу к входной двери, дорогу преграждает офицер полиции, краснощекий парень с огромными усами.

— Эй, мисс. Вам туда нельзя.

— Что?

— Полицейское расследование. Мы проводим обыск. Вам туда нельзя. — Он засовывает большие пальцы под ремень и перекачивается с пятки на носок, глядя мне сверху вниз. — Эй, а ты не девчушка Максвелла Бреслина?

Я выдыхаю, борясь с желанием дать ему по морде и заглянуть за дверь позади него, за которой офицеры переворачивают дом Брэндона вверх дном.

— Как долго это будет продолжаться?

Молодой офицер пожимает плечами.

— Мы только начали, мэм. Это может занять несколько часов. Но даже тогда вам не позволят войти. Пока ФБР не скажет свое слово.

Хлоя Мэтерс выходит из кухни Брэндона в коридор и резко останавливается, увидев меня. Она держит катушки пленок в своих латексных перчатках. Они раскручиваются и падают вниз на полу восьмимиллиметровыми щупальцами. Она передает их в руки другому молодому офицеру, который возится, пытаясь вынуть нечто из того, что похоже на необычную коробку с рыболовными снастями.

— Возьми это. Пометь как кухня. — Молодой офицер принимает их, и Хлоя с каменным выражением лица направляется ко мне по коридору. — Тебе нельзя здесь находиться, Айрис, — говорит она сухо. Все тепло, которое исходило от нее ранее, исчезло. Тем не менее, суровая складка меж бровей немного смягчается, когда она смотрит на меня внимательнее. — Все в порядке?

Изо всех сил борясь со слезами, я наблюдаю за полицейским, наматывающим пленку снова и снова, в попытке привести ее в порядок и сложить в сумку для доказательств.

— Что это?

Хлоя оглядывается через плечо, убирая неровно подстриженные каштановые волосы за ухо.

— Здесь много пленок, милая. Я уверена, на них нет ничего плохого, но мы нашли их в самых странных местах. Мы должны проверить. Где Люк?

Дрожь проходит по всему телу при одном упоминании его имени. Если я ослаблю

контроль, если отпущу себя всего на секунду, то превращусь в рыдающую развалину и начну беспорядочно плакать, снова и снова. Я не могу сделать этого перед незнакомыми людьми.

— Он дома.

— Разве тебе не пора вернуться туда, сладкая? Дороги скоро станут непроходимыми. Снег метет и метет. — И это правда. Серые облака на небе выглядят огромными, как будто готовы взорваться.

— Я не останусь там сегодня вечером, — говорю я Хлое. — Я буду... — И понимаю, что есть только одно место, куда я могу пойти. Мест, где, насколько я знаю свою мать, она не побеспокоит меня, где я могу запереться и не иметь дело с Люком, тайнами и пленками, которые меняют жизнь Брэндона. — Я буду в своем старом доме. — И каждая мышца в моем теле напрягается из-за предстоящей перспективы.

Дорога в мой старый дом занимает двадцать минут. Несмотря на то, что он расположен у черта на куличках, скрытый от посторонних глаз, да еще и дорога идет в стороне от главного города, это, как правило, занимает половину потраченного мной времени, но снега выпало больше, чем когда-либо на моей памяти, и приходится ехать медленно. Двигатель странно свистит, примерно на полпути раздается скрежет. Я провожу вторую половину пути, сердито молясь о том, чтобы без приключений доехать до дома. У меня выходит продержаться, только и всего. Пар валит из-под капота, как только я начинаю парковаться возле дома, где выросла — трудно сказать, пар идет потому, что двигатель перегрелся или причина серьезней.

Я с ненавистью смотрю на выдавший виды грузовик и поворачиваюсь к дому. Грудь сжимается от нахлынувших как наводнение мучительных воспоминаний — папа, убирающий сточные канавы; то, как мы вместе крепили баскетбольную корзину к дому, с другой стороны стальное кольцо все еще висит; вот папа и я сидим в его старом универсале, когда он впервые показал мне, как управлять автомобилем. Он обещал научить меня, когда я подрасту, этого, конечно, так никогда и не произошло. Он умер ужасной смертью, и незнакомцу в «Лексусе» заплатили, чтобы он научил меня водить. Я вытаскиваю слишком знакомый ключ, которым я не пользовалась более пяти лет, делаю глубокий вздох и иду по тропинке. Парадная дверь открывается легко. Я спешу внутрь, не желая оттягивать неизбежное. Это место несет, возможно, самую болезненную память обо всех — Люк, одетый по форме, и, Хлоя Мэтерс чуть поодаль, рассказывает моей матери, что папа мертв.

Внутри дома тепло, наверху горит неяркий свет. У меня перехватывает дыхание, я почти не могу дышать. Я знала, что Брэндон поддерживает порядок и чистоту в доме, отапливает его. Свет горит, чтобы отпугивать потенциальных грабителей, но меня поражает то, каким этот дом ощущается. Жилым. Будто папа все еще сидит в своем кабинете, его старые пластинки крутятся и скрипят, воспроизводя старые хиты шестидесятых, пока он разбирает школьные записи. Я брожу по первому этажу, немного ошеломленная тем, что все выглядит так, будто здесь живут люди. Мои и папины шаржи по-прежнему прикреплены на холодильнике; есть даже один мамин, с огромной хищной улыбкой, которая играет на ее комически большом рте. Кухонный инвентарь до сих пор висит на крючках над плитой, будто кто-то все еще готовит здесь еду. Пульт от телевизора по-прежнему лежит на подлокотнике любимого папиного кресла.

Я провожу пальцами по кнопкам, не особенно сильно, словно не хочу нарушить прикосновения папы, который последним брал его в руки. Скорее всего, это не так. Сюда приезжала полиция и делала то же самое, что сейчас делает в доме Брэндона, но я не могу совладать с собой. Дом полон небольших напоминаний, каждое из которых делает меня ближе к нему, приближает меня к призраку отца.

Наверху даже хуже. Моя спальня — это все еще спальня четырнадцатилетней девочки-подростка. Постеры бойз-бендов на стенах. Все такое розовое. Даже не припомню, чтобы я настолько фанатела от этого цвета. Я стаскиваю одеяло со старой кровати с балдахином и тащу его по коридору в сторону кабинета отца.

Запах старой кожи и заплесневелых книг настигает меня с силой грузового поезда, когда я вхожу в комнату. Мама упаковала все свои вещи, когда уезжала из дома, но она явно не трогала вещи отца. Его записи немного перемешались, книги, бумаги разбросаны по всей поверхности старого письменного стола из красного дерева, насколько я помню его вид. Потрепанный старый диван, который он отказывался выбрасывать, все еще в углу у окна. Он любил использовать допотопный проектор для просмотра фильмов — на белой стене в дальнем конце комнаты все еще висит натянутая простынь, которую он держал специально для этой цели.

Я кладу одеяло на диван и шагаю по комнате, проводя руками по полкам с безделушками: глиняные страшные поделки, которые я смастерила в детском саду, которые папа хранил с яростной бережностью, фотографии его с мамой в то время, когда она еще улыбалась, и они казались безумно счастливыми. Понятия не имею, что изменилось, почему счастье исчезло, я смотрю на их молодые лица, на то, как они дорожат друг другом, будто ничто не в силах разлучить их, и это навеивает невообразимую грусть.

Мне отчаянно хочется позвонить Морган, создать иллюзию, что я не одна, поговорить, заполнить тишину этого пустого, одинокого дома. Но мобильный все еще у моей матери. Я поднимаю трубку стационарного телефона на папином столе, и с удивлением слышу длинный гудок. Удивленная и воодушевленная я набираю ее номер и сажусь в папино старое рабочее кресло, раскачиваясь из стороны в сторону, пока раздаются гудки.

Я безнадежна в вопросе решения собственных проблем. У меня нет опыта со всем этим, невзирая на то, как настойчиво Брэндон пытался вытянуть меня из моей раковины и обсудить все, когда я стала жить с ним. Я настолько ухажу в себя, пытаюсь мысленно представить, что расскажу Морган о том, что произошло и происходит прямо сейчас, что не понимаю, как долго идет звонок. И вот до меня доходит. Она не подойдет к телефону. Я кладу трубку обратно на рычаг, уставившись на угол папиного стола моего в полной растерянности и оцепенении.

Я совсем одна.

Никогда еще папа не нужен был мне так сильно, как сейчас. Всего одно объятие, звук его голоса, улыбка на лице могли бы все исправить. Тут в голову приходит гениальная идея, и тараканы аплодируют стоя. Его проектор.

Я спрыгиваю с кресла и падаю на колени, фокусируясь на ящиках его стола. Помнится, все пленки он держал в большом нижнем ящике, с аккуратно приклеенными рукописными этикетками, которые описывали содержание каждой из них. Ящик всегда был закрыт, если папы не было дома. Когда я была маленькой, то украдкой пыталась посмотреть их, но так и не смогла найти место, где он прятал ключ. К счастью, стоит мне потянуть, ящики бесшумно поддаются. Только фильмов там нет.

Меня сковывает ужас, будто я еще раз потеряла его. Я откидываюсь к стене и подтягиваю колени к подбородку, позволяя нескольким слезинкам катиться по лицу. Внутри зарождается гнев при мысли о том, что стало с видео. Единственный вывод, который я могу сделать — Аманда, должно быть, выбросила их. На мгновение я пытаюсь оправдать ее, что разумно, если подумать, но уверена, она бы не думала дважды, прежде чем избавиться от них. Фактически, она, вероятно, разожгла костер на заднем дворе, а затем с мрачным удовлетворением, скрестив руки, смотрела на пламя, в котором горело мое детство и все доказательства того, насколько замечательным и любящим был отец по отношению ко мне. На большинстве пленок были папа и я, либо я одна. Она же проводила свое время в судебных в суде, что не давало возможности участвовать в моих детских и, как она считала, подростковых играх. Конечно, они были такими, я ведь была подростком. Я была маленькой девочкой, которая хотела, чтобы оба ее родителя были рядом. Любили ее.

Если же на самом деле Аманда не сожгла их, то не знаю, куда они могли деться. представляю себе, насколько сильным было пламя, которое поглотило их, как неожиданно в вспышках огня приходит еще один образ. Молодой коп в доме Брэндона несет катушки фильмов с Super 8 и складывает их в мешки с уликами. Ну, конечно. Папины фильмы они тоже забрали. Просто обязаны были сделать это. Но ничего там не нашли, в противном случае мне было бы что-нибудь об этом известно. Ну и где они сейчас? Куда они могли их деть?

Я поднимаюсь на ноги и проверяю комнату за комнатой, заглядывая в каждый уголок. Они не на кухне, не в гостиной, ни в одной из спален, не в шкафах. Я уже начинаю терять надежду, когда подхожу к двери, ведущую из кухни в подвал; в подвал, где находится крытый бассейн.

Мне всегда запрещалось ходить туда без взрослых. Забавно, но я все еще чувствую, будто нарушаю правила, когда открываю дверь и спускаюсь вниз по лестнице, и в голове звучит строгий папин голос: «Это небезопасно для тебя, спускаться вниз без меня или мамы, маленький монстрик».

Я щелкаю выключателем, и угловые лампочки загораются, заливая холодным синим светом кафель, стены и потолок. Еще один сюрприз — я вижу, что бассейн полон. Я ожидала, что он пуст, но вместо этого люблюсь темно-синей гладью воды с легкими волнами. В дальнем конце комнаты, перед деревянной стойкой, где стопкой сложены полотенца, громоздятся картонные коробки. Искра надежды — может это то, что я ищу? И бинго, бросившись туда, я обнаруживаю, что, да, это именно то, что я ищу. Я открываю створки на коробке и вижу каллиграфический, аккуратный почерк отца на приклеенных к кассетам этикетках. Прямо сейчас я буквально готова разразиться слезами счастья.

Не теряя времени попусту, я тащу первую коробку вверх по лестнице, оставляя свет включенным на случай, если соберусь вернуться еще за одной. Я включаю проектор так, как папа учил в детстве, и через тридцать секунд начинается воспроизведение случайного видео. Старая техника возрождается к жизни, издавая знакомые стоны, скрипы и скрежет. Изображение, сначала размытое, разворачивается на стене. Сердце уходит в пятки.

Улыбающееся лицо моего отца смотрит прямо на меня, когда со смехом он отмахивается от камеры; камеры, которую держу я. Протягивает руку и забирает ее у меня.

— Звезда в нашей семье не я, монстрик. А ты. Давай, расскажи мне историю еще раз. — Камера дрожит и вот на стене я, мне лет восемь или девять, во рту не хватает двух передних зубов, волосы завязаны в косички по обе стороны головы.

— Хорошо, — говорю я, склоняя голову набок. — Она про Икара. Он жил в тюрьме вместе со своим папочкой.

— В тюрьме? — спрашивает папа по ту сторону камеры.

— Да, в тюрьме. — Я хмурюсь, пытаюсь сосредоточиться. — Ну, типа лабиринта, кажется, лабиринта, который построил его папа, но они не могли выйти, так что он был и тюрьмой тоже.

— Угу. И что произошло в лабиринте?

— Ну, папа Икара хотел сбежать из тюрьмы, но не мог. Вокруг повсюду была вода. — Я широко развожу тощими руками, охватывая пространство, и папа смеется, звук слышен так близко к камере. — И вот однажды, папа Икара понял, что единственный способ бежать — улететь. Он собрал все перья, которые смог найти, и смастерил две пары крыльев.

— И как он слепил перья вместе?

— Воском! Он использовал воск свечи, — говорю я.

— А что потом?

— Он дал одну пару Икару, а другую оставил себе. Он улетел, но, прежде чем взлетал, сказал Икару, чтобы он следовал за ним. Он сказал: «Не подлетай слишком близко к солнцу, потому что воск растает, и перья выпадут из крыльев!»

Папа смеется надо мной, качая пальцем, притворившись Дедалом, отцом Икара, который предупреждал его.

— И что сделал Икар?

— Он подлетел слишком близко к солнцу, па!

— О, нет! — Задыхается он. — И воск расплавился?

Я понимающе киваю.

— Ага. Он упал с неба. Но в конце с ним все было хорошо.

Еще больше смеха. Картинка трясется, когда папа опускает камеру, и снова становится ровной. Он оказывается в кадре и садится рядом со мной. Усаживает меня к себе на колени, и я кладу голову ему на плечо, камера все записывает, но мы об этом забыли.

— Как ты думаешь, чему учит эта история, Айрис? — говорит он тихо.

— Она учит всегда слушать папу, — отвечаю я уверенно. И зарабатываю улыбку отца, который кивает мне.

— Да, всегда нужно так делать, я полагаю. А еще?

Я хмурюсь, пытаюсь понять.

— Если высоко взлететь, потом долго падать?

— Угу. Но мне кажется, есть еще кое-что. Икар не просто так улетел так высоко. Он был заперт в ловушке в очень плохом месте в течение очень долгого времени, и был так счастлив, когда освободился, что просто обязан был лететь все выше и выше вверх. Он мечтал о вышине, хотел прикоснуться к небу. И так хотел исполнить свою мечту, что забыл о том, что ему говорил папа.

— Поэтому мне лучше не мечтать, папочка? — Мое сердце почти перестает биться, глаза не отрываются от экрана, когда я слышу это. Нежность в папином взгляде заставляет меня распадаться на части, разбиваться, и боюсь, больше никогда я не буду целой.

— Нет, детка. Как раз наоборот, говорю тебе. Всегда следуй за своей мечтой.

— Но что если я упаду?

Он качает головой.

— Неважно. Летай высоко, маленький Икар. Я всегда буду рядом и поймаю тебя,

обещаю.

К тому времени как фильм заканчивается, и катушка перематывается, я плачу навзрыд. Мне больно, так плохо внутри, что хочется сбежать ото всех и плакать до тех пор, пока я не смогу больше ничего чувствовать. Но знаю по опыту, это не сработает. Я все еще чувствую, чувствую все, всю боль, скорбь и страдания, несмотря на то, сколько слез было пролито.

Я всегда буду рядом и поймаю тебя, обещаю. Но сейчас его нет рядом, чтобы поймать меня. Почему он сказал эти слова, когда умирал? *Летай высоко, Икар.* Что значит его последнее послание для меня? Единственное, что приходит мне в голову — он хотел сказать, что не собирается нарушать свое обещание. Что никогда не покинет меня. На самом деле, нет. И в каком-то смысле, он не покидал.

Вступительные аккорды песни высушивают мои слезы. Я резко вскидываю голову. На стене появляется новая картинка. Я не помню этот фильм.

Люк. Люк с непомерно большой для него гитарой на коленях. Думаю, ему здесь лет двенадцать, не больше тринадцати. Волосы длиннее, чем я помню, глаза настороженные, испуганные. Папа проходит мимо объектива и, улыбаясь, садится рядом с ним.

— Готов? — говорит он.

Люк нерешительно смотрит на него, руки зависли над гитарой, он волнуется, но пытается взять себя в руки.

— Я... Я не знаю.

— Ну же, ты всё знаешь. Давай, ты можешь это сделать. Ты же уже играл для меня. — Папа широко улыбается. — Ничего, если ты ошибешься раз или два, Люк. Ошибки — часть обучения. Я здесь. Я помогу тебе.

Моя рука взлетает к лицу и накрывает рот.

Люк осторожно всматривается вниз в гриф гитары, медленно размещая пальцы на струнах. После еще одного робкого взгляда в сторону папы, он кладет вторую руку на гитару, заново расставляет пальцы по струнам и начинает играть.

Blackbird, The Beathels.

Папа отбивает ногой ритм, мягко подпевая, так как Люк спотыкается, но затем исправляется. Люк с папой вместе поют припев, разбивая мое сердце на крошечные осколки.

Мне следовало выслушать Люка, узнать, что он хотел мне сказать там, на кухне, неважно, насколько ужасно это могло звучать. Я смотрю на двенадцатилетнего парнишку передо мной и все, что я вижу, — насколько он сломлен. Неважно, что говорит моя мать, я никогда не поверю, что этот бедный, сломанный мальчик над кем-то издевался, сексуально или иначе. Не имеет значения, что он ничего не отрицал. Я просто не могу в это поверить. Испуганный маленький мальчик на экране передо мной заново учится жить, и мой отец пытается ему помочь. Папа пытался помочь нам обоим — дать нам обоим крылья, чтобы мы могли учиться летать. Одни он создал для меня, еще одни хотел починить для Люка. Я выключаю проектор, укутываюсь в стеганое одеяло на любимом папином диване и засыпаю в слезах.

Побег, часть вторая

Мое сердце с громким стуком вырывается из груди. Мне требуется около минуты, чтобы прийти в себя и понять, чего я испугалась. Звук, который разбудил меня, слышится снова, громкий и ясный: звон разбитого стекла. Я выпрямляюсь в кресле, стягивая одеяло, и напрягаю слух, чтобы услышать то, что происходит внизу. Еще громче. Будто тяжелым ботинком стучат по дереву. Первая мысль — это Люк, приехал, чтобы попытаться говорить со мной, но логическая часть мозга работает быстрее, чем подсознание. Зачем ему разбивать окно для этого?

Еще один звук разрушений доносится снизу, я вскакиваю и шарю по карманам в поисках телефона. Но у меня его нет. Твою ж мать. В три шага я пересекаю комнату и хватаю трубку домашнего, сердце бьется еще чаще. Я набираю сотовый Люка и спешу к окну. Там стоит огромный черный внедорожник с тонированными стеклами, он припаркован за газонокосилкой. Во сне я не услышала, как он подъехал

В трубке гудки.

Гудки.

Гудки.

Он не отвечает.

— Ну же, Люк. Давай!

Странное жужжание внизу заставляет меня замереть как статуя, и мой большой палец нажимает кнопку окончания вызова. Святой черт, что это? Я выхожу в прихожую на цыпочках и склоняюсь над перилами, задерживая дыхание. Треск становится громче, и внезапно я узнаю этот звук. Это шум работающего мусоропровода — грохот, стук, глухие удары.

Перед глазами секунд десять мелькают все фильмы ужасов, которые я смотрела в своей жизни. Каждой клеткой тела я знаю, что не должна спускаться вниз. Вместо этого я прижимаю трубку беспроводного телефона к груди и беззвучно пересекаю прихожую, захожу в кладовку. Можно спрятаться в шкафу, но я не допускаю такой ошибки. В случае чего мне некуда бежать и это, наверное, первое место, где меня будут искать. Нет, причина, по которой я выбрала эту комнату, сверкает бликами в темноте у двери, справа, где мой папа ее оставил. Моя цель — бейсбольная бита.

Я стою за дверью, ее ручка становится липкой от пота в моих руках, и изо всех сил я стараюсь не дышать слишком громко. Наконец слышится звук, которого я так ждала после грохота мусоропровода: скрип на лестнице. Кто бы ни находился в доме, он приближается. Твою мать, твою мать, твою ж мать. Я всматриваюсь в узкий просвет открытой двери и в тусклом освещении соседней комнаты вижу силуэт, пытаюсь понять, кто это.

Черная голова появляется неожиданно, как призрак, затем видны черные плечи и черное туловище человека, с головы до пят одетого в черное и лыжную маску, скрывающую лицо. Я закусываю губу, отчаянно пытаюсь не всхлипывать. Фигура добирается до вершины лестницы и замирает, крутит головой, оглядывая коридор, явно пытается выбрать дверь, куда идти дальше. Я вижу серебряную вспышку в руке человека, он довольно высокий. И

подавляю желание накинуться на него, когда понимаю, что это нож. Сантиметров двенадцать длиной, изогнутое, источающее угрозу лезвие, созданное для охоты, призванное снимать скальп с животных и потрошить их. Я сжимаю рот рукой и считаю до пяти. Сосчитаю до пяти и успокойся — все, о чем я могу думать.

Призрак медленно и осторожно подходит к папиному кабинету, я вижу это по тени в прихожей. Он исчезает внутри. Я начинаю паниковать; мне стоит бежать вниз по лестнице? Попытаться пройти мимо двери, за которой он скрылся? Ноги дрожат, они практически готовы убежать сами собой, без вмешательства моей головы, когда телефон, который я все еще сжимаю у груди, начинает звенеть.

— ЧЕРТ!

Я роняю телефон так резко, будто он ужалил меня. Отскакиваю в угол комнаты, страх, проникает в каждую клетку застывшего тела. Телефон продолжает звонить вместе с другими телефонными трубками, разложенными по другим комнатам. Но здесь только одна телефонная трубка. И она у меня. Я обеими руками хватаю бейсбольную битку, вытягивая ее перед собой.

Просто дыши, Айрис. Просто дыши. Пока ты спокойна, все будет хорошо. Папин голос в моей голове звучит уверенно и ровно. Это те слова, которые он непременно бы мне сказал. И они немного помогают, я возвращаюсь к двери. Звонок прерывается громким звуковым сигналом под лестницей. Автоответчик.

— Эв? Ты там? — Голос Морган заполняет смертельно тихий дом. — Эвери? Думаю, это правильный вайомингский номер, который ты мне давала. В общем, надеюсь, с твоим дядей все хорошо. И очень надеюсь, что ты вернешься к четвергу. Мне кажется, я не справлюсь на похоронах без тебя. Извини, я знаю, что это эгоистично, но... Дай знать, как ты там. Люблю тебя.

Автоответчик выключается.

И черная рука в перчатке ложится на дверную ручку.

Я действую раньше, чем осознаю это. Бейсбольная битка соприкасается с деревом и еще чем-то более мягким. Громкое «уфффф» вырывается у фигуры в черном, и она раскачивается из стороны в сторону, держась за поврежденную руку, все еще прочно удерживая нож в руках, пользуясь моментом, я завожу битку за плечо изо всех сил размахиваюсь.

«Уайт Эш» (прим. фирма-производитель бейсбольных бит) опускается на голову злоумышленника. Он падает на колени, одной рукой помогая себе на полу. И я бегу. Бегу мимо человека, который проник в мой дом, и направляюсь к лестнице. Чужая рука тянется вперед и хватается за мою лодыжку, крепкие пальцы впиваются в мою кожу, и я кричу.

Я вырываюсь, дергаюсь и ботинком задеваю его плечо. Он сдается и падает на спину, выпуская меня. Бита все еще в моих руках, когда я сломя голову бегу вниз по лестнице, мчусь на кухню. Ковер усыпан осколками стекла. Дверь черного хода еле держится на одной петле. Позади меня слышится шум шагов и, не задумываясь, я снова бегу. Мгновенная реакция — только пятки сверкают, пока я несусь из дома в неизвестность ночи.

Дыхание сбивается, короткие прерывистые вдохи острыми взрывами воздуха чувствуются на зубах, — я бегу быстрее, чем когда-либо в жизни. Мимо забора и черного внедорожника. Мимо заброшенного дома миссис Харлоу. Неистово размахиваю руками, все

еще удерживая биту в правой руке. Я знаю, что глупо оглядываться через плечо, но ничего не могу поделать. Я должна знать. Я смотрю назад. Мой нападавший выходит из дома, он на расстоянии всего в шестьсот метров и готов бежать.

Снег шел большую часть дня и покрывает все: дорогу, деревья, которые окружают дом, обочину, все. Мир в белых, серых и черных красках, — я бегу вслепую, поворачивая налево, затем направо в надежде спрятаться за деревьями. Они раскидистые и голые, потому только мешают. Я должна вернуться на дорогу. Нужно срезать путь к шоссе и вернуться в черту Брейквотера. Я буду в безопасности, если получится это сделать. Я уйду подальше от деревьев и поднимаю колени выше, снежные сугробы становятся более глубокими. И каждый раз, когда я пытаюсь продвинуться вперед, нижняя часть тела будто окунается в бетон.

Бита теперь просто мешает. Я бросаю ее, молясь богу, чтобы она больше не понадобилась. Что я справлюсь без нее. Смогу убежать от этого сумасшедшего и вернуться к цивилизации, прежде чем буду зарезана. Я оказываюсь у небольшой дороги рядом с домом. Легкие горят. Люк. Я должна добраться до Люка. Я бегу быстрее и ноги опалает мучительным огнем каждый раз, когда я делаю шаг.

Но вдруг ноги мне больше не подчиняются. Огонь распространяется по нервным окончаниям, меня ослепляет пронзительная вспышка боли. Я падаю, сворачиваясь калачиком на снегу. И не могу перестать трястись. Моя спина изгибается дугой, тело сопротивляется болезненным ощущениям, пронзающим его насквозь. Медленное и быстрое тик, тик, тик, тик, тик заполняет мои уши. После этого все, что я слышу — скрип и хруст сапог, медленно приближающихся по снегу. А потом перед глазами все чернеет.

Пожалуйста, перезвоните позднее

Люк

Мама плачет, не переставая. Она плачет, не переставая, и я мать вашу не могу нормально думать.

— Это нечестно. У меня была мысль позвонить Аманде Сент-Френч и спросить, какого черта она творит, почему после стольких лет все еще таит на тебя злобу. Полиция сняла с тебя все обвинения. Она не имела права.

Я никогда не видел ее такой возбужденной.

— Успокойся, ладно. Это я виноват. Стоило рассказать Эвери раньше.

Мама трясет головой, не давая мне закончить фразу. Она бросает тарелку, которую мыла, в раковину, расплескивая воду и мыльную пену.

— Не смей говорить, что это твоя вина, Люк. Ты не виноват. Ты не сделал ничего плохого.

Я закрываю лицо руками и делаю глубокий вдох.

— Ага. Конечно. Мама Эвери — прокурор. Она запрограммирована верить, что человек виновен, несмотря ни на что. Даже если бы я прошел тест на полиграфе, она бы все равно считала, что я вру.

Мама поворачивается ко мне, кладя одну руку на бедро. Выражение ее лица незабываемо: она явно в шоке. Даже одиннадцать лет спустя она не может справиться с этим. Как и я.

— Ты должен пойти за ней, малыш. Она знает не всю историю. Мне нестерпима мысль о том, что она плохо о тебе думает.

— Я не могу изменить этого, мама. Даже если я скажу ей правду, поверит ли она? Она может быть как ее мама.

— Ты действительно считаешь, что эта бедная девочка похожа на свою мать?

Если рассматривать все под таким углом, то, конечно же, нет. Нет. Нет. Сто процентов нет. У Аманды и Эвери нет ничего общего.

— Ей просто нужно время. И я дам ей его.

— Время — это последнее, что ей нужно, Люк!

— А последнее, что нужно мне, — чтобы ты так кричала на меня.

Она прислоняется к стойке, плечи поникли. И снова плачет.

— Ради всех святых. Прости, малыш. Просто я... Я твоя мама. Я хочу защитить тебя, а сейчас ничего не способна сделать для этого.

Я подхожу ближе и обнимаю ее. В растерянности, она дрожит в моих руках, не замечая, как Эмма входит на кухню. Сестра застывает на месте, с горящими после уличного холода щеками в наглухо застегнутой куртке.

— Что происходит?

Мама вздрагивает и тыльной стороной руки утирает слезы.

— Ничего, милая. У Люка с Эвери произошло небольшое недоразумение, и я пытаюсь

уговорить его пойти ее искать.

Эмма приближается ко мне и, хлопнув по руке, заявляет:

— Ты умудрился накосячить с первой же девушкой, которую привел в дом после той сучки? Да что с тобой?

— Знаю. Я мудака. — Не хотелось бы ей говорить, что произошло на самом деле. Эмма терпеть не может вспоминать ту историю, как и я.

Она хмуро смотрит на меня, бросая свою сумку на кухонный стол.

— Тогда тебе лучше всё исправить, и побыстрее. Мне нравится Эвери. И мама права. Тебе нужно найти ее.

Когда женщины семейства Рид наседают на тебя, это невозможно просто игнорировать.

— Ладно, ладно... Я съезжу в старый дом Брэндона. Наверное, она там.

Эмма качает головой.

— Вряд ли. Я только что проезжала мимо, по пути из больницы, и рядом с домом все оцеплено полицейскими. Обыск или что-то в этом роде. Пришлось объезжать через Бликер.

Мама обеспокоенно кладет руку на грудь.

— Куда она могла поехать? У нее же нет друзей поблизости. — Я недовольно смотрю на нее. Да, это так, но не стоит вот так прямо заявлять об этом..

— Может, она поехала в свой старый родительский дом? — спрашивает Эмма.

Такая вероятность близка к нулю.

— Сомневаюсь. Она ненавидит тот дом.

— Просто позвони туда. Ты не можешь знать наверняка, так ведь?

Мама подает мне телефонную трубку — нужный номер есть в сохраненных. Недавно я искал там дневник Макса Бреслина, и она набирала пару раз на домашний. Сотовый там берет не везде, так это был лучший способ связи.

Телефон молчит, пока я держу его у уха. Сердце колотится — тут, тук, отдается в груди, пока я жду звука соединения. Но его нет.

«Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позднее».

— Странно.

— Что такое? — Мама на грани нервного срыва. Я тоже близок к этому.

— Проблемы на линии. Она не может быть отключена. Ты дозванивалась всего неделю назад, да?

Мама кивает.

— Может, неполадки из-за снега?

— Может быть. — Но что-то не так. В груди колет от беспокойства. Даже если этот хаос с линиями вызван снегом, это означает, что Эвери, наверное, замело. — Мама, дай ключи. Я поеду туда.

Мама берет ключи в руки, морщины на ее лбу складываются в бесчисленное множество линий.

— Будь осторожен, ладно, малыш? У меня плохое предчувствие. Веди осторожно. И привези ее домой, слышишь?

40 глава

Сделка

Размеренное гудение.

Звук капающей воды.

Знакомое жужжание.

Голова просто убивает меня. Из всех сил пытаюсь открыть глаза, инстинктивно понимая, что зрение сейчас важнее слуха. Острая боль пронзает голову, когда мне удастся разлепить веки, яркая вспышка моментально ослепляет меня, но мгновение спустя свет чуть приглушается. Не настолько, чтобы облегчить пульсирующую на затылке боль, но достаточно, чтобы я снова могла видеть.

Я привязана к стулу. В подвале. С бассейна снят защитный тент, и вода искрится, отбрасывая свет на потолок и стены. Папин проектор закреплен на деревянном стуле — одном из тех, что обычно стоят у барной стойки на кухне. Проектор включен, но фильм не проигрывается. Виден лишь белый квадрат на стене в противоположном конце помещения.

Я оглядываюсь: вокруг никого.

Ужас заполняет каждую клеточку моего тела. Кто бы это ни был, он привязал меня к стулу, бог его знает что у него на уме, и я никак не могу освободиться. Крепления, привязывающие меня к стулу, тугие и крепкие. Я пытаюсь ослабить их, но все без толку.

— Советую побереечь силы, — отражается эхом от стен низкий голос.

Я прокручиваю его в голове снова и снова, пока не понимаю, что звук искажен. Слышится жалобный скрип кожаных ботинок — мой похититель спускается по лестнице в подвал. Тело в панике деревенеет, пока он подходит, фигуру и лицо все еще не разглядеть.

— Что вы делаете? — вырывается мое шипение, я парализована паникой.

Неизвестный подносит небольшой черный ящик ко рту и нажимает кнопку.

— Самое время перемотать глупые вопросы, как думаешь?

Я не отвечаю. Неизвестный больше ничего не говорит. Он осторожно приближается к проектору и, аккуратно управляясь со старой техникой, ставит пленку, явно не принадлежавшую папе, в подающий отсек. Он работает в тишине, прокручивая ленту с конца к самому началу.

— У меня есть одно видео твоего отца, которое ты точно еще не видела, — обращается он ко мне, говоря в передатчик. — Думаю, мы можем посмотреть его вместе.

Я дергаюсь в веревках, удерживающих мои руки за спиной, плотно привязанная к стулу. Они сильно врезаются в кожу. Фигура в черном приближается и с силой наносит удар по моему лицу рукой в перчатке.

Щека горит огнем. На глазах выступают слезы. Я всегда думала, что в такой ситуации не буду подчиняться, но в реальности быть чьей-то пленницей, чувствовать, что твоя жизнь в опасности, вызывает дикий страх. И я не могу сделать ничего, только хнычу. Человек в черном возвращается к проектору и снова говорит в датчик:

— Кому было сказано не дергаться? — Больше ни слова. Он ставит фильм на воспроизведение, и вдруг на подвальной стене оживает лицо моего отца. Он в слезах, нижняя губа разбита и кровоточит. Внутри меня все переворачивается и замирает от страха.

— Что... что это?

Человек в черном за пару шагов сокращает расстояние между нами и хватает меня за волосы, заставляя поднять голову.

— Смотри, — рычит он в голосовой передатчик. И мне приходится. Папины глаза лучатся невероятным светом, словно кто-то зажег их. Слышен мужской голос за кадром.

— Ты невероятный счастливчик, Макс. Ты считаешь себя везунчиком?

Отец тяжело сглатывает.

— По большей части, — его голос дрожит.

— Всего лишь по большей части? У тебя прекрасная жена, прекрасная дочь. Хорошая работа. Тебя уважают в обществе. Да ты гребаный святоша, по сути. Так ведь?

— Похоже на то, — тихо отвечает он. Он звучит неуверенно, будто не знает, правильный ли это ответ.

— Ну, так что заставляет тебя думать, что ты счастливчик только «по большей части»?

— Ну, меня бы здесь не было, если бы я был счастливчиком постоянно, — отвечает он на выдохе.

Человек за кадром фыркает, подавив смешок.

— Это большое везение, что ты сегодня здесь, Макс. Просто ты до сих пор не понимаешь этого. — Подвал заполняет звук сапог, шаркающих по бетону. Папин взгляд мечется влево. Кто-то движется вокруг него. — Хочешь, чтобы я объяснил, почему так говорю, а, Макс?

— Д-да.

— Ну ладно. Так и поступим. Смотри.

Прямо у папиного лица на экране появляется рука. В ней лист бумаги. Я не вижу, что на нем, а отец видит. Он издает страдальческий крик, а гримаса боли искажает лицо.

— Нет! Нет, не надо. Пожалуйста! Пожалуйста! — умоляет он. Лист переворачивают, и я вижу, что это не просто бумага, это фотография. Моя фотография. Четырнадцатилетняя я улыбаюсь с глянцевого снимка. Мой желудок скручивает.

— Понимаешь, в чем дело, Макс. Кое-кто из нас хотел, чтобы сейчас здесь сидела твоя маленькая девочка. Но ты особый случай. Ты же у нас святоша, борешься, чтобы никто не сбился с пути. Так что мы проголосовали, и пришли к выводу, что на этом месте сегодня должен оказаться ты.

— Адам, пожалуйста, — шепчет отец. — Пожалуйста, не делайте этого.

Адам? Адам? Как в замедленной съемке, в моем мозгу начинают крутиться шестеренки. Он обращается к Адаму Брайту. Брату мэра Брайта, баскетбольному тренеру Брейквотерской школьной команды, отцу Мэгги... это человек, который угрожает моему отцу? Похититель усиливает хватку на моей шее, крепко впиваясь пальцами в кожу. Я вздрагиваю, пристально следя за событиями, разворачивающимися на видео.

Адам заходит в кадр, теперь его полностью видно, как и то, что он наклоняется вперед и с остервенением бьет отца в челюсть. Папа откидывается назад с такой силой, что я кричу. Знакомое лицо Адама, человека, которого я знала с рождения, отражается на весь экран.

— Так вот, это — твоя удача, Максвелл Бреслин. Тебе дают выбор. Ты можешь занять место своей дочери. Остаться гребаным святошей и убить себя, — он достает оружие из-за пояса, упираясь им прямо в папино лицо так, чтобы был виден каждый сантиметр блестящего черного пистолета, — или можешь позволить своей дочери быть нашей жертвой. Что скажешь, Макс? Готов к сделке?

О боже.

Господи, только не это.

Сделка.

— НЕТ! — Я кричу так громко, что чувствую, будто мои голосовые связки рвутся пополам. Нет, нет. Нет! Нет! Вот что папа имел в виду. Моя жизнь за его. Он умер, чтобы спасти меня. Желчь наполняет мое горло, слезы жгут глаза. Плечи отца опускаются. Он с

усилием выдыхает, наклоняется вперед и сплевывает кровь на пол.

— Я сделаю это. Я убью себя.

Адам поворачивается к камере и улыбается во все тридцать два зуба, глядя прямо на меня, словно привидение из прошлого.

— Ты слышал мужика, Джефф. Он готов на сделку. — Адам на седьмом небе от того, что мой отец согласился на ультиматум, порожденный его больным рассудком. Раздается голос Джефферсона Кайла, еще одного из тех, в чем в убийстве обвинялся мой отец, в кадре его не видно.

— Ты бы не слишком злорадствовал, Адам, — выдает он. — Сам знаешь, Хлоя не придет в восторг. Она почти свихнулась на этой девчушке Бреслин.

Чтобы сложить частички пазла, мне хватает трех секунд. Имя, которое Джефф говорит так небрежно. Хлоя.

Ледяные когти тревоги вливаются в тело. Нет. Нет, разве это возможно? Но, конечно же, когда я задираю голову, чтобы увидеть человека, чьи пальцы все еще удерживают мою шею, лыжной маски уже нет на месте, и в мои глаза устремляет свой немигающий взгляд Хлоя Мэтерс.

Психопатка

В руках Хлои электрошокер, палец на спусковом крючке, между двумя проводниками непрерывно идет электрический ток. Лицо невозмутимое, даже слегка скучающее.

— Мальчики не имели права заключать ту сделку, — размеренным голосом произносит она. — Была моя очередь. По идее, я должна была выбирать жертву и способ, но нет. Они всё переиграли, схватили твоего отца, пока я работала. Это нечестно. Мы так не договаривались. — Я слишком ошеломлена тем, что Хлоя вовлечена во все это, она убийца, и я не могу вымолвить ни слова. В любом случае она кажется достаточно довольной, что ее невольный зритель внимательно слушает. — До этого я планировала дело дважды. Джефф трижды. Сэм трижды. Адам — семь раз. Психопат, — сплевывает она. — Он преследовал тех девочек с тупым мачете. Очень умно, да? Но он возомнил себя гребаным Пикассо. — Она проводит пальцами по короткой стрижке, делая глубокий вдох. Кажется, это ее немного успокаивает. — Нет ничего умного или красивого в том, чтобы топить кого-то или сжигать. Слишком много возни и беспорядка. Все должно быть аккуратно и чисто. Да, правильно, аккуратно и чисто. Ты оценишь, я знаю, ты способна на это. — Она вышагивает по краю бассейна, потирая одно и то же место на голове снова и снова. Внезапно она поворачивается и устремляет на меня свирепый взгляд. — Нужно хорошо с ними обращаться. Оставить их красивыми. Уложить волосы. — Она стоит прямо передо мной и протягивает дрожащую руку. Убирает прядь моих волос с лица.

В ее действии почти благоговение, тем сильнее оно отражает падение в тревожную темноту безумия.

— У тебя такие красивые волосы, — шепчет она.

Я тут же начинаю разрабатывать стратегию, пытаюсь понять, как выпутаться из этой ситуации. А ситуация хреновейшая. Хлоя приседает, глядя прямо на меня. Но мне кажется, на самом деле она меня даже не видит.

— Ты смотришь, как и она тогда. Ладно, цвет твоих волос чуть темнее, согласна, но это ничего. Это нормально. Она бы выглядела сейчас как ты, а ты похожа на нее тогдашнюю. Есть ли в этом какой-то смысл?

Ужас — мой новый лучший друг. Я вздрагиваю, одергивая себя, когда вспоминаю, как вчера в участке Хлоя снимала волос с моего пальто, когда приглашала нас на обед. Такой невинный жест, а сейчас он кажется до жути страшным. Хлоя встает, покачиваясь, и смотрит меня.

— Я дам тебе досмотреть видео, а затем мы продолжим.

— Нет! Я не хочу этого видеть! — кричу я.

Я кидаюсь на нее, пытаюсь оттолкнуть ногами, но она вне досягаемости. Мои крик, словно спусковой крючок для Хлои. Она резко приближается, размахивая электрошокером, и прижимает его к моей шее. И я во второй раз вижу звезды перед глазами, как тогда, на улице. Меня выворачивает, когда она убирает провода с моей кожи.

— Заткнись, маленькая грязная сучка. — Хлоя наклоняется вперед так, чтобы ее лицо было в считанных сантиметрах от моего. — Ты все разрушаешь. Это все твоя вина, знаешь

ли. Твой отец все еще был бы жив, и я не вышла бы из себя, не убила бы остальных, если бы не ты. Все так запуталось. — Она делает пару шагов, придвигаясь еще ближе. — Это ты все виновата. — Ее ярость неожиданно утихает, слышен громкий звук. Она выпрямляется. — Но в чем-то ты права. Нам не нужен снова весь этот хаос. И мы достаточно долго ждали.

Хлоя лезет в карман и достает тонкую черную коробочку. Сердце снова уходит в пятки. Она упоминала мачете Адама, утопление и огонь, значит... ее метод убийства — яд. Отравление. Стрихнин. Вызывает судороги и нехватку дыхания. Обе девочки задохнулись. Два последних убийства, на которых все закончилось; так же эти девочки были единственными, у кого был четвертый символ на ладонях. Слова Люка проносятся в голове, вызывая дрожь и панику. Хлоя открывает коробочку, которую держит в руках. Внутри шприц и небольшой флакон с прозрачной жидкостью. Она аккуратно достает шприц и держит его наготове.

— Если будешь хорошей девочкой, я оставлю тебя красивой, договорились? — Игла впивается в крышку флакона, умело и профессионально, а я иду ва-банк. Терять нечего.

— ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ!

Хлоя выглядит невпечатленной. Она бы вообще не обратила внимания на мой крик, если бы не внезапный грохот наверху. Я очень хорошо знаю этот звук, раньше я прислушивалась к нему почти каждый будний вечер, когда ждала папу с работы. Возле дома только что затормозила машина. Кто-то приехал, и этот кто-то может услышать мой крик.

— ПОМОГИТЕ!

— Какого черта? — Хлоя убирает шприц и несется к лестнице, глядя вверх на кухню. Кухонная дверь, должно быть, все еще снята с петель, яркий свет пробивается сквозь темноту. Кто бы там ни был, есть вероятность, что он поймет, что здесь дело нечисто, если только хватит времени прийти на задний двор. Автомобильная дверь захлопывается прямо над нами. Хлоя моментально оказывается у стула, на котором закреплен проектор, и хватается охотничий нож, принесенный заранее.

— Сиди тихо, — произносит она, направляя нож в мою сторону. — Пикнешь, и я не задумываюсь убью того, кто там находится. И это не пустая угроза. — Я не сомневаюсь, что она достаточно безумна для подобного. Все мои силы уходят на то, чтобы оставаться беззвучной. Я просто сижу, изо всех сил прислушиваясь и отчаянно молясь. Никогда в жизни я не молился настолько беззаветно.

Когда я слышу голос там, наверху, остатки дыхания перехватывает.

— Эв? Эвери, ты здесь?

Люк. Я низко опускаю голову, подбородком упираясь в грудную клетку, и реву.

Хлоя одергивает край своей свободной черной рубашки, открывая полицейскую форму, надетую под нее. Прячет нож за пояс и стреляет в меня предупреждающим взглядом.

— Я убью его, — шипит она и идет вверх по лестнице. — Люк! Это Хлоя! Мы получили звонок о взломе полчаса назад, но здесь никого нет!

Вот же стерва.

— Хлоя? Эвери и мне пыталась дозвониться. Когда я перезванивал, линия не работала.

Хлоя обрубил провод? Облегчение и ужас проносятся сквозь меня. Если бы она этого не сделала, Люк бы не приехал. Но сейчас он здесь, в смертельной опасности. Мне нужно подняться по лестнице на кухню. Я должна, черт возьми, увидеть, что там происходит. Переставляя ноги так далеко, как только могу, а это всего лишь пара сантиметров от стула, я продвигаюсь вперед. Стул шаркает по полу довольно громко, заставляя сердце выпрыгивать

из груди. Она сказала — ни звука, а я на грани провала. Однозначно, смерть не входит в мои сегодняшние планы, но потребность сохранить Люка в безопасности перевешивает инстинкт самосохранения. Поэтому я больше и не пытаюсь. Вместо этого наклоняюсь вперед, складываясь почти вдвое. Из этой позиции мне виден луч желтого света в кухне, вместе с парой черных полицейских ботинок и парой потрепанных конверсов, наполовину скрытых промокшими джинсами.

— Дверь была в таком состоянии, когда ты приехала? — спрашивает Люк. Он кажется озадаченным, взволнованным. В его голосе слышны панические нотки, но он пытается их контролировать.

— Да, а на снегу были следы. Следы борьбы. Кому-нибудь еще было известно, что она здесь одна? — спрашивает Хлоя.

Только тебе, чокнутая психопатка!

Я тяну веревки на запястьях за спиной, но они не поддаются. У Хлои явно годы практики в том, чтобы заставить человека оставаться на месте, без шансов на побег. Мне не сбежать.

— Нет. Нет, я... понятия не имею, возможно, она вообще не отсюда звонила, — тихо признался Люк, — Мы... поссорились.

Кухню заполнила тишина. И вдруг:

— Она узнала о твоём отце?

— Нет, — Люк издает длинный, тяжелый вздох. Он меряет шагами кухню. Я даже знак выражение его лица, когда он с тревогой ее осматривает. — Я собирался сказать ей, но...

— Все в порядке, я понимаю. Нет смысла добавлять еще одного человека в список, так?

— Не совсем. Я просто... — он замолкает на полуслове. — О мертвых либо хорошо, либо никак. — Он делает паузу. Один вдох. Два. Голос срывается, когда он спрашивает, — Что ты делала в подвале?

Хлоя отступает назад. Заряд адреналина пронесется сквозь мое тело. Вот оно. Он начал что-то подозревать. Он знает. Убьет ли она его прямо сейчас? Вся жизнь проходит перед моими глазами.

— Внизу горел свет. Хотя не думаю, что там кто-то побывал.

Тишина. Блин, ну же, Люк! Думай, думай! Крепко зажмурив глаза и затаив дыхание, я жду и молюсь, чтобы пазлы в его голове сложились в единую картинку, и он бросился вниз по лестнице. Но нет.

— Ладно, я поднимусь наверх. Проверишь внизу? — говорит Люк ровным тоном. Абсолютно спокойным. Словно обрел каплю уверенности, думая, что за спиной у него есть поддержка. В лице Хлои — той, что не раз прикрывала его в опасных ситуациях, а не психически больной стервы, затеявшей все это. И мои надежды окончательно рушатся, когда Хлоя соглашается:

— Не вопрос. Кричи, если что найдешь.

Пол под кедами Люка жалобно скрипит, когда он разворачивается и покидает кухню. Я слышу, как он бежит вверх по лестнице, выкрикивая мое имя.

Хочется отозваться, но к тому времени, как он успеет появиться на мой зов, если все-таки услышит меня из подвала, Хлоя окажется здесь и перережет мне глотку, не моргнув и глазом. Я сохраняю спокойствие. До крови закусываю губу, рот полон металлического привкуса. Ботинки Хлои замирают наверху, и, наконец, она торопится назад в подвал, по-прежнему с ножом в руке. И выглядит она до чертиков безумной. У нее точно сорвало

крышу.

— У нас больше нет времени на светские условности, мисс Бреслин. Боюсь, большую их часть придется пропустить. Надеюсь, ты не возражаешь.

— Ты шутишь? Не можешь ли ты всерьез решить, что можно убить меня и скрыть это, пока Люк наверху?

Лицо Хлои искажает кривая ухмылка. Она спокойно направляется к табурету, на котором оставила яд и шприц, и снова начинает тщательно наполнять его.

— Люк — не самый умный мальчик, Айрис. В последнее время он чаще распевает песенки по барам, чем концентрируется на своей работе, насколько я слышала. Да и это займет пару секунд. Кроме того, самое время получить признание за мою работу.

Я чувствую вкус желчи во рту. Признание за работу? Слова Люка раз за разом прокручиваются в голове, и, наконец, я понимаю, что обречена. *Серийные убийцы хотят попасться. Как правило, они гордятся творением своих рук и хотят взять на себя ответственность.*

— Это ты отправила то видео на станцию, так ведь? То, что забрало ФБР? — с трудом удается мне произнести.

— Конечно. Мне пришлось. Чертов мэр Брайт со своей чертовой книжонкой. Великий Рупор из Брейквотера, «знаток», собирающийся поведать всю правду о том, что произошло с теми бедными-несчастными девчушками. Туфта. Это была я. Я и парни. Почему вся слава должна достаться Максу?

— Но ты заставила моего отца взять вину на себя, за них. Ты вынудила его взять на себя вину за смерть Джеффа, Адама и Сэма.

Хлоя передергивает плечом, уставившись сквозь меня.

— Так сложилось, грех было не воспользоваться обстоятельствами. И вообще, тогда я не была готова. Сейчас все изменилось. И я должна закончить начатое нами. — Хлоя с той же кривоватой ухмылкой на губах делает шаг вперед, и я покрываюсь гусиной кожей от страха. Больше нет смысла молчать. Изо всех сил пытаюсь ослабить веревку, впившуюся в запястья, я набираю воздух в легкие и кричу.

— Люк! В подвале! ЛЮК!

Хлоя оказывается прямо надо мной.

— Ты жалкая. Ты действительно жалкая. — Она слегка приподнимает рукав моей рубашки, обнажая руку. Я пытаюсь уклониться от ее прикосновений, но нет ни единого шанса их избежать. Она подносит конец иглы к моей руке, сосредоточенно выискивает вену. И именно в этот момент я замечаю Люка, бегущего вниз по лестнице за ее спиной.

— Хлоя, твою мать! Хлоя, нет! — Мои глаза встречаются с его — эмоции бьют через край. Страх. Паника. Злость. Его ужас насквозь пронзает меня. Ситуация — хуже не придумаешь. Он не думает, что дотянется до меня вовремя. И так и происходит.

Острое жало иглы впивается мне под кожу, принося мучительное осознание безнадежности, холодной и равнодушной. Боль, которая следует за ней, еще хуже. Намного, намного хуже. Мгновенная вспышка — и словно бомба взорвалась в моей голове. Яд погружается все глубже, разносится по телу как вирус. Следом меня охватывает неконтролируемая дрожь. Люк бросается на Хлою, отталкивая ее от меня в попытке вырвать иглу из-под моей кожи. В пылу схватки их тела оказываются на полу, но игла по-прежнему в моей руке. Я вижу, как Люк откатывается на спину и, раскачиваясь, изо всех сил наносит Хлое удар по лицу. Отчаяние, написанное на его собственном лице, причиняет мне

невыносимую боль. Но сил думать о его отчаянии просто нет. Мое бессилие что-либо изменить затмевает все. Голова запрокидывается назад, каждый мускул в моем теле напрягается. Тело бьется в конвульсиях. Спазмы настолько сильные, что я с трудом могу дышать. Яд действует неотвратно, тело больше не подчиняется мне, нет ни единого шанса сделать глоток желанного воздуха.

Глаза закатываются. Сквозь тело проходит новый виток боли, поражая бедро. Вместо нарастающей, глубокой боли появляется новый оттенок — жгучая боль, простреливающая ногу. Внутри зарождается крик ужаса, но я словно онемела. Судороги становятся такими интенсивными, что я чувствую, как рвется веревка, связывающая запястья, и липкая влажная кровь покрывает руки, просачиваясь сквозь пальцы.

Громкий удар заполняет подвал, эхом отдаваясь от стен, вместе с отчаянными криками Люка. На стул, где я сижу, наваливается что-то тяжелое. Хочется открыть глаза, чтобы видеть происходящее, но я не могу. Тело, будто чужое и не слушается меня. В груди усиливается давление, сердцебиение ускоряется. Давление все нарастает, пока мое сердце не останавливается на долю секунды, замирая, пропускает один тяжелый удар и снова начинает биться. Давление опять нарастает. Я понимаю, что яд делает свою работу, обволакивая мои жизненно важные органы, выводя их из строя. Мне недолго осталось.

Стул снова раскачивается под аккомпанемент возни и криков, отдающихся эхом от каменных стен подвала, мир раз за разом начинает переворачиваться с ног на голову. Но на этот раз все реально. Отвратительное ощущение пола под ногами вызывает приступ тошноты, и внезапно я словно проваливаюсь куда-то и переносюсь в безопасное место — в свою комнату в городе. Я заваливаюсь на кровать, Люк рядом. Он смеется, потому что я визжу, и я тоже смеюсь. Мне ничего не угрожает, я в тепле и безопасности. Кровать смягчает падение и приземление, на мгновение все кажется нормальным, Люк смотрит на меня, я вижу улыбку, теплоту и обожание в его глазах.

— Люблю тебя, — шепчет он.

Я дарю ему улыбку в ответ. Открываю рот, слова замирают на губах, — рот наполняется водой. Холод, разрушительный и непрекращающийся. Я не понимаю, откуда берется эта вода, мешающая говорить, но твердо намерена произнести нужные слова — то, что я чувствую. Откуда-то я знаю, что это мой последний шанс сказать их вслух.

— Я тоже люблю тебя, Люк. Правда, очень сильно. И мне так жаль...

Правда... вся правда...

Я существую будто во сне. Время замедлило свой ход. Я кружусь и исчезаю из мира, где все слишком яркое, слишком громкое, туда, где всё менее материальное, менее болезненное, пока окончательно не перестаю различать реальность и сон. Ритмичный звук «бип-бип», в моей голове — единственный способ отсчета времени. В конце концов, я даже не замечаю этих звуков. Иногда грубая рука в перчатке возвращает меня на мягкую кровать, в которой я лежу. Иногда слышен мягкий шепот знакомых голосов, которые манят меня обратно в собственное тело. В течение долгого времени боль постоянно возвращается, и её слишком много, я убегаю, пытаюсь скрыться в темных глубинах подсознания. Там, где комфортно и безопасно.

Но я не могу прятаться там слишком долго. Тело крепнет, чтобы вылечиться, ему нужно двигаться, противостоять боли. День ото дня игнорировать его желания становится все сложнее. И наконец, приходит время, когда у меня больше нет выбора.

Я просыпаюсь.

— Эвери? Она просыпается. Кто-нибудь, вызовите медсестру.

Стоит только открыть глаза, пульсирующая боль тут же пронзает голову. На секунду мир видится полностью белым, я изо всех сил пытаюсь сосредоточиться, вспомнить, каково это — видеть цвета и формы. И тут же замечаю Морган, она сидит на краю моей кровати и медленно водит вверх-вниз по моей руке. Ее губа дрожит, по лицу градом катятся слезы.

— Морган? — будто кто-то прошелся наждачкой по горлу. Я мучительно хриплю, и Морган бросается вперед, чтобы подать мне воды из длинной белой остроконечной чашки. Большую часть я проливаю, но даже те крохи, которые смачивают воспаленную гортань, ощущаются как рай на земле.

— О, боже, Эв. Я уже не верила, что ты вернешься. Я думала, ты никогда... — голос срывается, она не может больше говорить. Лицо искривляется в полуулыбке-полугримасе. Она наклоняется вперед и прячет лицо в мои волосы, обнимая изо всех сил. Прикосновение её кожи к моей причиняет невыносимую боль.

— Морган? Морган, я не могу... дышать.

Она тут же отстраняется.

— Ох, прости. Просто я... Я не... — она ревет и качает головой, пряча лицо в ладонях. Я тянусь вперед и касаюсь пальцами ее руки, этот простой жест требует огромных усилий и почти убивает меня. Она выпускает длинный вздох. — Прости... — высморкавшись, она вытирает лицо рукавом рубашки. — Твой дядя здесь. — Ее голос все еще дрожит. — Он убежал за медсестрой. Сейчас он вернется, Эв. Мы все так волновались за тебя.

Наконец, я оглядываюсь и замечаю, где нахожусь. Свет просачивается через огромное окно, из него видны горы. Слева от меня капельница с лекарствами, кардиомонитор фиксирует медленное биение моего сердца. Пахнет хлоркой. Простыни на кровати, в которой я лежу, видали времена и лучше. Судя по всему, я в больнице Вайоминга.

— Что? Что случилось?

Всплеск неуверенности появляется на лице Морган.

— Мне нельзя рассказывать ничего, пока ты сама не вспомнишь, но к черту это. Точно хочешь знать? — Последнее, что я помню, — как тону или падаю, а затем невыносимая боль, затягивающая меня в темноту. Я киваю головой.

— Мне нужно это услышать.

— Чокнутая дамочка из полиции накачала тебя какой-то дрянью. Люк тебя нашел. Напал на нее. В процессе вас обоих подстрелили. Ты упала в бассейн, но Люку удалось вырубить ту суку. И он прыгнул следом, чтобы спасти тебя. А потом сорок три минуты делал искусственное дыхание, так как из-за снега машина скорой помощи не могла добраться до вас. Он потерял много крови и почти умер, Эв.

Уже на середине рассказа Морган о том, что, как мне казалось, должно было стать последними минутами моей жизни, слезы ослепляют меня. Значит, я упала в бассейн. Это объясняет, почему было такое чувство, что рот заполняется водой — фактически так оно и было.

Люк был ранен, защищая меня. И почти умер, пытаясь сохранить мою жизнь, не прекращая делать искусственное дыхание, в то время как сам истекал кровью. Мне резко поплохело.

— Куда пришелся выстрел? — шепчу я.

Морган невесело улыбается.

— В грудь. Пуля пробила его легкое и разорвалась на части. Три части осколков попали в его грудную клетку. Он перенес две операции: первую, чтобы убрать остатки, и еще одну, потому что ему стало хуже. не знали, что пошло не так, поэтому снова разрезали его и вытащили последний осколок, давящий на аорту. Он дважды чуть не умер, но выжил. Как и ты, Эв. Вы оба — бойцы.

Моя первая реакция — сесть. Но мне чертовски больно. Комната начинает кружиться.

— Воу-воу, девочка, полегче, ты куда собралась?

— Морган, мне нужно его увидеть. Увидеть собственными глазами, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. В какой он палате?

Она качает головой, прижимая ладонь к моему плечу, чтобы удержать на кровати.

— Ни в какой, Эв. Его выписали из больницы три недели назад. Он все еще восстанавливается, но в целом он в порядке.

— Три недели? — Эта информация не укладывается в моей голове. Там полная каша. — А как долго я здесь валяюсь?

Морган пожимает плечом с немного робким видом.

— Немного дольше, крошка. Семь недель.

Моя челюсть падает на пол. Я была без сознания семь недель? Я, конечно, не доктор, но даже я понимаю, что это чудо. Я ведь могла вообще больше не прийти в себя. И умереть. Испытывая смешанные чувства, я плююсь на больничные простыни.

— Я пропустила похороны Тейта.

— Ага, — грустно улыбается Морган. — Ничего страшного. Полагаю, он знает, если бы ты могла, то была бы там.

Я сжимаю ее руку и ненавижу то, что она пытается успокоить меня, хотя я должна была быть там, чтобы поддержать ее.

— Мне так жаль, Морган. Тебе пришлось пройти через все это одной...

Она успокаивает меня, сжимая в ответ мою руку.

— Все в порядке. На самом деле, со мной была моя мама. Она... она была удивительно

хорошей. — А вот это неожиданно. Может, между ними начинается выстраиваться мост взаимопонимания.

— Еще полиция задержала человека, ответственного за наркотики, — осторожно продолжает Морган. — Лесли выпустили до суда, он состоится через месяц. Ей предъявляют обвинение в непредумышленном убийстве.

— Лесли? Моя соседка Лесли?

— Ага. Я не хотела тебе говорить. Просто тогда не хотела иметь с ней ничего общего. Извини.

По ходу, я дико облажалась насчет Ноа.

— Значит, она наркотореклер?

Морган кивает, подтверждая.

— Она хотела доказать родителям, что может справиться без их помощи, выбрав свой путь. И закончив колледж, иметь больше денег, чем у нее было при поступлении. Продажа таблеток — легкий, прибыльный способ сделать это. Она сознательно распространяла таблетки, в которых было намешано бог знает что.

— О боже. Я и понятия об этом не имела.

Морган просто пожимает плечами.

— Тебя подстрелили в ногу, если что. Эти врачи-недоучки считали, что твой мозг серьезно поврежден из-за недостатка кислорода. И твоему дяде сказали, что самое лучшее, что можно сделать в нашей ситуации — отключить тебя от аппаратов, так как ты либо не проснешься, либо придешь в себя и будешь овощем. Но Люк не позволил им говорить подобный бред. Он подрался с доктором и целую неделю не мог появиться в больнице, его не пускали. Но, он валялся перед ними на коленях, пока они, наконец, не сжалились, пустив его обратно.

Я провожу кончиками пальцев по правому бедру поверх простыни, почувствовав приступ боли, когда пытаюсь согнуть пальцы ног.

Ранение в ногу. Вот что значила та вторая волна боли. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Похоже, я на грани потери контроля.

— Мне нужно увидеть его, Морган. Прямо сейчас. Где он?

— Я здесь, — слышится тихий шепот мне в ответ. Открываю глаза — Люк стоит в дверях, его левая рука перебинтована и лежит на повязке, перекинутой через плечо. Как обычно на нем темная футболка и потертые джинсы, необычны лишь тени, залегшие под глазами. Свидетельство бессонных ночей, беспокойства, злости и бессилия. Он выглядит как тот маленький мальчик, которого папа учил играть Blackbird. Мое сердце пропускает удар, когда я смотрю на него. — Ты очнулась, — произносит он. Голос ровный, безэмоциональный. Я киваю головой.

— Слышала, что произошло какое-то время.

Люк не говорит ни слова. Просто смотрит на меня. Морган прочищает горло.

— Наверное, мне стоит пойти проверить, куда подевался Брэндон. Девчонка очнулась от комы, медсестра должна нести сюда со всех ног, верно? Хех. — Она встает, и смешной походкой уточки протискивается мимо Люка, который все еще стоит, не шелохнувшись, и занимает весь дверной проем.

— Ты в порядке? — шепчу я. Глупый вопрос, я и так вижу, что он не в порядке. Он моргает, будто только очнулся. Люк делает шаг, аккуратно закрывает дверь и останавливается на миг. Подходит к койке и смотрит на мои руки, сложенные на коленях.

— Я должен был убить ее. И я хотел сделать это, но не мог бросить тебя. Если бы я хоть на минуту остановился, ты бы перестала дышать и ушла от меня навсегда. И я продолжал. Я не останавливался, Эв. — Его глаза полны слёз. Я тянусь вперед, беру его правую руку, мягко наклоняюсь в его сторону и прикасаюсь ею к своей щеке. Он такой холодный. Я чувствую запах сигарет и понимаю, что он курил.

— Мне так жаль. Прости, что сбежала от тебя. — Я обещала ему не делать этого. Он дважды говорил, что если я узнаю о его прошлом, то сбегу без оглядки, и так оно и вышло. Именно так я и поступила. Я презираю сама себя, прижимая его ладонь к своему лицу. Пальцы Люка дрожат, пытались обхватить мои, но он не может. Он словно в оцепенении, позволяя мне касаться его. — Ты простишь меня, Люк? Пожалуйста, скажи, что ты простишь меня?

Странный рык вырывается из его горла, когда он придвигается ближе и садится на край моей постели.

— Тебе не за что извиняться, Эв. Ты всё еще не знаешь, что произошло, когда я был ребенком. Когда у нас всё началось, я должен был быть честным с тобой. Тогда бы этого не произошло. — Он грустно улыбается. — Ну почему правильный путь всегда самый страшный, а?

Я слишком обескуражена его ответом. И просто жду, затаив дыхание, что он скажет дальше. О том, что рад, что, я в порядке, но на самом деле ему пора обратно в Нью-Йорк. Я все испортила и слишком поздно что-то между нами исправлять. Он откашливается, и я готовлюсь к худшему. Но он говорит вовсе не то, что я ожидала.

— Как бы то ни было, извиняться должен я.

— Что? — не могу сдержаться, удивление сквозит в каждой черте моего лица. Люк поднимает руку в предупреждающем жесте, заставляя молчать.

— Мне раньше следовало во всём разобраться. Хлоя бы не заперла тебя в том подвале, если бы я понял раньше, что она замешана в этом деле.

— Ты не мог ничего знать. Люк, как ты вообще себе это представляешь? Она коп, черт возьми. И прекрасно знает, что нужно делать, чтобы скрыть улики.

— Она хвасталась этим, — признается Люк. На его лице отражается замешательство. — Она всё нам рассказала. Эти четверо работали в команде и убивали по очереди, чтобы каждый мог почувствовать вкус убийства. Хлоя придумала четыре разных почерка, чтобы запутать нас. И информировала всех остальных о ходе расследования. Чтобы убедиться, что мы не подобрались слишком близко.

С тех пор как в подвале Хлоя сняла лыжную маску и раскрыла свое истинное лицо, меня мучил всего один вопрос:

— Одного не могу понять. Зачем? Зачем ей понадобилось всех убить?

— Ее сестра-близнец умерла, когда им было по восемь. Их родители расставили ловушки со стрихнином в подвале для борьбы с грызунами. Однажды летом двое из них забрались туда, и Хлоя заставила Мишель съесть эту дрянь, не понимая, что это убьет ее. В любом случае, произошедшее навсегда изменило Хлою. Она стала одержима сестрой и способом ее смерти. Потому что это была ее вина. Ей хотелось переживать это снова и снова.

Душераздирающая история пробирает меня до костей. Люк видит мою реакцию

— Спокойно, — шепчет он. — Всё закончилось. Она попала за решетку и проведет там остаток жизни. Давай не будем больше об этом.

Словно что-то решив для себя, он медленно приближается к кровати и наклоняется, чтобы аккуратно убрать волосы с моего лица. Я закрываю глаза и подаюсь вперед на его прикосновение. Глаза снова жжет. Я в равной степени борюсь с печалью и страхом, черпая в себе храбрость, чтобы задать следующий вопрос.

— Люк, что теперь будет?

Его рука застывает.

— Ты о чем?

— Хорошо, — голос надламывается. — Та чушь, которую моя мать рассказала о тебе...

— Девочка, в детстве жившая со мной по соседству, — говорит Люк, перебивая меня, — Розы. Она была на три года младше. С черными вьющимися волосами, — продолжает он тихо, уставившись невидящим взором на потертость в нижней части входной двери. — Если честно, она было подружкой Эммы. Частенько приходила играть с ней после школы. Я дразнил их. Подкидывал мусор в кукольный домик Эммы. Иногда преследовал их в лесу после начальной школы.

Я проснулась всего пять минут назад. И не уверена, что могу справиться с тем, что он собирается мне сейчас рассказать, но если сейчас не дам ему выговориться, этого может больше никогда не произойти. Я задерживаю дыхание, готовясь к худшему.

— Мне было одиннадцать, когда всё началось. Мой папа, как предполагалось, присматривал за мной и Эммой, пока мама работала. Он ушел рано утром и сказал мне следить за сестрой. Он часто так делал. Розы приехала поиграть с Эм. Днем, около трех, папа явился домой, шатаясь. Раньше он никогда не пил, но затем внезапно просто... начал. А когда выпивал, становился жестоким. Эмма и Розы заснули в гостиной. Я был в кухне, делал нам сэндвичи, потому что он не пришел домой покормить нас. Я собирался разбудить девочек, когда еда была готова. Вместо этого папа приехал и нашел меня, Розы была у него на руках. Она все еще спала. Он сказал мне раздеться.

— Что? — Я подтягиваю колени к груди, словно пытаюсь стать меньше, пока внутри все кричит от боли.

Люк не смотрит на меня. Не думаю, что он может это сделать. Он закрывает глаза. И начинает раскачиваться.

— Я был забавным ребенком. И думал, что уже вырос. Поэтому не хотел, чтобы кто-либо видел меня голым. Сказал ему, что не стану снимать одежду. Отец подошел к духовке и включил ее. Газовую плиту. Самую большую конфорку. Крутил ручку до тех пор, пока огонь не стал максимальным. Розы все еще спала у него на руках, положив голову на плечо, когда он взял лопатку с металлической ручкой, которой мама обычно переворачивала омлет. Наклонил ее над огнем, пока металл не раскалился докрасна. «А теперь, — сказал он, — если ты сейчас же не разденешься, я приложу эту чертову штуку к ее чертовой коже». — Люк снова останавливается, пытаюсь взять себя в руки. Делает глубокий вдох. В его глазах стоят слезы. — Я знал, он способен на это. Он становился чокнутым, когда напивался. И я не хотел, чтобы Розы было больно, поэтому... Снял одежду. Тогда папа разбудил Розы. Она не поняла, что происходит. Он сказал, что мы будем играть в гребаную игру, — последние слова Люк просто выплевывает.

У меня перехватывает дыхание. Закрывая рот руками, я уже знаю, что он скажет дальше, и нахожусь в ужасе. Подозревая. Надеюсь, что это не так.

— И Розы спросила... спросила, что это за игра? Черт подери... ей было всего восемь. — Его голос почти сел, он едва может говорить. — И мой отец, он ответил, что мы с ней

будем играть для него, а он будет смотреть. Он приказал Розе снять одежду, а она, блин, не понимала, что вообще происходит, и тогда... — Люку не хватает дыхания, он замолкает, слезы градом катятся по лицу. Он сгибается пополам, его плечи и тело дрожат.

— Все в порядке. Все хорошо. Тебе не нужно больше ничего говорить. — Я сползаю вниз по кровати, обхватывая его застывшее тело.

— Я не трахал ее. Я знал, что это чертовски неправильно. Да и в любом случае, я просто не смог бы. Я же был еще малолеткой. — Лицо Люка превращается в маску. — Это дико разозлило его, что я, блин, даже не попытался. Он назвал меня размазней. Сказал, что я педик. Взял снова лопатку и сказал, если я не начну трогать ее так, как ему хочется, он сделает ей больно, тогда проснется Эми, и ей он тоже сделает больно. — Люка трясет, трясет так сильно, что мне кажется, он прямо сейчас распадется на кусочки. — В общем, он разделся и дрожил, глядя на нас, и голыми оставил нас на кухне, когда кончил. Сам пошел наверх и отрубился, его пьяный храп было слышно на весь дом. Так это случилось впервые. Второй раз наступил в мой двенадцатый день рождения. В доме была куча моих друзей. Дорогой папочка снова был вдрызг. Роза больше не приходила к нам домой, после того случая, боялась, наверное, но моя мама лично сходила к ним и позвала ее, чтобы у Эммы тоже был друг на празднике.

— Мы с друзьями смотрели фильмы в доме. Позже, когда стемнело, мы собрались в лес поиграть в войнушку с оружием для лазертага, которое мне подарила мама. Эм и Роза тоже хотели пойти. Черт его знает как, но всё повторилось. Отец нашел нас и отделил от группы. Я слышал голоса друзей в темноте неподалеку, как они смеялись и стреляли друг в друга. Они думали, что мы с Розой спрятались. Так как мы долго не появлялись, остальные дети вернулись в дом. Их уже ждали родители, чтобы забрать по домам. Они вернулись вместе с ребятами, искать нас. — У него вырвался всхлип, похожий на рыдание. — И они нашли нас.

— О боже. О боже, нет, Люк. Люк, ты не виноват. Это не твоя вина. — Он продолжает раскачиваться и в какой-то момент падает, уронив руки на колени, словно не выдержав тяжести признания. Я зарываюсь лицом в его волосы, разделяя его боль. Как? Как мог отец мальчика творить с ним такое? Как? Это чудовищно.

— Где был он сам? — спрашиваю я, пытаюсь подавить гнев, разрывающий грудь. — Где был твой отец?

— Он слышал, что они подходят. И оставил нас там.

Я хочу... разбить что-нибудь. Разрушить. Раскромсать. Кричать, до разрыва легких.

— Родители вызвали копов. Сказали, что я надругался над Розой. Я отрицал это, конечно, рассказал им о своем отце, но он сказал, что я лгу. Что я всегда лгу. Полиция не смогла решить, на чьей стороне правда, поэтому они ничего не сделали. Они отпустили моего отца, а я должен был начать видеться с твоим. Он взял надо мной шефство counselling, как они говорили.

— И ты рассказал ему о том, что произошло на самом деле?

Люк кивает. Он делает глубокий вдох и вытирает руками слезы.

— Я был ребенком. Как и Роза. Ее семья переехала после этого... Она... она умерла от лейкемии в тринадцать. — Люк смотрит на меня, и я вижу в его глазах ненависть к самому себе. Это разбивает мое сердце.

— Ты ни в чем не виноват. Мой папа наверняка говорил тебе это, так ведь?

Прищурившись, Люк смотрит перед собой.

— Да. Да, он говорил. Он заботился обо мне, Эв.

Сердце вот-вот выскочит из груди. Все то время, что я чувствовала себя преданной, пока мой отец проводил время с Люком, кажется сейчас потраченным попусту. Я была жалкой. Ужасно возмущенной той добротой, с которой мой отец относился к Люку. Но он был так сильно ему нужен.

— Я рада, — говорю я. — Рада, что он был рядом с тобой.

Мы сидим бок о бок в тишине, без движения, довольно долго. В конце концов, обессилив, я откидываюсь назад в постели.

— Мы оба натерпелись всякого, да? — спрашиваю я. — Но, по крайней мере, между нами больше нет никаких тайн. А насчет того, что было, Люк... ты такая же жертва, как и Роза. И это не меняет моего отношения к тебе. Я все еще ... я все еще люблю тебя. Я все еще хочу, чтобы мы были вместе.

Люк прячет лицо в руках. Он молчит, кажется, вечность. Когда же, наконец, поворачивает голову, она по-прежнему покоится его в руках, он пытается улыбаться. Кривой, грустной улыбкой.

— Я тоже люблю тебя, Эвери, — вздыхает он. — Но есть еще одна вещь. Еще одна вещь, которую ты должна знать.

— Что? О чем ты? — Что бы там ни было, я справлюсь с этим. Я смогу. После всего того, что я уже знаю, я точно переживу это.

— Твой папа, — говорит он с грустной улыбкой, — не имеет отношения к убийству девочек. И мужчин на складе. Но все-таки он имеет отношение к убийству одного человека, Эвери.

Я знаю, что он скажет до того, как слова срываются с его губ.

— Твой отец убил моего отца. И за это я люблю его.

Три недели спустя

Пока я была без сознания, многое изменилось. Люк больше не работает в полиции. Ну ладно, работает, но он взял годичный отпуск за свой счет, чтобы вместе со своей группой записать в Лос-Анджелесе альбом. Он все еще не уверен в правильности этого решения, но уже ничего не вернешь. Он упаковал свои вещи, и я переехала в его квартиру. Поскольку Лесли в настоящее время отбывает восемнадцать месяцев тюремного заключения за распространение наркотиков, я осталась без соседки. И не хотела бы снова жить, не пойми с кем, присланным Колумбийским, так что Люк попросил меня присмотреть за квартирой в его отсутствие. Это идеальное решение: никакой арендной платы, зато квартиру не ограбят, приняв за нежилую.

Люк хватает меня сзади, обнимая за талию, пока я смотрю как его коллега по группе и по совместительству лучший друг, Коул, садится в крутой гастрольный автобус, предоставленный их звукозаписывающей компанией.

— Ты уверена, что не хочешь пожить какое-то время в автобусе, в котором полно не слишком чистоплотных парней? — шепчет он в мои волосы.

— Эмм, спасибо, нет?

— О, ну давай же. Это будет весело. К тому времени как мы прибудем в ЛА, ты научишься разбираться в классике рока. Плюс будешь знать все приемы пикапа, изобретенные человечеством. Коул же должен на ком-то практиковаться.

Коул, кстати, все слышит. Он бросает спальный мешок в заднюю часть автобуса, и, указывая пальцем на Люка, заявляет:

— Это не моя вина, что ты подцепил горячую цыпочку, Рид. И я не смогу ничего с собой поделать, если буду видеть ее время от времени.

Вообще-то рядом со мной Коул ведет себя как истинный джентльмен, что ему не свойственно. Люк усмехается. В последнее время за ним это часто водится — улыбки, смех, ухмылки. Да и за мной тоже, честно говоря. Похоже, мы оба приходим в себя. Я вышла из тени самой себя, когда отца признали невиновным. И вернула себе имя Айрис — в конце концов, именно папа дал мне это имя. Когда я родилась, Аманда вообще не парилась, как меня называть, ведь я все время спала. А папа сходи с ума, пытаясь придумать, как будет меня называть всю оставшуюся жизнь. Мне всегда было немного неловко и стыдно называться новым именем, как будто этим я выказывала свое неуважение к его памяти. Так что теперь я снова Айрис, и это ощущается... правильным, что ли. Я та, кем должна быть.

Люк все еще Люк, но он немного изменился. После того как я узнала про ужасные события, через которые он прошел, когда был еще совсем ребенком, казалось, больше его ничто не сдерживает. Он снова живет и дышит полной грудью, и я беру с него пример. Мы учимся наслаждаться жизнью вместе.

Имеет ли какое-то значение, что мой отец все-таки лишил кого-то жизни? Не знаю. Когда Люк оглушил меня этой новостью, я довольно долго была в шоке. Дни проходили в раздумьях, стоит ли мне считать его плохим человеком или нет. Но Клайв Рид был пьяницей, который подвергал двоих детей сексуальному насилию. И когда потерянный мальчик посвятил папу во все грязные подробности, он сделал то, что навсегда избавило

парнишку от опасности, которую представлял для него его чокнутый родитель. Потому что иначе это могло бы повториться. Клайв был именно из такой породы людей.

— Ты готова к новому старту в Колумбийском? — спрашивает Люк.

Я киваю, прижимаясь спиной к его груди, и чувствую себя в полной безопасности. Администрация колледжа решила, что из-за смягчающих обстоятельств они закроют глаза на мое отсутствие на занятиях, и я могу постараться нагнать упущенное. Мне бы не хотелось заново начинать целый год... или терять место в журналистской программе. Профессор Лэнг рекомендовал меня для трудоустройства. Сказал, что ему интересно, какое пламя я могу разжечь.

— Но ты же приедешь на каникулах? — Люк прижимается лицом к моей шее, слегка прикусывая кожу зубами. Я чувствую непреодолимую потребность затащить его обратно в квартиру, но его товарищи и так уже злятся, что из-за его травмы потеряли кучу времени. Если мы снова сбежим, чтобы заняться умопомрачительным сексом, они устроят бунт на корабле.

— Я забронировала билеты и все остальное, — говорю я.

Люк сжимает меня крепче в своих объятиях.

— И не бери много одежды. Вряд ли она понадобится, я собираюсь большую часть времени держать тебя обнаженной.

Не сомневаюсь. И не возражаю, кстати.

Им уже пора ехать. На душе скребут кошки, когда Люк целует меня на прощание и залезает в автобус.

— Я позвоню тебе позже, — обещает он. — Не влюбись тут в кого-нибудь, пока меня не будет.

— Договорились.

— Клянешься на мизинчиках? — Он протягивает мне мизинец, по-дурацки ухмыляясь. Я обхватываю его своим и крепко сжимаю.

— Клянусь на мизинчиках.

Коул перекрикивает двигатель автобуса и кричит нам с места водителя:

— Эй, придурок! Пора устроить шоу на дороге!

Люк целует меня в последний раз. Его волосы так отросли. Они длиннее, чем он носил обычно, когда был копом. В сочетании с его глазами и шикарными татуировками это дает ошеломительный эффект, он выглядит как сексуальная рок-звезда.

— Я люблю тебя, — произносит он одними губами, когда дверь между нами захлопывается.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я в ответ.

И автобус несет D.M.F в тур, медленно начиная движение вдоль по улице. Я стою на обочине, глядя как он удаляется, разбивая мне сердце. Но, несмотря на то, как чертовски отвратительно нам быть порознь, я знаю, это то, что Люк должен делать. Я чувствую это сердцем. Так же, как всем сердцем чувствую, что лето не за горами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

в переводе с шотландского «праздник»

[
←2
]

общий термин для обозначения традиционных групповых танцев в Ирландии и Шотландии, а также в более широком смысле — музыки для этих танцев и вечеринок, на которых танцуются эти танцы. Название происходит от шотландского «ceilidh» — праздник.

[
←3
]

Ограничение — до 18 лет требуется сопровождение родителя или взрослого опекуна (возраст может меняться в некоторых регионах). Данный рейтинг показывает, что оценочная комиссия заключила, что некоторый материал оцененного фильма предназначен для взрослых. Родители должны больше узнать о фильме прежде, чем взять на его просмотр детей. Рейтинг R также может быть назначен из-за используемого в фильме языка, темы, насилия, секса или изображения употребления наркотиков.